ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год.

1

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. У МАВЗОЛЕЯ В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА.

Фото Я. Рюмкина.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1 январь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Центральный музей В. И. Ленина.

ВЕЛИКИЙ ПРИМЕР

С. Гарбузов

«СМОТРИ, ВАСИЛЁК, ЗАПОМИНАЙ!..»

...Бедно обставленная комната на рабочей окраине Петербурга. Окна плотно завешены. Лампа под матовым абажуром бросает мягкий, приглушённый свет на сгрудившихся вокруг стола людей. Они жадно слушают, что говорит им невысокого роста человек с ясным, чистым лбом мыслителя...

— Смотри, Василёк, запоминай!..— Широкоплечий мужчина кладёт руку мальчику на плечо.— Смотри на эту картину. Это молодой Ленин беседует с рабочими в подпольном кружке. Он объясняет им, почему так получается, что одни работают до седьмого пота и живут впроголодь, а другие бездельничают и утопают в роскоши, объясняет, что нужно сделать, чтобы свергнуть царя и капиталистов. ...Вот с таких кружков и начиналась наша Коммунистическая партия.

Потом мы видим отца и сына склонившимися над стеклом витрины.

— Это Ленин писал? — шёпотом спрашивает Василёк.

— Ленин,— отвечает отец.— Видишь, исправлял, перечёркивал, дописывал... Чтобы проще выразить свою мысль, чтобы быстрей, легче дошла она до народа.

Василёк учится в четвёртом классе. Ему не понять пока глубокого смысла ленинских слов. Но эти испещрённые поправками страницы, свидетельство неустанной работы ленинской мысли, запомнятся ему навсегда.

Пройдёт немного лет. Красный галстук на груди у Василька сменится комсомольским значком. Изучая историю Коммунистической партии, Василёк снова придёт в музей, чтобы ясней представить себе прочитанное в книгах. А потом, быть может, как и отец его, мастер завода «Красный пролетарий», станет Василёк пропагандистом и, готовясь к очередному занятию в кружке, будет приходить сюда с тетрадкой-конспектом в руках проверить свои знания, дополнить их яркими примерами.

Людей самого разного возраста и разных профессий, самых разных национальностей можно встретить в залах Центрального музея Владимира

Ильича Ленина. Москвичи, приезжие, гости из зарубежных стран медленно переходят от витрины к витрине, от стенда к стенду. Рукописи и документы, картины и фотографии раскрывают перед посетителями музея страницы великой ленинской жизни, неразрывно связанной с жизнью и деятельностью созданной Лениным Коммунистической партии.

С НАРОДОМ, ДЛЯ НАРОДА

О детстве и юности, о начале революционной деятельности Ленина рассказывают материалы, собранные в первом зале музея. Среди них небольшая картина, у которой неизменно задерживаются юные посетители.

...В глубоком горе опустилась на стул Мария Александровна, мать Владимира Ильича. Только что пришло известие, что старший сын её, Александр, казнён царскими палачами. Семнадцатилетний Владимир Ульянов — рядом с матерью. Его глаза горят. Опущенная на стол рука сжата в кулак.

«Мы пойдём другим путём» — назвал свою картину художник. Что означает это название? Какой путь в жизни с юных лет определил для себя Владимир Ульянов?

Старший брат Ленина, Александр, как и многие революционеры того времени, считал, что можно изменить существующие порядки и добиться свободы, убив царя, уничтожив царских министров. Это должна была сделать небольшая группа смелых, отважных революционеров. Но Ленин видел, что нужно искать другой путь. Он познакомился с учением Маркса и Энгельса и понял, что не террор, не убийства отдельных представителей власти, а только народное восстание — революция — покончит с царским гнётом. Но чтобы организовать, просветить и повести трудящихся на борьбу против угнетателей, нужен руководитель. Таким руководителем может быть только революционная партия, объединяющая самых смелых, честных, беззаветных борцов за дело народное.

За создание такой партии боролся Владимир Ильич Ленин.

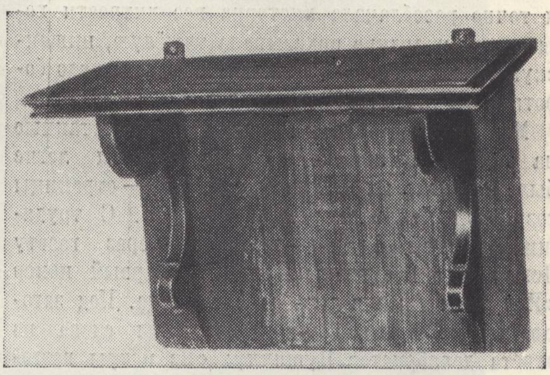
Рядом с картиной, о которой мы только что рассказывали, висит другая. В Казанском университете собралась студенческая сходка. Студенты, недовольные порядками университета, которые глушили всякую живую мысль, решили предъявить свои требования начальству. Среди организаторов сходки мы видим студента первого курса Владимира Ульянова. После этого выступления Владимира Ильича арестовали. По дороге в тюрьму пристав, сопровождавший Ленина, сказал ему:

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

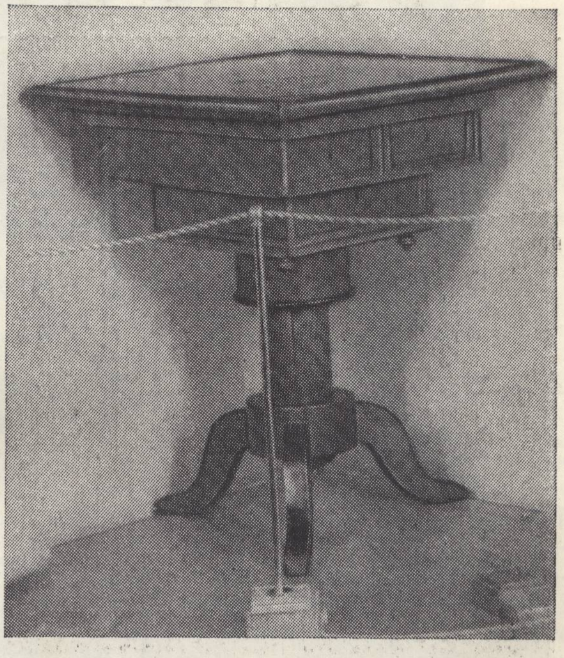
ИСКРА

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА. № 1.

В декабре 1900 года вышел первый номер газеты «Искра». «Искра» издавалась за границей и тайно пересылалась в Россию. Владимир Ильич Ленин был организатором «Искры». Он тщательно редактировал каждый номер «Искры», сам много писал. Трудно было распространять «Искру» в России в то время. Полицейские жандармы выслеживали агентов «Искры». Отважным революционерам грозила тюрьма и ссылка. Но Ленин добился, чтобы «Искра» выходила регулярно. Ленинская «Искра» помогла коммунистам подготовить создание революционной марксистской партии.

В этой полочке за двойными стенками хранились номера ленинской «Искры».

По чертежам Владимира Ильича был сделан особый шахматный столик. В искусно скрытом от глаз потайном ящике столика долгое время были спрятаны дела и документы Центрального Комитета Коммунистической партии.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни,—и развалится,— смело ответил молодой революционер.

Он сказал так, потому что верил в свой народ, в его неисчерпаемые силы. И эту веру он пронёс через всю свою жизнь.

Тысячами нитей был связан Владимир Ильич с рабочими и крестьянами, жил их горестями и радостями, их чаяниями и надеждами. В следующем зале музея выставлена написанная Лениным в 1895 году листовка. Она обращена к бастующим рабочим и работницам фабрики Торнтона. Читали её петербургские текстильщики, и многое становилось им понятнее — так просто и точно разоблачала листовка все хитрости хозяев, так правдиво показывала тяжёлую, нищенскую жизнь ткачей, учила рабочих, как надо бороться с капиталистами.

Мы проходим дальше и видим отпечатанные на тонкой папиросной бумаге,— чтобы легче было спрятать их от царских ищеек,— страницы созданной Лениным газеты «Искра». С трудящимися всей России говорили через газету Ленин и его единомышленники. Первый номер «Искры» вышел в декабре 1900 года. Под заголовком «Искры» были напечатаны слова из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». И, переходя из зала в зал, видят посетители музея, как сбывалось это пророчество, как из зажжённой Лениным искры разгоралось пламя великого революционного пожара, которое дотла сожгло царское самодержавие и буржуазную власть.

Картины, фотографии, воспоминания современников, собранные в музее, рисуют нам Владимира Ильича в разные периоды жизни. И всюду и везде мы видим Ильича с народом.

1917 год. В России началась революция. Ленин спешит из эмиграции на Родину, чтобы возглавить революционную борьбу. Вот он у выхода с Финляндского вокзала, среди восторженно встречающих его рабочих, солдат, матросов. Сейчас Ленин поднимется на броневик, и грянет подхваченный всем народом призыв: «Да здравствует социалистическая революция!»

Вот Ленин на трибуне, среди рабочих Путиловского завода. Простое, ясное ленинское слово глубоко западает в сердце каждого. Вот Ленин беседует с делегатами третьего съезда комсомола. А вот он вместе с красноармейцами и рабочими на субботнике во дворе Кремля.

Всегда с народом, всё для народа! Примером всей своей жизни утверждал Ленин этот нерушимый закон коммуниста.

К ЦЕЛИ, ТРУДНОСТЯМ НАПЕРЕКОР!

Возвратимся снова в первый зал музея.

Под стеклом витрины предписание казанского губернатора, которое было отправлено вслед за молодым революционером, высланным из Казани

В июле 1917 года Временное буржуазное правительство Керенского издало приказ об аресте В. И. Ленина. По решению партии Ленин должен был уехать из Петрограда. Он скрывался в шалаше у озера Разлив. В это время он жил под именем рабочего Иванова.
В музее хранится удостоверение, выданное на имя Иванова, которым пользовался В. И. Ленин.

Рисунок художника Е. Кибрика рассказывает о событии, которое произошло в июне 1917 года на I съезде Советов. Меньшевики и эсеры пытались предать революцию; они утверждали, что нет такой партии в России, которая одна, без буржуазии, сможет взять власть. Тогда поднялся Ленин и с места крикнул: «Есть такая партия!» Он говорил о партии коммунистов.

в глухую деревушку за участие в студенческой сходке. Местным властям приказывалось: «...учредить строжайшее секретное наблюдение за упомянутым Ульяновым».

С первых же шагов революционной деятельности испытал Ленин все трудности и опасности, которые подстерегали в царской России борцов за правду и свободу.

Его бросали в тюрьмы, ссылки, заставили покинуть Родину и скитаться в эмиграции по чужим странам, но ничто не могло сломить ленинской воли. Он шёл к цели, всем трудностям наперекор.

...Среди экспонатов музея — медицинский учебник. Он был передан вместе с другими книгами Ленину в тюрьму. Кажется странным: зачем понадобилась Ленину в тюрьме эта книга? Но присмотритесь внимательнее, и вы увидите бледные надписи, едва-едва проступающие между печатными строчками. Надписи сделаны молоком. Их можно прочесть только в том случае, если подержать страницу над огнём. Вот

таким способом переписывался Ленин со своими товарищами, давал им советы, указания.

«Нас недаром прозвали твердокаменными», — говорил о коммунистах Ленин. Знакомясь с материалами музея, мы много раз вспоминаем эти ленинские слова. Вспоминаем их и в зале, посвящённом периоду гражданской войны, у военной карты.

...Извивающиеся линии фронтов вплотную приблизились к Москве, Петрограду. Империалисты Америки, Англии, Франции, Японии не жалеют танков, пушек, снаряжения. Только бы задушить Советскую власть, только бы огонь революции не перекинулся на крыши их дворцов.

Рядом с картой — картина. Ленин у прямого провода. Мы смотрим в лицо Ильича. Оно полно решимости и твёрдости. Уверенной рукой сквозь бури и штормы ведёт Ленин молодую Республику Советов.

Вместе с Лениным поднимают народ на борьбу с врагом его славные соратники. Из Царицына шлёт донесение Сталин: враг отброшен, разбит. Гонят Колчака возглавляемые Фрунзе полки ивановских рабочих, преследует врага ворошиловская конница.

...Разбиты вражеские полчища. Но у революции ещё много врагов. Главные из них — разруха, голод. Надо налаживать хозяйство, отстраивать разрушенное.

Ещё одна карта на стене музея. На ней огоньки электрических станций, которых ещё не было при жизни Ильича, но которым Ленин дал жизнь. «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — читаем мы слова Ленина. По ленинским указаниям был разработан план электрификации Советской страны. Ленин сам участвовал в испытаниях первого электротрактора. Он ездил к крестьянам села Кашина на открытие местной электростанции.

«...Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и уменье сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели... Эти качества пролетариата — порука, что пролетариат победит», — говорил Ленин.

Примером всей своей жизни учит нас Ленин, как надо бороться, не сгибаясь, не отступая перед трудным.

«ПРОСТ, КАК ПРАВДА»

Путешествуешь по залам музея, смотришь на документы, фотографии, картины, и в памяти всплывает записанная Алексеем Максимовичем Горьким беседа с рабочим Дмитрием Павловым:

«Осенью восемнадцатого года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

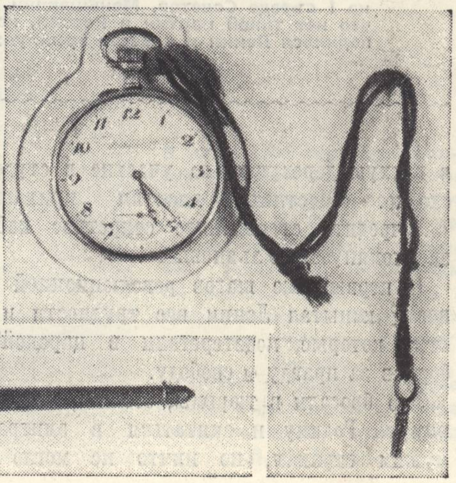
— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это, как хорошо продуманное, давно решенное».

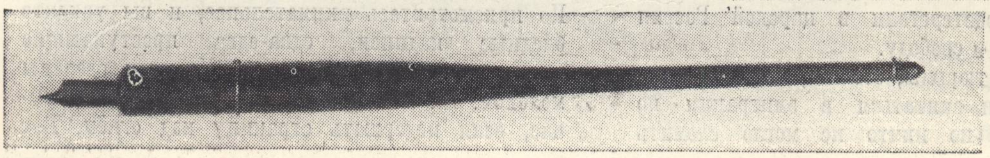
Как правда, просты и, как правда, неотразимы ленинские произведения, статьи, письма. Удивительно просто, задушевно умел он беседовать с людьми... Посмотрите на картину: к Ленину пришли ходоки, крестьяне из далёких мест. Как ласково беседует с ними Ильич!.. Внимательно слушают Ленина крестьяне. Вот теперь понятно, что делать, чего добиваться.

Работники музея любовно, во всех подробностях восстановили обстановку кабинета Ленина в Кремле. Мы видим фотографию комнаты Ильича в Горках, стол, за которым он там работал. Ничего лишнего, никакой роскоши.

Вот вещи, которыми пользовался Владимир Ильич. Пальто, в котором он ходил. Нельзя без глубокого волнения рассматривать заштопанную дырочку на рукаве чуть пониже плеча — след

Ленин дорожил каждой минутой своего времени; когда он работал, перед ним всегда лежали эти часы.

Этой ручкой подписывал Ленин первые декреты Советской власти на II съезде Советов в ноябре 1917 года. Новые декреты несли мир народам, отдавали землю крестьянам, передавали в руки народа заводы и фабрики, леса и воды и земные недра.

вражеской пули. Дырочка заштопана заботливыми руками Надежды Константиновны Крупской, жены и верного друга Ленина.

В пятую годовщину Советской власти рабочие Стодольской фабрики в Клинцах, пустив фабрику в ход, решили послать Ленину письмо и подарок — отрез сукна на костюм. Вот что ответил им Владимир Ильич:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

...Простой и искренний. Великий и родной. Таким был он, таким запечатлён его образ в многочисленных материалах музея, таким сохранится на века в памяти народа.

«БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ»

«Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» — высечены на мраморе в одном из залов музея бессмертные слова Ленина из его книги «Что делать?», написанной в 1902 году. В те годы революционеров была маленькая горсточка. «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем», — писал Ленин.

ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА. С картины В. Серова.

Прошло больше пятидесяти лет. Ленин и его соратники создали организацию революционеров — Коммунистическую партию, которая «перевернула» Россию. Под руководством Коммунистической партии рабочие и крестьяне прогнали капиталистов и помещиков, создали первое в мире государство трудящихся. Под её руководством трудящиеся нашей страны построили социализм и теперь строят коммунизм.

За пятьдесят лет Коммунистическая партия превратилась в могучий союз единомышленников-коммунистов, объединяющий около семи миллионов самых передовых, смелых, честных и самоотверженных борцов за дело народа. Могучая, несокрушимая армия сплотилась под знаменем, которое полвека назад поднял Ленин.

...Осмотр музея близится к концу. Один из последних залов. Под стеклом витрины снимок партийного билета.

«Партийный билет № 0000001
Фамилия — Ульянов (Ленин)
Имя и отчество — Владимир Ильич
Год рождения — 1870
Время вступления в партию — 1893».

Когда в 1927 году всем коммунистам обменивали партийные билеты, билет за номером 0000001 был выписан Владимиру Ильичу Ленину, основателю Коммунистической партии. В делах партии живёт мысль, воля, сердце Ильича.

Партия и Ленин —
близнецы-братья,—
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.

* * *

Тридцать лет назад не стало Ленина. Тридцать лет назад Иосиф Виссарионович Сталин от имени партии произнёс священную клятву над гробом учителя и вождя трудящихся всего мира — чтить и выполнять ленинские заветы. Эту клятву Коммунистическая партия сдержала. Год от года счастливей и лучше живут советские люди. Год от года мощней и крепче становится наша любимая Родина — Союз Советских Социалистических Республик.

Идеи Ленина, его светлый образ, вся его жизнь учат, как надо жить, преодолевать трудности, побеждать врагов. И как надо любить свой народ, ничего не жалея для его счастья.

ЛЕНИН

Анджей Мамдалиан

Ветер алые флаги тревожит
В городе, звонком от стужи...
Есть имена,
Что жизни дороже.
Жизнь,
Что с вечностью дружит.
И эта жизнь,
Как приказ,
Как песня...
Через годы
И гром сражений
Ведёт нашу землю к цели чудесной
Ленинский светлый гений.

В семнадцатом
Самодержавье свалили
Мы руками своими.
Как слово «мир»,
Произносили
Солдаты
Ленина имя.

Не отдадим на поруганье
Землю свою отныне.
Если нужно,
В борьбе с врагами
Будет она твердыней!
Люди отважных поколений
Перед врагом
Не робеют!
Дело твоё, великий ЛЕНИН,
Славу твою, великий ЛЕНИН,
МИР защитить сумеют.

Перевод с польского
Елены Благининой.

Я ВИДЕЛ ЛЕНИНА

Макс Циммеринг

Десятки, сотни раз его я видел —
Не в строгом Мавзолее, где он спит:
Вдоль новых улиц он шагал, строитель,
Под солнцем, поднимавшимся в зенит.
Я видел: обвинял он суд неправый,
Готовил бой в подполье в трудный час,
Он слушал чью-то речь, прищурив глаз,
Он к горнякам спешил, покрытым славой.
Встречал его на пионерском сборе,
И среди пахарей в родном краю,
И в Первомай, шагающим в строю,
И капитаном, уходящим в море.
Он всюду был, где реял флаг свободы,
Он поднимал рабов на смертный бой,
Везде голодных вёл он за собой,
Борьбе за счастье он учил народы.
Со Сталиным его я видел рядом:
Они решали, как в кратчайший срок
Остановить ветра, унять песок,—
Весь шар земной хотел он сделать садом.
Десятки, сотни раз видал его я,
Хоть не входил ни разу в Мавзолей.
Ведь Ленин — это мужество живое,
Кто видел Ленина, тот стал сильней!

Перевод с немецкого
Елены Николаевской и Ирины Снеговой.

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Ф. Вигдорова

Рисунки Н. Калиты.

(ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ)

Все вы, ребята, знаете об Антоне Семёновиче Макаренко и его замечательной книге «Педагогическая поэма». Эту книгу любит каждый, кто читал её. Она рассказывает о том, как талантливый советский педагог растил и воспитывал ребят. К нему приходили ребята с улицы, беспризорные, не привыкшие ни к труду, ни к дисциплине, и Антон Семёнович воспитывал их настоящими советскими людьми. Он руководил колонией имени Горького, а позднее — коммуной имени Дзержинского.

Многие из учеников Антона Семёновича пошли по его стопам. Те из вас, кто читал «Педагогическую поэму», помнят, что в конце её А. С. Макаренко говорит об одном из своих воспитанников, Семёне Карабанове; он тоже всю жизнь посвятил детям, лишённым родителей.

О дальнейшей судьбе С. Карабанова и рассказывает Ф. Вигдорова в своей новой повести — «Дорога в жизнь». Книга эта не документальная, но в основу её положены события, происходившие с героем «Педагогической поэмы». Ф. Вигдорова рассказывает о том, как С. Карабанов по совету Антона Семёновича Макаренко поехал в Ленинградскую область и взялся работать в самом плохом детском доме, в котором не было ни дисциплины, ни дружбы между ребятами, ни даже просто порядка и чистоты. Постепенно, работая, как учил его Антон Семёнович, Карабанов добился того, что дети в доме стали жить и учиться дружно и счастливо.

Мы печатаем главы из этой повести. Действие происходит летом 1933 года. В детском доме ребята были разбиты по отрядам, во главе каждого отряда стоял выбранный ими командир. В четвёртом отряде были младшие ребята, и руководил ими Сергей Стеклов. Митя Королёв (по прозвищу «Король») был командиром третьего отряда.

Рассказ ведётся от лица Семёна Афанасьевича Карабанова.

ТАК ДРУЗЬЯ НЕ ПОСТУПАЮТ

Отряд Жукова дежурит по столовой. Ребята из этого отряда все в своего командира — выдумщики. Вот они стали вывешивать меню. Это новость, прежде этого не было. А теперь на дверях столовой каждый день можно увидеть новый листок, и не с простым перечнем блюд, а с пояснениями:

«Гречневая каша — самая полезная.

Кисель с молоком — очень вкусный».

В определениях жуковцы неистощимы. Иногда они позволяют себе и критические замечания:

«Щи мясные — жидкие.

Чай — не очень сладкий».

Но это редкость: Антонину Григорьевну у нас любят и стараются не огорчать, да и не часто бывают для этого основания: готовит она отменно.

Однажды нам прислали скатерти, не бог весть какие, но всё же новые белые скатерти. На следующий день, входя в столовую, ребята увидели одну из этих скатертей, — она была аккуратно прилажена кнопками на стене возле двери, а рядом на листе бумаги, исчерченном стрелками, было написано:

«С этого дня мы не будем вывешивать меню.

Это ни к чему. Лучше посмотрите на скатерть, на которой обедали Плетнёв, Королёв, Разумов и Володин. На ней всё видно. Вот это рыжее пятно — от щей. Вот коричневое — сами видите, это от котлеты. Красное — кисель. Разобраться ничего не стоит!»

Ребята столпились перед этим «наглядным пособием». Передние смеялись, стоявшие позади старались протолкаться вперёд, вытягивали шеи, становились на носки — шум разрастался, и вдруг смех и возгласы прекратились, как по команде. Сквозь толпу пробирался Король. Он был зол и бледен, глаза сузились. Король рванулся к скатерти, но, увидев меня, остановился и хрипло сказал:

— Семён Афанасьевич, пускай снимут!

— Семён Афанасьевич, пускай снимут!

— А почему?

— Потому что издевательство!

— Ты обиделся? — говорю я. — Жуков, где он? Где Жуков? Надо снять! Королёв обиделся.

Снова вспыхнул смех. Король отшатнулся, лицо его потемнело, скулы выдались углами. Он резко повернулся и быстро, почти бегом направился к двери.

— Обидчивый...— протянул кто-то.

— Он только за себя обидчивый,— откликнулся Стеклов.— Когда другие обижаются, он не понимает.

— А зачем скатерти? Зачем скатерти? — вдруг закричал Плетнёв.— Посмотрите, у всех они грязные. Ели мы до сих пор на клеёнке,— для чего же скатерть? Клеёнку вымыл — и всё.

Он не махал руками, не лез в драку, но видно было, до чего он зол: каждый мускул напряжён, челюсти сжаты. Он обвёл ребят медленным, тяжёлым взглядом, и кое-кто, не выдержав, опустил глаза.

— А я за скатерть,— спокойно возразил Жуков, до сих пор молча стоявший у стены, заложив руки за спину.— Пока будем есть на клеёнке, каждый так и станет считать: ну, пролью, ну, запачкаю, подумаешь, какое дело! И будет у нас всегда, как в хлеву. А про скатерть всё-таки будут помнить: её стирать надо.

— Кто это будет помнить? — с вызовом крикнул Плетнёв.

— Я буду помнить. И ты запомнишь. И Король пускай запомнит.

— Не знаю, как на ваш вкус, а по-моему, есть на скатерти приятнее,— сказал я.— Если тебе подают на клеёнке,— значит, считают, что ты напачкаешь и за тобой придётся убирать. А если скатерть,— значит, уважают. Но дело ваше. Давайте проголосуем: кто за то, чтобы есть на скатерти? Ого, не сосчитаешь! Кто за клеёнку? Плетнёв, Разумов... а ты, Володин? Стало быть, все за скатерть, кроме Плетнёва и Разумова. А теперь, Жуков, сними эту скатерть. И вывешивайте опять обыкновенное меню.

...Ребята шумели потом весь день. И, конечно, не выбор между скатертью и клеёнкой волновал их: впервые за всю историю дома в Берёзовой поляне кто-то осмелился перечить Королю! Судя по всему, прежде он был полновластным хозяином, и даже старшие и наиболее крепкие ребята — Жуков, Стеклов, Подсолнушкин — избегали столкновений с ним. С тех пор, как возникли отряды, владения Короля сузились: их ограничивали теперь рамки третьего отряда. В самом отряде он более или менее считался только с Плетнёвым и Разумовым. На остальных покрикивал и помыкал ими без стеснения. Ребята относились к нему почтительно. Иной раз в разгар игры они искренне забывали, что я старше, что я заведующий, и в азарте выбивали мяч у меня из рук. Но о Короле они не забывали ни на минуту. Какой-нибудь Володин в упорной, самозабвенной борьбе, чуть ли не головой рискуя, завладевал мячом, но тут же выпускал его, стоило

Королю протянуть руку. Они все увядали и ходили притихшие, когда он был не в духе, и тотчас веселели, как только «его величество» приходил в хорошее настроение.

...И всё-таки мне нравился Король. Прежде всего он не был равнодушным. Решительно всё занимало его, все дела нашего дома имели к нему самое прямое отношение и находили в нём горячего и заинтересованного участника. При этом у него было хорошо развито чувство юмора, которое я очень ценю, он отлично подмечал смешное и умел посмеяться чужой шутке — лишь бы она не была направлена против него самого. При виде Стеклова он начинал вести себя, как встревоженная наседка,— метался, озирался, взывал: «Цып-цып!» В этом не было внешнего сходства с Сергеем — он как раз всегда держался на удивление спокойно и ровно,— но было очень точно выражено его отношение к малышам, и редко кто мог без смеха смотреть на это представление.

С Коршуновым Король обычно разговаривал в его же истерической манере («А что? А чего? Уйду! Не буду!») — и тот старался поскорее убраться подальше.

К Жукову Король относился настороженно, даже ревниво. «Детские игрушки»,— отозвался он о меню, которое стал вывешивать первый отряд,— и ребята из третьего отряда, входя в столовую, не решались остановиться у двери и поглядеть, чем же сегодня кормят: что-что, а настроение своего командира они улавливали мгновенно и безошибочно.

Жуков мог, конечно, вывесить любую скатерть: все они были достаточно грязны. Но он взял скатерть именно с королёвского стола, хотя, конечно, и сам он и все в его отряде понимали, что идут в наступление и встретят жестокий отпор.

До самого вечера Король не попадался мне на глаза. Его не было ни в спальне, ни в клубе, не видел я его во дворе и в парке. Но я не сомневался: он придёт и разговор у нас будет. У нас уже установились свои хорошие отношения. Недаром мы вместе распиливали толстое бревно, придирчиво присматриваясь, насколько вынослив и упорен другой. Недаром ехали вдвоём в полутёмном вагоне встречать Галю с детьми. Это Король принёс мне телеграмму об их приезде, он помог привезти Костика и Лену [1] в Берёзовую. Он был первым из ребят, с кем мои малыши познакомились и подружились.

Я сидел над какими-то счетами, когда в дверь постучали.

— Войдите,— сказал я, не подымая головы.

Король вошёл и остановился у стола.

— Садись,— предложил я.

— Садиться-то незачем,— ответил он угрюмо, но всё-таки опустился на стул.— Садиться в общем незачем...

— Что так?

— Я пришёл проститься, Семён Афанасьевич.

— Проститься? Куда же ты собрался?

— Ухожу из детдома.

— Куда?

— Насовсем.

— Я спрашиваю: куда?

— Куда глаза глядят. Мало ли дорог?

— Дорог много, это верно. А почему же ты надумал уходить?

— Будто не знаете...

— Не знаю.

Король посмотрел на меня в упор. «Зачем кривишь душой? Не совестно тебе?» — прочёл я в этом взгляде. Вздохнув, он отвернулся.

— Ну, если не знаете, пожалуйста: не хочу, чтоб надо мной издевались. Надоело.

— Кто же над тобой издевается?

— Да что вы, Семён Афанасьевич! — вскипел Король.— В насмешку, что ли? А скатерть-то вывесили — это что, не издевательство?

— Ну, если это — издевательство, тогда у нас все должны разбежаться. Ты, например, Стеклову проходу не даёшь, прозвал его Клушкой, однако он не уходит? И не обижается?

— Меня со скатертью перед всеми осрамили!

— А ты ребят срамишь в одиночку? Тоже перед всеми.

— Я не срамлю. Я просто смеюсь.

— Вот и над тобой просто посмеялись.

— Ну, как хотите, Семён Афанасьевич. Может, вы и правильно говорите. Только я не хочу, чтоб всякий там Санька надо мной свою власть показывал. Я уйду.

Он сидел, опустив плечи, угрюмо глядя мимо меня в окно. Лампа под зелёным абажуром освещала его лицо, оставляя комнату в полутьме. Огонёк лампы отражался в его глазах, которые сейчас казались совсем янтарными. Помолчали.

— Вот что, Дмитрий,— негромко заговорил я.— Ты знаешь, силой я никого не держу. И тебя держать не стану. Но одно я тебе скажу: так друзья не поступают.

Он быстро взглянул на меня и снова отвёл глаза.

— Так друзья не поступают. Ты знаешь, что здесь было. И знаешь, как трудно добиться, чтобы ребята стали жить по-человечески, чтобы стали они людьми. Чтобы наш дом из самого плохого, на который все пальцем показывают, стал самым хорошим. Ты знаешь: если бы не ты, не Стеклов, не Жуков, было бы во сто раз трудней. Вы поняли, помогли, стали рядом, как друзья,

[1] Галя — жена С. А. Карабанова. Лена и Костик — его дети.

как товарищи. Думаешь, я и Алексей Саввич[1] — все мы, воспитатели,— этого не понимаем, не ценим? А теперь, на полдороге, нет, какое на полдороге, в самом начале пути, когда всё трудное ещё впереди, ты говоришь: «Ухожу». Уходи. Я тебя удерживать не стану. Друзей не держат, не упрашивают, они сами приходят и остаются.

Король сидел теперь, поставив локти на край стола, упершись подбородком в ладони, и пристально смотрел мне в глаза.

— Неужели для тебя наш дом — всё равно что проходной двор? — прибавил я тише.

Он молчал. Я поднялся, подошёл к окну и, глядя в темноту, на мгновение вспомнил: вот так у окна стоит Антон Семёнович, а я сижу у стола и слушаю его...

— Спокойной ночи, Семён Афанасьевич!— услышал я.

— Спокойной ночи, Дмитрий.

Он встал, пошёл, на какую-то едва уловимую долю секунды задержался у двери — и вышел.

Куда он пошёл? Прямой дорогой на вокзал? Или побродит по парку и поднимется в спальню? Неужели он может уйти после всего, что уже пережито нами вместе, что уже, казалось, прикрепило и его к нашему дому, как всех, а может быть, и больше?..

Среди ночи я поднялся и пошёл в спальни. По коридору, отбывая свой час дежурства, ходил Петька и поминутно встряхивался, как щенок, только что вылезший из воды.

— Это я чтобы не уснуть,— пояснил он.

Но мне было не до него. Боясь разбудить ребят, сдерживая дыхание, я прошёл в спальню третьего отряда и тотчас увидел: кровать Короля пуста. Не веря себе, подошёл ближе — нет, не ошибся: никого. Я медленно пошёл назад, не ответив Петьке на улыбку, которой он неизменно приветствовал меня, хотя бы мы встречались в двадцатый раз. Спустился по лестнице, прошёл в кабинет и лёг на диван, твёрдо зная, что всё равно не усну.

УШЛИ...

Ещё не было шести часов, когда в дверь постучали.

— Семён Афанасьевич! — Жуков был бледен, голос его звучал взволнованно.— Семён Афанасьевич... Король ушёл... и Плетнёв и Разумов...

За ним, дрожа от утреннего холода, стоял, видно, только что проснувшийся Петька. Он растерянно переминался с ноги на ногу и часто мигал. На мгновение мне припомнилось, каким я увидел его в первый раз: чумазый мальчишка в одном башмаке сиротливо съёжился в углу пустой, грязной спальни. И даже голос у Петьки был, как тогда,— хриплый.

— Семён Афанасьевич, они... они горн унесли! — выговорил он, и вдруг по щекам его покатились крупные, в горошину слёзы.— Се-мё-он Афана-сьевич! Го-орн унесли-и! — повторил он, плача в голос.

— Не может быть! — только и смог ответить я.

— Ушли. И горна нет,— подтвердил Жуков.

Сказать честно, я был почти уверен, что Король останется. Пусть он почти не отвечал мне. Но я помнил его лицо, глаза, его пристальный взгляд и то, как он сказал: «Спокойной ночи, Семён Афанасьевич!» И всё-таки он ушёл. Ни к чему был мой с ним разговор, моя попытка повернуть его, задеть за сердце. Ладно, так тому и быть. Но чтоб, уходя, он мог украсть горн,— нет, невозможно!

Не отвечая Сане, я зашагал в столовую. Горн обычно висел там, напротив двери. Он весело поблёскивал, и с его рукоятки свешивался маленький алый флажок. Теперь горна не было.

— Так... Ты дежурил, Александр. Расскажи.

Дежурил действительно отряд Жукова. У нас был пост возле главного здания, где помещались спальни, клуб и кладовая. Был часовой у будки. Но у столовой не было никого. Да если сказать правду, никто не допускал всерьёз, чтоб в наш дом забрались воры или бандиты.

Король, Разумов и Плетнёв, должно быть, вылезли в окно. Петька клялся, что в его дежурство они по коридору не проходили, то же утверждали и остальные дежурные. А ещё вероятнее, что Король и не поднимался в спальню, а просто сви-

Король молчал. Я поднялся, подошёл к окну.

[1] Алексей Саввич, Екатерина Ивановна, Софья Михайловна — воспитатели в детском доме.

стом вызвал друзей к себе, если только они не ждали его заранее в условленном месте.

«У, черти! Подлецы, гады!» — неслось со всех сторон. Но я замечал и весёлые лица, кое у кого в глазах плясали злорадные огоньки. Иронически улыбался Репин. Ещё глубже прежнего задумались о чём-то своём Коробочкин, Суржик. В третьем отряде царила совершенная растерянность. Приземистый крепыш Володин стоял неподалёку от волейбольной сетки и молча пожимал плечами, словно отвечая на какой-то ему одному слышный вопрос.

Костик ходил за мною, как привязанный, и, заглядывая в лицо, повторял:

— А где Король? Он в Ленинград поехал, да? Он приедет вечером, да?

И совершенно неизвестно было, что ему отвечать.

— Семён Афанасьевич! — услышал я за своей спиной.— А ведь это не Король горн унёс!

Жуков стоял, сунув руки в карманы, и серьёзно смотрел мне в лицо. Что-то было у него на уме.

— А кто же?

— Не знаю. Только не он.

— Да... И я так думаю.

После ужина я зашёл в спальню третьего отряда. Никто из ребят не спал. Все приподнялись на кроватях и посмотрели на меня вопросительно. Я присел на кровать Володина.

— Что, осиротели?

Все закричали наперебой. И ответ был неожиданный:

— Конечно, жалко, что ушёл! А только нам лучше. Он одним криком брал: дескать, я тебе сейчас как дам!.. Ну и всё. С ним не очень поспоришь, рука у него тяжёлая, давно известно... Разве в отряде Стеклова так? А у Жукова поглядите: его никто не боится, а порядок!

— Почему же вы молчали до сих пор?

— Так мы что? Мы так только...

— Почему молчали, спрашиваю? Бил он вас, что ли?

— Нет, теперь не бил... Это раньше... Но только если поперёк пойдёшь... Он как встряхнёт да-ка-ак даст!

— Значит, бил?

— Да нет же, Семён Афанасьевич, не бил. Просто возьмёт за шиворот — и ка-ак...

Добиться толку я не мог. Снова и снова все хором уверяли, что Король вовсе не дрался, а только «как схватит да ка-ак даст!»

— Кого же вы теперь выберете командиром?

— Некого! — был единодушный ответ.

— Ладно. На первое время вашим командиром буду я. Володина ставлю заместителем. За шиворот хватать не буду, но порядка потребую. Всё ясно? Ну, а теперь спать!

На душе было черно. Хотелось запереться в кабинете и не выходить, но этого я не мог себе позволить.

Антон Семёнович любил повторять, что научить воспитывать так же легко, как научить математике, обучить фрезерному или токарному делу. Но ведь это не так. Вот я — я прошёл такую хорошую школу, я учился у самого Антона Семёновича, видел его работу, помогал ему и сам много думал о виденном. И что же? Я оступился сразу же, на первых шагах.

Что за дурацкие опыты, зачем я не сказал Королю просто: «Оставайся!»? Зачем твердил, что он может идти на все четыре стороны, что я не держу его? Почему я был так уверен, что он останется? Мальчишка уже пошёл по человеческой, по верной дороге. Зачем было сталкивать его с пути? Что делать теперь? И что же всё-таки случилось с горном? Я отказывался верить своим глазам: не мог Король унести горн!

...Как бы там ни было, а день шёл своим чередом, и я был вместе с ребятами: работал с ними, под вечер играл с Жуковым в шахматы, но ни на минуту не отпускала меня мысль об ушедших. Это была не просто мысль. Это была боль. И впервые в жизни я мысленно не соглашался с Антоном Семёновичем. Нельзя, говорил он, чтобы мы воспитывали детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь люди же мы! И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и нам без этого обходиться.

Но могу ли я оставаться безучастным к тому, что произошло минувшей ночью? Нет. Могу ли не испытывать боли? Нет. Может, во всякой другой специальности и можно обойтись без душевной боли. Но в нашей...

ПАНИН

Ребята обедали по четыре, иногда по шесть человек за столом. Когда освободились места Короля, Плетнёва и Разумова, на одно из них посадили Панина, паренька лет тринадцати, угрюмого и неповоротливого. Жёсткие чёрные волосы его странно, козырьком, торчали над низким лбом. И в первый же день я увидел, что Володин, единственный оставшийся от прежней компании, подсел пятым к соседнему столу.

— Почему не на своём месте?

— Так. Мне здесь удобнее. Я вот с Пашкой и Петькой буду.

— Глупости, тут ты только им мешаешь и самому неудобно: сидишь на углу. Иди на своё место.

Володин нехотя вернулся. Но потом он стал

ходить за мной по пятам, умоляя разрешить ему пересесть на другое место.

— Зачем?

— Ну, Семён Афанасьевич...

— Объясни, почему не хочешь оставаться на старом месте, тогда и поговорим.

— Ну, Семён Афанасьевич... Семён Афанасьевич...

Толкового объяснения не последовало, и Володин остался на прежнем месте. Но он воспользовался тем, что в столовую мы не ходили строем (просто было определено: завтрак — от семи тридцати до восьми, обед — от часу до двух и т. д.). Он прибегал пораньше, ухитрялся с молниеносной быстротой проглотить всё, что полагалось, и уходил прежде, чем Панин появлялся в столовой.

Панин проходил в столовую боком, не подымая глаз, ел, уставившись в тарелку. Я видел, что его сторонятся, не садятся с ним рядом, даже кровать его в спальне стояла на отшибе... Почему?

Однажды мы с Алексеем Саввичем вернулись из Ленинграда, куда накануне пришлось отправиться обоим, уже после утреннего обхода. Без нас рапорта по спальням принял Жуков.

Как всегда после отлучки, даже самой короткой, я приглядывался ко всем особенно пристально, и мне показалось, что есть перемена в ребятах. Неуловимая, едва заметная. Я не мог бы сказать, в чём она, знал только: перемена эта тревожная. Этому знанию не может научить ни одна книга, этому учит только опыт.

Во время завтрака я увидел, что Панина нет в столовой. На мой вопрос дежурный командир Жуков отвечал неопределённо и невнятно. Я поднялся в спальню и нашёл Панина жестоко избитым. Он не мог поднять головы, всё лицо, всё тело было в синяках.

— За что били?

Он прикрыл глаза и не ответил. Я знал, что спрашивать бесполезно: ни он, никто другой мне этого не скажет.

Я вышел из спальни, спустился в столовую и отыскал глазами Петьку:

— Созывай экстренное.

Он умчался, и вскоре по всему двору разнеслась высокая трель колокольчика.

Ребята выстроились на линейке, командиры на правом фланге своих отрядов. Что и говорить, это уже не та грязная, бестолковая толпа, которую я нашёл здесь, когда приехал. Но как это далеко от того, что оставил я в Харькове, в коммуне Дзержинского! Как далеко от того, что хотелось видеть! И даже не во внешности дело. Вот они стоят, чисто одетые, умытые, готовые отправиться на работу. А наверху лежит их товарищ, избитый в кровь. Все они знают об этом, и ни у кого, даже у самых лучших, не хватит духу сказать прямо и открыто, что произошло.

— Я не хочу сейчас знать, что сделал Панин,— сказал я.— Что бы он ни сделал, вы не имели права избивать его. Я уже не первый раз вижу: вы трусы. Вы ничего не делаете открыто, по-честному. Вы избиваете товарища ночью, накидываетесь на одного.

— Он нам не товарищ! — крикнул кто-то.

— У Панина нет другой семьи. Его семья — вы. Один он пропадёт. И кулаком вы его ничему не научите. Дежурный командир Жуков! Два шага вперёд!

Жуков вышел.

— Сегодня ты поднял флаг. И ты сказал: ночь прошла спокойно, всё в порядке. Почему ты солгал?

Жуков закусил губу, брови его сошлись, на скулах выступили два ярких пятна. Он смотрел мне прямо в глаза и молчал. Он был моей опорой, моим лучшим помощником, душой своего отряда. Но делать было нечего, не наказать его я не мог.

— Отстраняю тебя от дежурства и лишаю права дежурить на месяц. Командир Суржик! Прими дежурство.

Суржик вышел к мачте. Жуков снял с рукава красную повязку и подал ему. Суржик надел повязку и сказал, как давно было заведено у нас:

— Дежурство принял командир пятого отряда Суржик!

Лицо его побледнело, лоб напряжённо, страдальчески морщился. Впервые при таких обстоятельствах он сменял лучшего нашего командира.

Этот случай дал мне возможность по-новому оценить Жукова. Его отряд был потрясён и возмущён до предела. Пострадать из-за кого? Из-за самого последнего парня во всём доме! И кто пострадал! Жуков, первый командир, Жуков, которого слушались охотно и без отказа! Они просто не могли примириться с такой несправедливостью. Но сам Саня вёл себя так, словно ничуть не уязвлён, словно ничего и не случилось. Он попрежнему прямо встречал мой взгляд, всё так же увлечённо работал, так же ровен был со своими ребятами. И только у него словно появилась какая-то новая мысль, новая забота, мешавшая ему быть совсем прежним, мальчишески беззаботным. Перед ним встала задача посложней тех, с какими ему приходилось сталкиваться прежде, и я чувствовал: он сейчас про себя разбирается в проблеме истинной справедливости.

А для меня, в сущности, всё осталось нерешённым. Неизвестно было, почему избит Панин и почему все его сторонятся. Конечно, у меня

были на этот счёт свои догадки и предположения, но на основании догадок я действовать не мог. Надо было всё выяснить точно и как можно скорее. Дня через два мне помогло совсем незначительное обстоятельство.

— Почему это у тебя карманы оттопырены?

Маленький Петька смотрит на меня, запрокинув голову:

— Там... губная гармошка... и ещё карандаш. Красный с синим. И ещё... яблоко... А ещё...

— Пойди положи в тумбочку, нечего карманы оттягивать.

— Нет, Семён Афанасьевич, в кармане лучше,— говорит Петька просительно.— Вот если бы к тумбочкам ключи сделать...

— Зачем ключи? У тебя пропадают вещи?

— Да нет...— Петька густо краснеет и беспомощно оглядывается по сторонам.

Я прошёл по спальням. Да, здесь новости. К одной тумбочке привинчены кольца и висит замок. У другой дверца заперта на задвижку, и ненадёжный этот запор хитро перевит бечёвкой; едва ли это обеспечивает безопасность, но, во всяком случае, затрудняет задачу тому, кто захотел бы проникнуть внутрь.

— Зайди ко мне,— сказал я Панину и, едва он переступил порог, спросил: — У своих воруешь?

Панин молчал. Я смотрел на его упрямо опущенную голову и думал: «Да, конечно, сомневаться больше нельзя. К такому наказанию ребята прибегают лишь в очень редких случаях, и один из них — воровство у товарищей, у своих».

Я сделал Панина чем-то вроде своего адъютанта: всё время, свободное от работы в мастерских и от еды, он был при мне неотлучно, я не отпускал его от себя ни на минуту. Слово убеждения до него не доходило. Им владела привычка, въевшаяся, как болезнь, она не излечивалась даже самым сильным и жестоким лекарством — презрением. Все ребята, от Жукова до маленького Лёни Петрова, презирали Панина. Иные и сами были не чисты на руку. Я всегда отпускал их в город со стеснённым сердцем: кто знает, как они будут вести себя, если увидят что-нибудь, что плохо лежит? Но они свято верили, что их промысел ничего общего не имеет с поведением Панина. Этот воровал у товарищей. Он не пренебрегал ничем, брал всё, что попадало под руку, равнодушно молчал, если это обнаруживали, и совершенно смирился с отвращением, которое он внушал всем ребятам. «И не совестно тебе?» — смысл этих слов попросту не доходил до него.

Однажды Репин протянул Костику шоколадную бомбу в блестящей серебряной бумаге.

Это был именно тот случай, когда слово — даже самое сердечное, самое проникновенное — бессильно. С Паниным нечего было разговаривать, смешно и нелепо — убеждать и стыдить. Его мысли, его руки надо было занять чем-то другим. Я хотел заполнить его день до отказа, создать для него новые привычки и обязанности. Если мне надо было пилить, я пилил в паре с ним. Если надо было послать кого-либо с поручением к Алексею Саввичу, Екатерине Ивановне или Гале, я посылал Панина и требовал, чтобы он немедленно вернулся с ответом. Как-то невзначай я подсел к нему в столовой и пообедал вместе с ним. К вечеру я поручал ему отвести Костика и Лену домой. Он оставался ко всему равнодушен, всё делал нехотя,

через пень-колоду. Мне было бы куда приятнее и удобнее, как прежде, иметь «порученцем» Петьку — этот оборачивался мгновенно и рапортовал об исполнении, глядя мне в лицо блестящими глазами: вот, мол, смотри, какой я быстрый и точный! На Петьку в таких случаях весело было смотреть. Он очень напоминал мне Бегунка — нашего связиста в коммуне: та же расторопность, весёлое оживление, неуёмное любопытство и старание не показать его. Такой же был и Синенький в колонии имени Горького. Или уж это племя такое особое — горнисты и связисты, вездесущие, быстрые, востроглазые мальчишки.

Но важно было не моё удовольствие или удобство: я решил не спускать с Панина глаз, чего бы мне это ни стоило.

На совете детского дома я сказал:

— Я думаю, надо перевести Панина от Колышкина. Кто бы взял его к себе в отряд?

Все молчали.

— Жуков, а ты?

— Я бы взял, Семён Афанасьевич, — ребята не согласятся.

— Поговори с ними, — сказал Алексей Саввич. — Объясни: ведь человек пропадает!

— Какой он человек! — возразил Стеклов.

И тут Жукова взорвало:

— А Репин человек? Он Панина ногами пинает, а сам он кто?

— Репин у своих не возьмёт.

— Зато у чужих берёт, да ещё как! Берёт, приносит в детдом, своим раздаёт и этим всех держит. Что, Колышкин, неправду я говорю? Не купил он вас всех? И чёрт с тобой, отдавай нам Панина. Я своим скажу, авось, поймут.

Эта перепалка подтвердила то, о чём мы, воспитатели, давно догадывались.

Репин всегда возвращался из отлучки с карманами, полными дорогих конфет. На шее у него неизменно был повязан хороший шёлковый шарф, из нагрудного кармана виднелся кончик тонкого белого платка.

Однажды он протянул Костику шоколадную бомбу в блестящей серебряной бумаге. Это было при Гале; она нахмурилась и резко сказала:

— Возьми назад!

Репин вспыхнул:

— Почему? Король всегда давал Костику сахар.

— Это — совсем другое дело, — твёрдо сказала Галя, глядя ему в глаза.

Репин молча отвернулся и отошёл. Костик проводил его горестным взглядом, потом с укоризной посмотрел на Галю.

— Не бери у него ничего, — сказала она.

— А почему?

— Я не велю.

ПИСЬМО

И вот вскоре после этого Репин сам пришёл ко мне.

Хорошо помню тот вечер. Я на минуту подошёл к окну. На дворе сквозь бурую прошлогоднюю траву упрямо лезли вверх острые яркозелёные иглы. За дальним краем нашей поляны разливался закат, весь воздух был густорозовый, и у мухи, ошалело толкавшейся в стекло передо мною и не понимавшей, что же это не пускает её в заманчивый и вольный мир, крылья тоже были розовые.

Я думал о том, насколько всё становится иным, когда работаешь сам, пускай даже с такими помощниками, как Алексей Саввич и Екатерина Ивановна. Да я и прежде знал, как трудно бывало Антону Семёновичу. Но одно дело — знать и совсем другое — чувствовать на себе самом, каждый день, каждую минуту. Ты отвечаешь за восемьдесят детских жизней, отвечаешь своей жизнью! Они устали от безнадзорности, от необходимости самим заботиться о себе. Они охотно пошли тебе навстречу, вместе с тобой стали устраивать своё существование по-новому. Оказалось: если весь день занят, не тянет к картам. Нет карт и азартной игры — незачем воровать. Всё это были перемены — важные, хорошие перемены, и всё-таки тревога не оставляла меня. Были ребята, о которых я думал день и ночь с напряжением, почти болезненным. Я не мог забыть о Короле, о Плетнёве и Разумове. Меня точила мысль о Панине и Репине. Репин мешал всему коллективу. Он порой напоминал мне Игоря Чернявина — был такой у нас в коммуне Дзержинского. Сходство это было внешнее, а не по существу: ироническая усмешка, умение вставить острое словцо. Но Игорь никогда не старался ранить словом, он был доброжелателен, любил товарищей. А этого разъедали непомерное самолюбие и эгоизм.

Среди этих размышлений меня и застал Репин.

— Вам письмо, Семён Афанасьевич, — сказал он, положил на стол небольшой белый конверт и вышел.

Я повертел в руках конверт: ни адреса, ни почтового штампа, ничего. Распечатал. Внутри оказался листок, а на нём вот что:

25 19,13 19,2,5,13,10,13,19
11,8,23,9,8 3,11,13,18,40
8,18,12,2,7,2,12,40,18,25 25
18,1,8,10,8, 21,14,11,21
21,14,11,21,12 17 5,19,8,9,17,13
11,10,21,9,17,13, 25, 11,2,7,19,8, 4,50
21,20,13,23 19,8 5,19,13 4,50,23,8
17,19,12,13,10,13,18,19,8,
19,2,4,23,27,11,2,12,40

3,2 7,2,5,17 15,10,2,7,11,2, 7,50
5,19,8,9,8,9,8 11,8,4,17,23,17,18,40 19,8
7,18,13 10,2,7,19,8 21 7,12,18,
19,17,24,13,9,8 19,13 7,50,14,11,13,12
24,13,23,8,7,13,1 15,10,13,6,11,13
7,18,13,9,8 16,13,19,17,12 18,7,8,4,8,11,21
18,7,8,4,8,11,2, 11,23,25
19,13,9,8 9,23,2,7,19,8,13 7,50
22,8,12,17,12,13 18,11,13,23,2,12,40
7,18,13 15,8 11,10,21,9,8,5,21 19,8
21 7,2,18 19,17,24,13,9,8 19,13
7,50,14,11,13,12

И тут я — не в первый раз уже — вспомнил одно недавнее происшествие.

Заседал совет детского дома. Неожиданно в дверь постучали, и на пороге появился Репин.

— Семён Афанасьевич,— сказал он по обыкновению спокойно и независимо,— мне нужно завтра быть в городе. Разрешите мне...

Я не успел ничего ответить, не успел спросить, зачем ему понадобилось отлучиться в город.

— Семён Афанасьевич,— попросил Стеклов, ладонью утирая лоб,— там вы ему после разрешите или не разрешите, а сейчас пускай он ведёт протокол. Я уж запарился. А он у нас хорошо грамотный.

— Правильно. Садись, Репин,— сказал я. Садись и пиши.

Репин никогда не удивляется, должно быть, считает, что это ниже его достоинства. Не удивился и на этот раз — подсел к столу, уверенным, без грубости, жестом отодвинул Стеклова, недостаточно быстро уступившего ему место, и стал писать.

Когда совет кончился и ребята разошлись, Екатерина Ивановна стала перелистывать лежащий на столе протокол, и я увидел, что брови её подымаются всё выше. «Ошибок насажали, видно, грамотеи!» — подумал я, с наслаждением закуривая.

— Д-да-а,—сказала Екатерина Ивановна каким-то осевшим голосом.— Да-а,— повторила она и протянула тетрадку Алексею Саввичу.

Он посмотрел — и у него тоже высоко всползли седеющие лохматые брови.

— Гм... — произнёс он.— Гм...

— Да что там?

Я взял у него из рук тетрадь и прочёл:

«Богдащоричи: беврый одвят тефувид бо гдочорой, рдовой бо трову, дведий бо чегдщике...»

Почти весь протокол, кроме первых двух страниц, коряво исчирканных почерком Стеклова, состоял из этой тарабарщины.

— Что же это, насмешка? Издевательство? Что всё это значит? — всё тем же нетвёрдым голосом спросила Екатерина Ивановна.

— Это не просто набор букв,— задумчиво сказал Алексей Саввич.— Тут есть какая-то система. И писал он быстро.

Алексей Саввич поднёс лист поближе к глазам, подумал минуту и продолжал:

— Да, тут есть логика... Постойте... Беврый одвят... беврый одвят... да это же первый отряд! Так... тефувид — дежурит. Понимаете, он оставил гласные, а остальной алфавит разделил пополам и поменял согласные местами: вместо «п» — «б», вместо «р» — «в» и наоборот...

Я взял у Алексея Саввича тетрадь и прочёл...

На другой день Андрей посмотрел на меня при встрече с лукавым торжеством и не смог скрыть разочарования, когда я ни словом не обмолвился о происшедшем. Он снова и снова попадался у меня на дороге и наконец не вытерпел:

— Семён Афанасьевич, а как мой протокол?

— Ничего, довольно грамотно написано.

— А... вы разобрали?

Я пожал плечами.

— Что ж там разбирать? Разве это шифр? Его и малый ребёнок разберёт.

Репин покраснел до корней волос тем жарким, до слёз, румянцем, который бывает только от стыда, от сознания, что всем вокруг и тебе самому ясно, до чего глупо ты поступил.

Он ждал большего эффекта и был разочарован тем, что шифр так быстро разгадали. Сейчас он, видимо, решил задать мне задачу посложнее. Я чуть было не постучал к Алексею Саввичу, но потом решил не беспокоить его. Неужели же я не прочту того, что здесь написал этот мальчишка? И я сел за совсем новую для меня работу — разгадывать шифр.

Когда я снова глянул в окно, солнце погасло и стёкла стали голубыми; немного спустя я увидел их темносиними, потом к окну вплотную подступила ночная тьма, а я всё сидел над проклятой бумажонкой. Мне и смешно было, и злился я на себя: что за ребячество, почему я должен непременно прочесть письмо? Не проще ли сказать мальчишке, что он глупый позёр, «воображала», как говорили наши девочки в коммуне имени Дзержинского, когда кто-нибудь начинал задирать нос? Уж, конечно, я скажу ему это. Но прежде я должен найти ключ.

Каждая цифра означает букву. Это ясно. Некоторые цифры попадаются часто, во второй строке в длинном слове даже по два 18, 12 и 2, а есть совсем интересное слово, где чередуются три восьмёрки и две девятки. Но что это такое? Тра-та-та? Похоже, но бессмысленно. Да и не выходит — тогда первой тоже должна стоять 9, а тут стоит 5.

Попробую подсчитать, сколько раз какая цифра встречается!

Подсчитал. Получились длинные двойные колонки цифр. Оказалось, некоторых цифр совсем мало: например, 25 встречается пять раз, 24 — три раза, 20,16,6 — только по разу. А вот двойка встречается в шифровке 16 раз, девятнадцать — 21 раз, а восьмёрка—даже 30 раз. Ясно, что это какие-то особенно часто употребляемые буквы. А какие буквы чаще всего встречаются в русском языке? Никогда прежде я над этим не задумывался. Но не «щ» же, к примеру? Может быть, «о» или «а»? Или какое-нибудь «т»? Но какая цифра что обозначает?

Попробую с другого конца. Шифровка начинается с одной отдельной цифры 25, и ещё дважды она стоит отдельно, а один раз в конце слова. Отдельно встречается ещё цифра 21 — два раза и 17—один раз. Трижды встречается сочетание 19,13, трижды — 19,8, есть 5,19,13, есть 7,18,13. Какие же у нас есть короткие слова из одной, двух, трёх букв? Прежде всего, конечно, союзы, частицы, предлоги: «с», «в», «к», «и», «да», «нет», «что», «как»... Но в слове «как» цифры должны чередоваться по принципу 1,2,1, а в шифровке такого нет...

И тут меня осенило: конечно же, письмо начинается с «я»! Может быть, и следующие три фразы начинаются с «я», а там, где 25 стоит на конце слова,— это, пожалуй, глагол, вроде «начинаются». Да, но больше цифры 25 нигде нет. Мало мне помогает моё открытие! «Я... я...» Что «я»? Может быть, «я не»? Чего-нибудь он не желает, с чем-нибудь не соглашается — уж, наверно, он не стал бы шифром поддакивать мне! Попробуем! Подставим всюду вместо 19 — «н», вместо 13 — «е», поглядим, что получится... Вот, к примеру, «5,н,е» — что это за пятёрка? Какое-нибудь «сне», «дне»? А может, «мне»? Ясно: «мне»! А 19,8 — это «ни», или «ну», или «но»! Ну, теперь держись, Семён! Терпение!

К полуночи письмо Андрея Репина лежало передо мной!

«Я не намерен долго здесь оставаться. Я скоро уйду, уйдут и многие другие. Я давно бы ушёл, но мне было интересно наблюдать за вами. Правда, вы многого добились, но всё равно у вас ничего не выйдет. Человек прежде всего ценит свободу, свобода для него главное. Вы хотите сделать всё по-другому, но у вас ничего не выйдет».

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Утром, после того как подняли флаг, я велел Репину зайти ко мне. Ребята, словно по команде, обернулись в его сторону: любопытство, а пожалуй, и злорадство было в их взглядах. Он приподнял брови, слегка пожал плечами и своей лёгкой, уверенной походкой направился к моему кабинету. Я пошёл туда не сразу: пускай посидит, подумает, погадает о том, что его ждёт.

Но у мальчишки был большой запас самоуверенности. Войдя в кабинет, я увидел его сидящим на диване в самой развязной позе, нога на ногу. Он привстал, как ни в чём не бывало, улыбнулся мне и попрежнему свободно уселся.

Я сел за стол, отыскал в папке вчерашнюю шифровку и протянул ему.

— Послушай,— сказал я,— у меня к тебе покорнейшая просьба. Если хочешь что-либо сказать мне, скажи просто, по-человечески. Что за глупая манера писать шифрованные письма?

Он опять улыбнулся:

— Я думал, вы прочтёте его с такой же лёгкостью, как протокол.

— Я и прочёл. Имел удовольствие узнать твою точку зрения на мою работу. Меня она не удивляет. Я с самого начала видел, что ты смотришь на всё свысока, а себя считаешь свободной и гордой личностью. Могу я задать тебе один вопрос?

— Пожалуйста.

Ему очень нравился наш разговор — разговор равных. Я был сдержан и любезен; он отвечал тем же, явно польщённый, и уже с трудом скрывал самодовольство, всё очевиднее проступавшее в его улыбке. Может быть, он готовился к тому, что в первую минуту я встречу его какой-нибудь гневной вспышкой, но теперь — нет, теперь он уже не ждал ничего плохого.

— Скажи, твои родители живы? — спросил я.

— Да. Мой отец — профессор-лесовод. Я единственный сын. Но я не стал жить дома. Моя мать всегда говорила, что она из-за меня состарилась. Она, собственно, ещё молодая, но совсем поседела. Её в самом деле огорчает моя судьба. Но, видите ли, я не могу от этого отказаться.

— От чего «от этого»?

Он пожал плечами и улыбнулся вызывающе и кокетливо.

Я сказал попрежнему вежливо и спокойно:

— Так вот, Репин, не хочешь ли и ты выслушать моё мнение о тебе?

— С удовольствием...

— Ты хуже Панина.

Репин вскочил. Любопытство, прочёл ли я письмо и что сделаю в ответ, интерес к необычному разговору, самоуверенность, желание порисоваться — всё отхлынуло, всё померкло перед оскорблением, которое я ему нанёс. Он так уверенно ставил себя над всеми, он был убеждён, что я в нём вижу почти равного по силе противника, уважаю в нём смелого и умного врага. А я поставил его ниже самого ничтожного и презираемого существа в Берёзовой поляне, ниже Панина, которого даже маленький Петька не считал человеком!

Сдавленным, неузнаваемым голосом он выкрикнул:

— Я не Панин!

Словно не слыша его, я продолжал:

— Если ворует Панин, я понимаю. Он тёмный парень, он не знает лучшей жизни и пока не в состоянии понять её. А ты грамотен, много читал, ты, изволите ли видеть, сочиняешь шифрованные письма и всё время любуешься собой: «Ах, какой я умный, какой независимый, как у меня всё красиво получается!» А получается у тебя грязно и подло.

— Я не как Панин... Я никогда ничего не брал у своих... Зачем вы так говорите?..

Это был уже не довод в споре, не слово убеждения,— он сбивался, путался, не зная, как же ему теперь снова подняться, когда его так неожиданно и так жестоко сбили с ног.

— Прежде всего я не понимаю, что это значит — свои, не свои,— оборвал я.— Почему живущие у нас в доме — свои, а те, кто за оградой,— чужие? Для меня все у нас в стране свои. Для меня любое воровство — воровство, иначе говоря, гнусность и подлость.

— Я никогда ничего не трачу на одного себя... Я раздаю ребятам...— Он еле говорил, у него стучали зубы.

— Ты и раздаёшь не бескорыстно. Ты этим покупаешь ребят, чтобы держать их в руках. Вот Жукова любят, Сергея Стеклова любят. Они никогда не покупают. А у тебя за душой ничего нет. У тебя и души нет, ты бездушный, тебе нечем привлечь людей, ты одних обираешь, других покупаешь. Но ты, наверно, и сам заметил: все труднее становится покупать ребят, а? У них появляются другие мысли, другие желания, в них просыпается чувство собственного достоинства. Около тебя пока ещё остаются самые тёмные. Славу думаешь купить? Любовь окружающих? Отвращение и проклятие получишь—и ничего больше! Украсть три рубля у старухи — какая это слава!

Несмотря на намерение сдержать себя во что бы то ни стало, я всё-таки разозлился, и это помогло ему оправиться немного.

— Почему три рубля? Я могу в день приобрести десять тысяч!

— «Приобрести»! Ограбить кассира? Сделать несчастной целую семью? Нет, ты паразит, червяк! Ты мелкий бахвал, вот и всё. Я давнымдавно понял это. Понять нетрудно, стоит только посмотреть на тебя. Подумать только, чем ты хвастаешь — что из-за тебя мать состарилась! Ты словечка в простоте не скажешь. Ты даже не в состоянии написать человеческое письмо — непременно сочиняешь шифр. Вокруг тебя люди из грязи подняли восемьдесят беспризорных ребят, стараются создать им человеческую жизнь, а ты поглядываешь со стороны, поплёвываешь, посмеиваешься. Да чем ты гордишься?

Он кусал губы, по щекам его текли слёзы — слёзы злости и унижения. Он не мог повернуться и уйти, потому что за дверью кабинета его увидели бы ребята, а он не смел показаться им в слезах. Но и слушать он больше не мог.

— Садись,— сказал я.— Слёзы утри, высморкайся.

— Я сегодня же уйду отсюда!

— Так я и знал. Ты слабый, ты не можешь даже выслушать правду о себе. Ты привык, чтоб все тобой восхищались и врали тебе.

— Неправда! Всё, что вы сказали, неправда! Я не Панин!

— Я и не сказал, что ты Панин. Я сказал: ты хуже Панина. И знай, если ты уйдёшь, я буду презирать тебя ещё больше. Ты высказал своё мнение обо мне: вы, дескать, всё делаете зря. Я с этим не согласен, но я выслушал тебя. Будь и ты мужчиной. Умей слушать, когда тебе говорят правду в глаза.

Постучали. Я подошёл к двери; за нею стоял Коршунов. Ему очень хотелось зайти или хоть одним глазом взглянуть, что делается в кабинете.

— Семён Афанасьевич,— промямлил он,— что я вас хотел спросить...

— Да?

— Там Екатерина Ивановна говорит...

— Что говорит?

Он вытягивал шею, заглядывая через моё плечо, и даже приподнялся на носках.

— Ты, я вижу, не придумал, зачем я тебе нужен. Вспомнишь — придёшь ещё раз.— И я захлопнул дверь перед его носом.

Услышав, что я вернулся, Репин, растрёпанный, красный, встал с дивана.

— Я не могу выйти отсюда в таком виде,— сказал он сквозь зубы.

— Посиди ещё. Вот тебе книга, почитай.

Он взял книгу и затих. Он не читал, конечно: я не слышал, чтоб он хоть раз перевернул страницу. Изредка, подымая глаза от работы, я взглядывал на него. Он был на себя не похож, он словно слинял — куда девалась его беспечная уверенная осанка, его улыбка? Он сидел бледный, закусив губу.

Дверь тихонько приоткрылась. На пороге появился Костик и круглыми глазами уставился на Андрея.

— Ты зачем пришёл?

— Колышкин говорит: погляди, чего там Андрей делает. А он читает...

Я взял Костика за руку и вывел вон...

...Репин больше не подходил ко мне в тот день. Но всё время я чувствовал на себе его взгляд, сосредоточенный, вопрошающий. Что ж, хорошо! Пусть снова и снова обдумывает наш утренний разговор. Это — начало. Если моё презрение задело его, это хорошо. Значит, он жив.

Поздно вечером, когда ребята улеглись, я долго бродил по парку, вдыхал влажный, свежий запах земли, молодой листвы, растущих трав и думал, думал. Вот передо мною двое — Панин и Репин. Оба воры. Один ненавистен всем ребятам в доме, от самого маленького до самого старшего. К другому относятся с уважением, им даже восхищаются. Панин ворует по мелочам, у всех и каждого, он угрюм, необщителен. Репин удачлив, он всякий раз приносит из города полные карманы конфет и денег. Он очень хорош внешне. Он относится к товарищам снисходительно, покровительственно, любит поразить их, порисоваться перед ними. На Панина ничто не действует — ни слово, ни всеобщее презрение. Репин не привык к презрению — оно ударило его, как кнутом.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

...Глаза Репина провожают меня неотступно. Куда бы я ни пошёл, что бы ни делал, я чувствую на себе его взгляд. Смотрит и думает, примеривает, решает: уйти или остаться? Остаться или уйти? Уйти мешает самолюбие. Мешает, пожалуй, интерес к тому, что здесь делается. И ещё одно: он хочет, чтоб я думал о нём хорошо. Ему это нужно. Не знаю зачем, но уверен: нужно.

Однажды он встретил меня на полдороге от станции, когда я возвращался из Ленинграда.

— Ты что здесь делаешь?

— Вас встречаю.

— Тебя отпустил дежурный командир?

— Сегодня Колышкин дежурит.

Это означало: не у Колышкина же мне спрашиваться.

— Ну пошли.

— Давайте ваш портфель.

— Мне не тяжело. А вот этот свёрток, пожалуй, возьми. Только осторожно, не изомни — это бумага для стенгазеты.

Шагаем. Деревья шумят на ветру. Видно, к ночи будет дождь.

— Семён Афанасьевич,— неожиданно говорит Андрей,— вы кого из ребят больше всех любите?

— Удивляешь ты меня, Репин. Ты бы ещё на ромашке погадал: любит — не любит, плюнет — поцелует...

— Нет, я вас серьёзно спрашиваю.

— А я серьёзно отвечаю. Вот рука, вот пальцы — какой палец я больше люблю? Мне все нужны. И если палец заболел, нарывает — всё равно нужен. Буду лечить, чтоб работал.

— Но если бы я ушёл, вы бы не так огорчились, как из-за Короля, ведь правда?

— Я за тебя так же отвечаю, как за Короля.

Репин молчит, сдвинув брови, думает о чём-то, потом, словно решившись, говорит самым безразличным тоном:

— А я его недавно видел.

Я быстро поворачиваюсь к Андрею:

— Где?

Он пристально смотрит на меня.

— Вот видите, я же говорил... Я пошутил, Семён Афанасьевич,— нигде я его не видел.

Мне досадно, что я не сдержался. С минуту идём молча.

— А зачем Король, когда уходил из детдома, взял горн? — вдруг говорит Андрей.

— Ты и в самом деле веришь, что Король взял горн? — спросил я ровным голосом.

— А вы разве думаете иначе?

— Убеждён.

— Куда же тогда девался горн? Не улетел он, в самом-то деле!

— Не знаю. Не знаю, что именно с ним случилось. Но знаю, Королёв взять его не мог.

— Вы думаете, он никогда не воровал?

— Я над этим не думал и думать не хочу. Мне неинтересно, что и как было в жизни Короля до того, как я его узнал. А узнал я его в марте. Он помог всем нам, когда здесь было очень трудно и очень плохо. Помог, не раздумывая, не прицениваясь, от всего сердца.

— А почему он ушёл?

— Может быть, потому, что маленькая, мелкая обида оказалась для него важнее большого, настоящего дела.

— Значит, он тоже приценялся?

— Почему «тоже»? Кого ещё ты имеешь в виду?

— Никого. Я так.

...А вот и дождь. Он зарядил раньше, чем я думал,— мелкий, скучный дождик. Но Андрей не позволил себе ни поёжиться, ни прибавить шагу. Он только молча, на ходу стянул с себя рубашку и завернул в неё трубку ватманской бумаги. Ладно, сделаем вид, что ничего не произошло. Чувствуя, как за шиворот пробираются первые холодные струи, я спокойно продолжаю разговор:

— Так? Ну вот. А может быть, он ушёл сгоряча и сейчас жалеет об этом? Но самолюбие мешает ему вернуться.

— Вы так думаете?

— Да. Я так думаю.

— А я думаю, он ушёл потому, что свобода для человека — самое главное.

— Да, это ты мне уже изложил,— правда, шифром. Свобода воровать, играть в карты, приносить несчастье людям и самому себе? Это, по-твоему, свобода?

— Свобода — это значит, человек сам себе хозяин! — бледнея, горячо, как продуманное и заветное, сказал Андрей.

— Ты, я вижу, Джека Лондона начитался. Так вот что я тебе скажу: эту свободу я испытал. Я прошёл путь ещё хуже и позапутанней, чем многие из вас. Я знал эту твою свободу и ни за что, слышишь, ни за что не возвратился бы к ней! Это свобода животного, свобода зверя, а не разумного существа. Я имею право так говорить. Понял?

Он не ответил. Мы молча дошли до нашей Берёзовой поляны.

В ЛЕТНЕМ САДУ

В Ленинград я ездил часто. Подолгу просиживал в гороно, присматриваясь к окончившим педагогические институты. Мне хотелось поговорить с человеком начистоту прежде, чем его направят в Берёзовую поляну. Если тебе присылают работника,— поздно спорить. Мне же нужны были не просто «направленные», а такие, которые шли бы к нам по своей охоте.

Я вставал поутру с особенным чувством радости и покоя. Вставал и думал: что такое хорошее у меня нынче? А, да: Алексей Саввич! Екатерина Ивановна! Я мысленно видел Екатерину Ивановну, тесно окружённую ребятами, или Алексея Саввича в мастерской, и это с самого утра наполняло меня уверенностью: хороший будет день. Если надо, могу уехать хоть на сутки — и не будет точить, подгонять тревога.

В тот памятный июньский день пришлось захватить с собой Костика.

— Купи ему башмаки,— наставляла меня Галя.— Примерь как следует, чтоб не жали. И Леночке такие же.

— Давай уж и её с собой.

— Хватит с тебя одного. А размер одинаковый. Когда вас встречать?

...Костик сидит передо мною в вагоне. Глаза у него совсем круглые,— значит, предвкушает новые впечатления. А может быть, просто не выспался и хочет спать: перед сном и у него и у Леночки глаза всегда становятся круглыми, как у совят. На лице у Костика отражается всё, о чём он думает, что слышит. Словно лёгкие облака, проходят по его лицу отражения мыслей.

— Папа! Мы купим в Ленинграде башмаки?

— Купим.

— И Леночке купим в Ленинграде башмаки?

— И Леночке.

— Кожаные?

— А какие же ещё?

— Я кожаные хочу.

— Кожаные и купим.

— Папа, а я сяду к тебе?

— Ладно, садись.

Он устраивается поудобнее у меня на коленях и вздыхает удовлетворённо, покойно: вот, мол, и достиг, чего хотел. Потом приникает всем лицом к окну. Нос у него совсем расплющился.

— Осторожней, Костик, стекло раздавишь.

— Ну что я, глупый? — солидно возражает он и очень строго смотрит на девушку, которая позволила себе громко рассмеяться, услышав его ответ.

— И чего смешного?..— очень тихо говорит он, прижимаясь носом к стеклу. И ещё тише, почти шёпотом: — Новое дело!

Знакомый оборот! Узнаю Павла Подсолнушки-

на. Павел не речист, и эти два слова — «новое дело»,— произносимые в самых разнообразных тональностях, вполне успешно выражают у него возмущение, удивление, укоризну и неудовольствие.

— Костик! — предостерегающе говорю я.

Костик молчит, отлично понимая, что я имею в виду. Он больше не смотрит на смешливую девушку. Она протягивает ему конфету в пёстрой жёлто-красной бумажке, но он только поджимает губы и энергично мотает головой из стороны в сторону.

— Какой гордый! — говорит девушка и снова смеётся.

Костик смотрит в окно, я на Костика. Смотрю и думаю о своём.

Я делаю много ошибок, знаю. Самое опасное — растеряться перед сложностью и многообразием характеров, которые тебя окружают.

Когда я в письмах спрашиваю Антона Семёновича, как поступить в том или ином случае, он отвечает: «А я не знаю, какая у вас в тот день была погода». Это значит: всё зависит от обстановки, всё надо уметь учитывать, всё надо уметь видеть. Мелочей нет, всё важно. Да, конечно. Но мне кажется иной раз, что я утону именно в мелочах: их много, и я не всегда умею определить, насколько одно важнее другого, что можно отодвинуть, за что необходимо схватиться прежде всего.

— Папа,— говорит Костик,— я скажу тебе на ухо. Я хочу ту конфету. Красненькую.

Оглядываюсь. Девушки уже нет; мы даже не заметили, на какой остановке она сошла.

— Ничего не поделаешь, Костик. Надо было сразу брать.

— А зачем она смеялась?

...С вокзала мы с Костиком идём пешком. Хорошо! Ленинград опушён ранней, ещё не запылившейся зеленью, он помолодел, и уже не такими строгими кажутся мне его прямые улицы. Будто раздвигая суровый гранит набережных, струится живая голубизна опрокинутого неба, течёт и дышит Нева. Ещё очень рано, можно пройтись пешком. Хорошо! Радостно поглядеть в этот ясный час на удивительный город. И радостно держать в руке руку сына, смотреть сверху на круглую розовую щёку с тенью длинных ресниц. Костик шагает рядом со мной, стараясь попасть в ногу, но на каждый мой шаг приходится два его.

В вестибюле гороно я оставляю его под присмотром добродушной гардеробщицы, которая уверяет меня, что я могу ни о чём не беспокоиться. Правда, мы с Костиком договариваемся, как мужчина с мужчиной: он будет сидеть тихо и терпеливо ждать, пока я вернусь, закончив все свои дела. А потом уже пойдут наши с ним дела, общие.

У нас сегодня много дел в городе. Я должен был зайти в гороно, потом мы должны купить башмаки, купить краски и кисти для наших художников, а кроме того давно обещано, что мы зайдём в Летний сад и посмотрим памятник Крылову. И когда я через полтора часа спускаюсь в вестибюль, я нахожу гардеробщицу в совершенном восторге от Костика, а самого Костика очень довольным собой: он честно сдержал слово, никуда не бегал, не скучал, сидел тихо и, конечно же, не плакал. Придётся отложить покупки: Костик заслужил сперва обещанную прогулку.

Мы идём по мосту, под ним струится Нева. Останавливаемся, смотрим вниз. Долго, без конца можно смотреть на пламя костра и на бегущую воду. Потом я перевожу глаза на Костика: лицо у него серьёзное, сосредоточенное, он тоже смотрит в воду. О чём он думает?

— Пойдём,— говорю я.

Снова шагаем: я — один шаг, Костик — два. Минуем мост, идём по набережной. Слева Нева, справа решётка Летнего сада. Вглубь сада убегают белые статуи, переливается на солнце листва деревьев. Безлюдно. Может, потому, что час ещё ранний?

— Смотри, Костик: во-он там памятник...

Я не успеваю договорить.

— Памятник! Памятник! — Костик вырывает руку и бежит вперёд по дорожке.

Подойдя, не нахожу на его лице и тени прежней задумчивости. Оно всё в движении, в улыбке, которая светится в глубине глаз, и на губах, и в ямочке на щеке. Обеими руками Костик ухватился за ограду, приподнялся на цыпочки, его голос и смех раздаются на весь сад:

— Гляди, гляди! Журавль! И лиса! С хвостом, ой, какая! Папа, гляди, петух! А это кто? Это кто? Обезьяна? Чего она делает? Папа, Леночку приведём сюда? Папа, Леночку!

Мы глядим и не можем наглядеться—так всё это хорошо и весело: и звери, и птицы, и сам Крылов, грузный, спокойный, добрый и насмешливый, настоящий дедушка.

— Костик, пошли!

— Погоди! Ещё посмотрим немножко.

— Костик, а башмаки покупать?

— Папа, ещё немно-ожко! Это медведь, папа? Я хочу туда, я перелезу...

И вдруг он застывает неподвижно, таращит глаза и приоткрывает рот. Я смотрю вокруг: что с ним? Что он увидел? Не успеваю я понять, что случилось, как Костик срывается с места и бежит куда-то направо.

— Король! — кричит он во всё горло.— Король!

Под кустом сирени на скамье сидит оборванная серая фигура. Тут же на куске газеты булка и ещё какая-то снедь. Непонятно, как Костик

издали признал в этой фигуре Короля, но он сразбегу кидается в колени оборванцу, всё так же крича:

— Король! Король!

— Король! — зову я.

Он встаёт.

Я видел это лицо и бесшабашно весёлым, и злым, и насмешливым. Я видел его угрюмым и задумчивым в последнюю нашу встречу. Но никогда на моей памяти не было оно таким незащищённым, таким беспомощным. Король держит Костика за плечи и смотрит на меня испуганно и удивлённо. Костик запрокидывает голову и обращает к Королю сияющую, влюблённую улыбку:

— Ты где был? Ты с нами домой поедешь? Папа, он с нами поедет!

Я был так рад, что Король здесь, что я вижу его. И на его лице недоумение, испуг, тревога понемногу словно таяли, сменяясь каким-то новым выражением. Он стоял, у скамьи, опустив руки на плечи Костика, и попрежнему, как бывало, смотрел мне прямо в глаза.

— Здорово,— сказал я наконец и сел на скамейку.— А где Разумов? Где Плетнёв?

— Плетнёва нет... а Разумов здесь. Мы с ним на юг собираемся.

Его жёлтые глаза стали прежними, озорными и смелыми, и голос прозвучал, как и прежде, независимо и вызывающе.

— Поедем скорее домой,— сказал Костик.

Я промолчал. Король отвернулся и сказал негромко, не глядя на малыша:

— Не могу я ехать, Костик.

— Нет, поедем! Папа, скажи ему!

Король быстро повернулся ко мне:

— Не поеду я,— заговорил он быстро, захлёбываясь словами, разом опять потеряв всю свою независимость.— Я вам там ни к чему, зачем это я вдруг поеду? Мы на юг решили, зачем это я вдруг останусь?.. И Разумов не согласится...

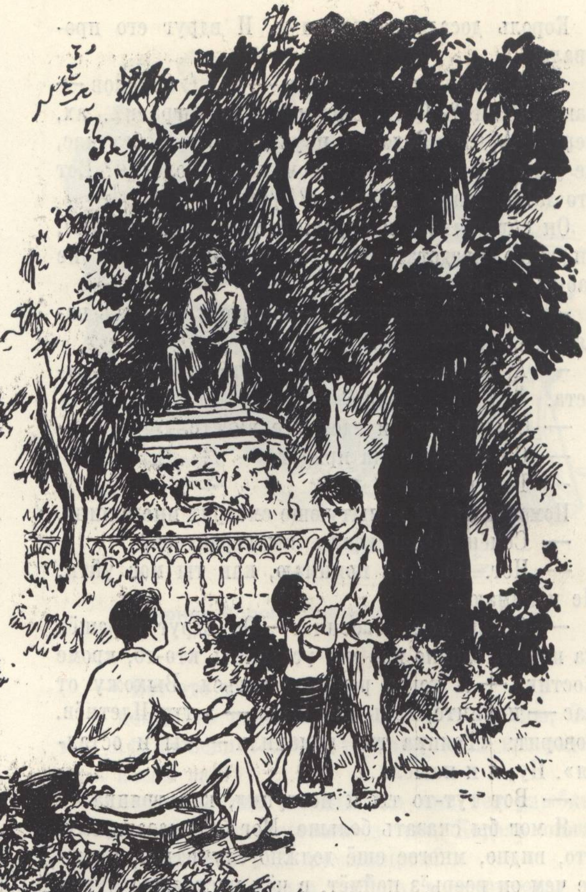
— А я-то думал,— сказал я медленно,— я-то думал: Король сбежал — уж, наверное, на новостройку... на Магнитку... А ты вон где...

Король смотрел на меня растерянно.

— Есть хочется,— неожиданно сказал Костик.

— А ты поешь. Вот, бери-ка булку с колбасой, на...— Король поспешно достал из кармана ножик, обтер газетой, отрезал ломоть булки, кружок колбасы и протянул Костику.

— Спасибо!

— Ты где был? Ты с нами домой поедешь?

И Костик с аппетитом принялся за хлеб с колбасой.

— Семён Афанасьевич,— сказал вдруг Король,— а как ребята? Не разбежались?

Я пристально посмотрел на него.

— Ты и сам не думаешь, что разбежались. Все на месте. Кроме тебя, Разумова и Плетнёва, никто не ушёл.

— А как живёте там?

— Мачту поставили,— усердно жуя колбасу, сообщил Костик.— Пионеры в гости приезжали. С барабаном. В баскетбол с нами играли.

— Ну?

— Проиграли мы.

— Проиграли? А большие ребята, Семён Афанасьевич?

— Обыкновенные пионеры. Лет по тринадцати.

— И наши проиграли?!

— Проиграли.

Король досадливо крякнул. И вдруг его прорвало:

— А кто играл? Жуков — так, Стеклов — так... Репин? Репин играл? И проиграли... ах, черти! А что, Володин неужто остался без нас, не ушёл? А кто в отряде командир? Володин? Вот это да! А новых ребят нет?

Он спрашивает и спрашивает, без передышки, он живо представляет себе всё и всех, он не забыл, он помнил...

— Слушай, Дмитрий,— говорю я,— брось валять дурака — едем.

— А Разумов? — спрашивает он вместо ответа.

— Отыщи его, и едем все вместе.

— Он сейчас сюда придёт.

— Вот и ладно.

Помолчали. Он испытующе смотрит мне в лицо.

— Семён Афанасьевич, вы сердитесь?

— Нет. Но я не понимаю, как ты мог уйти. Не понимаю...

— Семён Афанасьевич...— Он вдруг перешёл на шёпот, словно нас мог услышать кто-то, кроме Костика.— Я тогда решил остаться. Выхожу от вас — помните, ночь уже была,— а тут Плетнёв. Говорит: «Тряпка ты: поманили — ты и остался». Ну, я и пошёл...

— Вот тут-то ты и поступил, как тряпка.

Я мог бы сказать больше. Мог бы сказать ему, что, видно, многое ещё должно случиться, прежде чем он всерьёз поймёт, в чём настоящее мужество и настоящая самостоятельность. Но не стоит говорить: слова сейчас не дойдут до него, да он и слушать не станет. Он должен говорить сам. Тем же быстрым шёпотом, взахлёб, ничего уже не пряча и не взвешивая, он выкладывает всё, что накопилось на душе:

— Нам с Разумовым не хотелось... Но Разумову с ним не спорить. Он Плетня всегда слушался...

— А ты?

Король отмахивается коротким жестом: ему не до моих вопросов, он должен поскорей выговориться до дна.

— Пришли в Ленинград — и разругались. Ничего не ладится, всё вкривь и вкось. Ни к чему душа не лежит. Плетень говорит: «Чего вы, как отравленные? Уеду,— говорит,— от вас, ну вас к чёрту, ещё без меня наплачетесь!» И уехал. Только он без нас тоже никуда, он вернётся. А нас не найдёт — как же?

— Сообразишь, как предупредить. Да он и сам догадается, где вас искать.

— Он гордый, он в Берёзовую не пойдёт.

— Он не гордый, а вздорный. Понимаешь? Глупый петух, вот и всё.

Мимо нас прошла женщина с сумочкой, удивлённо оглядела нас, прошла несколько шагов — оглянулась. Прошла няня с двумя детишками — тоже оглянулась раз, другой. Каждый смотрел в нашу сторону с любопытством. Но Король ничего не замечал.

На трёхколёсном велосипеде проехал мальчуган лет шести. Костик сполз с моих колен и побежал следом.

Где-то за кустами раздался осторожный, приглушённый свист. Король обернулся, привстал и окликнул негромко:

— Иди, иди, не бойся!

Я тоже приподнялся: к нам уже бежал Разумов, и лицо у него было откровенно счастливое.

— А я гляжу: с кем это ты? — говорил он ещё на бегу.— Здравствуйте, Семён Афанасьевич! Ну, думаю, засыпался Король: подходить или нет?

— Едем...— сказал Король.— Можно сейчас ехать или у вас ещё какие дела?

— Едем... Костик, где ты там?

Костик появился на велосипеде, на том самом, за которым он от нас убежал. Он крепко держался за руль, но катил его владелец машины, мальчик постарше, глядевший на Костика снисходительно и покровительственно. Мальчик остановил велосипед перед нашей скамейкой.

Во взгляде Костика была мольба:

— Ещё немножко!

— Едем,— сказал я.— Король с нами.

Костик поспешно слез с велосипеда.

— Спасибо, я уже покатался! — сказал он, передавая машину её хозяину и тут только заметив Разумова, обрадовался:

— И Володя!

— Ага, и я. Здравствуй, Костик! — отозвался Разумов и тоже улыбнулся, ласково щуря синие глаза.

Шагаем вчетвером: малыш, двое изрядно оборванных подростков и я. Со стороны поглядеть — странная компания.

— Беспризорников ведут? — с недоумением сказала встречная девочка лет десяти.

— Вряд ли, с ребёнком...— долетел до нас ответ матери.

Король передёрнул плечами.

— Беспризорников, ясно,— с усмешкой повторил он.

— Ну, одеты мы с тобой в самом деле...— примирительно сказал Разумов.

И снова мы в вагоне. За окном вдруг темнеет, по стеклу вкось ползут крупные дождевые капли. Костику больше не любопытно глядеть в окно, он не сводит глаз с Короля:

— Ты больше не уедешь? Нет?

— Нет! — весело отвечает за Короля Разумов.

Всю дорогу оба расспрашивают о нашем доме. Король — быстро и жадно, обо всём подряд,

Разумов — изредка вставляя слово. Мне уже и рассказывать нечего: кажется, всё перебрал. И незаметно пролетел наш не слишком близкий путь. Выходим из вагона. Дождь перестал, но ещё хмуро кругом. И вдруг, когда мы подошли к Берёзовой роще, солнце выглянуло из-за туч. Вспыхнула чисто умытая зелень, засверкали белые стволы. Всё озарено, всё насквозь пронизано солнцем. Гляжу на Короля. То же произошло и с ним: тень сошла с его лица и, наверно, смешно так сказать о мальчишке, но именно так: оно помолодело. Он всё ускоряет шаги, Костик уже не поспевает за нами. Я сажаю малыша себе на плечи, и мы чуть не бегом подходим к детскому дому. И когда до будки остаётся какая-нибудь сотня шагов, Костик вдруг берёт меня обеими руками за щёки, пытаясь повернуть к себе мою голову, и говорит испуганно:

— Папа! А башмаки?

У проходной будки показался Сергей Стеклов — дежурный командир. Он хотел что-то сказать, да так и остался с открытым ртом.

— Здорово! — приветствовал его Король.

— Здорово! — как эхо, повторил Разумов.

Меня никто не ждал в этот час, да ещё с такими спутниками. Но «беспроволочный телеграф» действовал безотказно. Кто-то выглянул из окна спальни, кто-то из дверей мастерской, кто-то вдруг кубарем скатился с лестницы. И сначала зашуршало шёпотом, а потом всё громче понеслось по нашему дому:

— Король! Король пришёл! И Разумов тоже!

— Пойдите умойтесь,— сказал я.— Сергей, выдай им полотенца и мыло.

И я оставил ребят одних.

— Ты? — встретила меня Галя, округлив глаза.— Так рано? И башмаки привёз?

— Король и Разумов со мной,— ответил я, и Галя, забыв о башмаках, выбежала из комнаты.

— Как вы быстро обернулись сегодня,— выглянула из соседней комнаты Софья Михайловна.— А краски купили?

— Король и Разумов вернулись,— повторил я и, уже входя в нашу комнату, услышал, как хлопнула дверь и Софья Михайловна, постукивая каблуками, сбежала с крыльца.

Удивительное дело! Я держал себя в руках, когда ребята исчезли. По крайней мере, я изо всех сил старался не показать, что это ушибло меня. И сейчас я тоже вёл себя так, словно ничего не случилось. Но улыбки ребят, их глаза поздравляли меня. Каждый подходил только за тем, чтобы взглянуть, улыбнуться, а то и сказать что-нибудь сугубо оригинальное и значительное, вроде:

— Здорово!

Или:

Наконец Король пришёл в мастерскую.

— Вот это да!

А понимать надо было так: «Поздравляю, Семён Афанасьевич! Уж я-то вижу, как вы рады, да я и сам рад!»

Только Володин подошёл ко мне без улыбки:

— Семён Афанасьевич, а что, Король опять будет в нашем отряде командиром?

В голосе его звучала тревога, и — виноват — тревогу эту я поначалу не так понял.

— Нет, не будет,— сказал я суховато.

— Ну, ладно,— ответил он, как будто я долго в чём-то убеждал его, а он — так и быть — согласился.

Он повернулся и с неожиданной для его короткого, квадратного тела быстротой побежал за угол дома, откуда нетерпеливо выглядывали, кивая и призывно жестикулируя, несколько ребят из третьего отряда. Минут через пять, не меньше, я снова увидел их уже из окна — они всё ещё обсуждали важную новость. И тут-то я почувствовал себя в глубине души виноватым перед Володиным. Ясное дело: если он боялся, как бы Король не занял снова место командира, то вовсе не потому, что хотел и впредь сам командовать вместо Короля. Его заботило другое, о себе он не думал!

Весь остаток дня я был по горло занят своим. Король и Разумов несколько раз попадались мне на глаза. Ни растерянности, ни волнения в лицах обоих не замечалось. Король заглядывал во все углы и закоулки, жадно всматривался во всё новое, а посмотреть было на что. Он обошёл гимнастический городок, пробежал по дорожке, подтянулся на кольцах и наконец пришёл в мастерскую. Король долго ходил между верстаками,

приглядывался и словно даже принюхивался — раздувал ноздри, втягивая смолистый запах стружки. Потом молча отстранил Глебова и встал на его место.

— Алексей Саввич, а чего...— затянул было Глебов.

— Иди-ка сюда,— послышалось в ответ,— помоги вот: пройдись наждачком по этим планкам, а то мне некогда ими заниматься.

Глебов принялся за наждачок, а Король так и остался у его верстака. Разумов, ходивший за Королём, как тень, повертелся немного и незаметно пристроился в подручные к Жукову, орудовавшему с какими-то досками в дальнем конце мастерской.

...После вечернего чая ребята не разбрелись, как обычно, кто в клуб, к пинг-понгу или шашкам, кто на баскетбольную площадку или к волейбольной сетке. Нет, сегодня мы все, не сговариваясь, собрались на нашем высоком крыльце, а кому не хватило места на ступенях, расселись прямо на траве.

— Семён Афанасьевич, расскажите что-нибудь! — попросил Петька.

— Про коммуну! Правда, расскажите! — ребята сели поудобнее, придвинулись ближе.

И мне тоже захотелось в этот особенный день вспомнить коммуну, товарищей, Антона Семёновича, поговорить хоть немного о том, о чём думалось так часто, что постоянно было со мной.

О чём же им рассказать? Я оглядел их. Рассказываешь всем, а мыслью обращаешься иной раз к одному и речь ведёшь для него. Видишь: вон тот, сидя на верхней ступеньке, устремил взгляд куда-то вглубь парка и смотрит туда, не мигая, и думает о чём-то своём... Он сейчас не с нами, он, может быть, и не слышит. Ещё один слушает недоверчиво, и так хочется увидеть в его глазах искру не подозрительного, а настоящего, сочувственного интереса! А вот этот и смотрит и слушает, но дойдёт ли до него? Поймёт ли он, что мой рассказ — ответ не на один наш разговор? А вот Панин... ах, Панин! Дойдёт ли до тебя то, о чём я сейчас расскажу?

(Окончание следует)

С КАЖДЫМ НОВЫМ ПОКОЛЕНЬЕМ...

Сильва Капутикян

Мой сынок ещё едва лепечет,
Мало слов в его несложной речи.
Я его сажаю на колени.
— Кто,— шепчу,— на том портрете?
— Ленин.

Ручку, что теплом моим согрета,
Улыбаясь, тянет он к портрету.
Так вот с каждым новым поколеньем
В каждый дом приходит снова Ленин.

Перевод с армянского
Т. Спендиаровой.

★

В нашем селе жил Ленин

В Восточной Сибири, на юге Красноярского края, где маленькая речка Шушь впадает в могучий Енисей, стоит наше село Шушенское.

Когда-то Шушенское было таким глухим местом, что цари ссылали сюда революционеров. Ссыльные жили здесь, как в тюрьме: до железной дороги семьсот километров и кругом тайга — не убежишь!

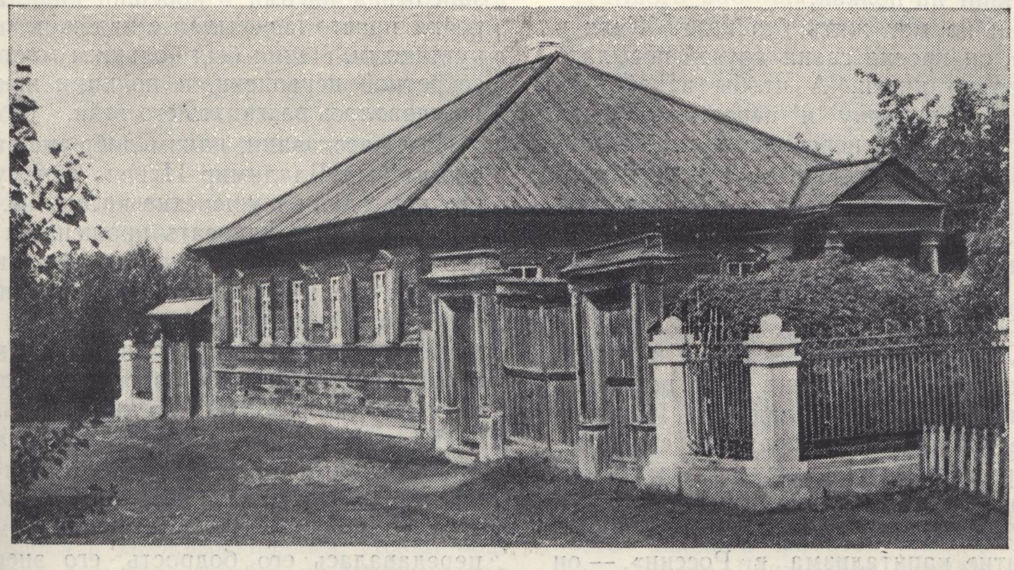
Кривые улицы Шушенского утопали в грязи. По окраинам лепились жалкие домишки бедняков, и только в центре, на главных улицах, стояли добротные кулацкие дома. Шушенские крестьяне были тёмными и неграмотными. Попы и знахари обманывали и обирали их.

В этой дикой глуши с 1897 по 1900 год жил в ссылке великий вождь трудящихся Владимир Ильич Ленин.

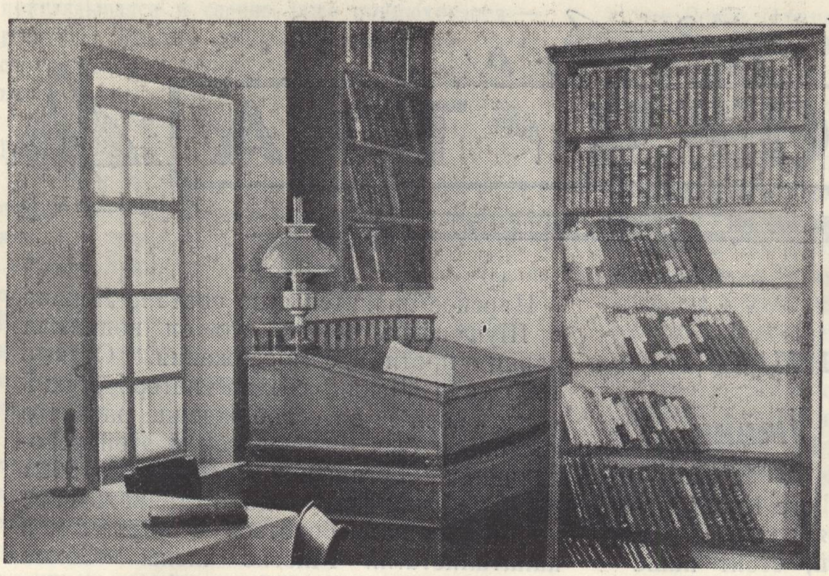
Царское правительство сослало Ленина в Шушенское за то, что он поднимал народ против самодержавия. Осенью 1895 года Ленин создал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и был руководителем этой революционной организации. «Союз борьбы» учил рабочих, как надо отстаивать свои права, как надо бороться с царизмом и капиталистами. Многие члены «Союза борьбы» в декабре 1895 года были арестованы. Арестовали и Владимира Ильича Ленина.

Четырнадцать месяцев просидел он в сырой, холодной камере петербургской тюрьмы. А 29 января 1897 года царское правительство приказало выслать Ленина на три года под надзор полиции в далёкую Сибирь, в село Шушенское.

Сейчас домá, где во время этой ссылки жил Владимир Ильич Ленин, превращены в музеи. Мы часто бываем в них, а летом ходили на экскурсию всем отрядом. Во время экскурсии мы узнали очень много интересного о том, как жил Владимир Ильич Ленин в ссылке.

Дом, где с июля 1898 года по февраль 1900 года жил Владимир Ильич Ленин.

Уголок комнаты В. И. Ленина. За этой конторкой он любил работать.

Майским вечером 1897 года Ленин приехал в Шушенское в сопровождении двух жандармов. Он остановился переночевать у крестьянина Зырянова, а потом так и остался у него жить в маленькой скромной комнатке. В этой комнате до сих пор всё осталось так, как было при Владимире Ильиче. Простая деревянная кровать, стол, покрытый белой деревенской скатертью, керосиновая лампа на столе, возле неё раскрытая книга, пёстрые домотканные половики на полу, на стене барометр, который Ленин привёз с собой, и много книг на полках.

Ленин не мог жить без книг. Живя в ссылке, он просил своих друзей посылать ему только книги. А чтобы заработать деньги на покупку и пересылку книг, Ленин занимался переводами с иностранных языков на русский.

Нелегко жилось Ленину в ссылке. За ним следил специальный жандармский урядник. Без разрешения этого урядника Ленин не имел права отлучаться из Шушенского.

Но Ленин не падал духом. Он всегда был бодрым, энергичным. Нас поразило, как много сделал Владимир Ильич в ссылке. Он строго распределял своё время, дорожил каждой минутой. За эти три года он написал больше тридцати работ. А чтобы написать только одну из них — «Развитие капитализма в России», — он использовал больше шестисот книг. И не просто читал, а делал выписки, вёл конспекты.

Царское правительство думало, что, сослав Ленина в сибирскую глушь, оно прекратит его революционную работу. Но разве можно было оторвать Ленина от народа?! Книги, которые написал Ленин в Шушенском, помогали рабочим в борьбе с царизмом. А какую переписку вёл Ленин в эти годы! Мы видели в музее карту, на которой показано, с кем переписывался Ленин. Из Москвы, Петербурга, Швейцарии, Германии — отовсюду шли в Шушенское письма. И ни одно из них не оставалось без ответа. В письмах Ленин давал советы, как вести революционную работу, как подготавливать создание марксистской партии.

Конечно, письма, которые посылал Ленин, были не совсем обычными. Ведь жандармы тщательно просматривали всю переписку. Ленин писал свои революционные письма между строк какой-нибудь книги с безобидным названием. Писал не молоком, как это он делал в тюрьме, а особыми чернилами, которые быстро становились бесцветными. Иногда он искусно заделывал письма в корешки книг, а изредка просто пересылал с надёжными попутчиками. Ленин был большим мастером секретной переписки, и полиции никогда не удавалось разгадать его тайн.

Нам рассказали, каким добрым, отзывчивым был Владимир Ильич. К нему часто приходили шушенские крестьяне. Кто просил Ленина написать прошение в суд, кто — составить жалобу, кто — написать письмо: ведь грамотных в селе почти не было. Ленин всегда приветливо и внимательно встречал приходивших к нему, охотно исполнял все просьбы крестьян, хотя ему было запрещено это делать.

Иногда Ленину удавалось встречаться с товарищами-революционерами, которые тоже были сосланы в Восточную Сибирь. Ленин не давал друзьям падать духом, им передавалась его бодрость, его энергия. Необыкновенная сила воли Ленина,

его горячая вера в победу поддерживали друзей в трудные минуты.

В 1898 году в Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская, верный друг и товарищ Ленина. Она тоже была арестована и приговорена к ссылке в Уфимскую губернию, но добилась, чтобы ей разрешили отбывать ссылку в Шушенском. Она приехала сюда вместе со своей матерью.

В маленькой комнатке Ленина было тесно троим, и вскоре Владимир Ильич, Надежда Константиновна и её мама перебрались на новую квартиру, в дом крестьянки Петровой, на берегу Шуши. Дом этот стоит в центре села. Теперь здесь тоже музей. Мы побывали и в нём.

Нередко вместе с охотниками Владимир Ильич ночевал в этом шалаше.

У входа в дом на мраморной доске мы прочли слова Сталина: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя». Справа от ворот уютная зелёная беседка, вся увитая хмелем. В беседке прохладно, стоит стол, скамейка. При Ленине здесь была такая же беседка, сделанная им самим. В жаркие летние дни Ленин любил заниматься здесь.

Мы поднялись на высокое крыльцо. Низенькая дверь ведёт в кухню. За ней столовая. Позади столовой комната Владимира Ильича. Несколько стульев, стол, на столе старинный подсвечник, в углу высокая конторка, за которой Ленин любил стоя работать. Над конторкой книжная полка, рядом ещё одна полка с книгами.

Из всех вещей, которые мы здесь видели, нам особенно запомнилась ручка, которой писал Владимир Ильич. Даже трещина на ней, такая она старая. Смотришь на эту простую камышовую ручку и представляешь себе прежнее Шушенское. Владимир Ильич сидит за столом и пишет.

В эту квартиру к Ленину ночью 2 мая 1899 года неожиданно нагрянули жандармы. Они перерыли все вещи, но не могли обнаружить ничего запрещённого. Тогда они принялись за библиотеку. Жандарм подошёл к книжным полкам. Ленин подставил ему стул, чтобы жандарм начал осмотр с верхних полок. Полок было много. Смотрел, смотрел жандарм книги, а им и конца нет. Жандарм устал. До нижней полки он так и не дошёл, только спросил: «А там что за книги?» «Учебники, книги по педагогике», — ответила ему Надежда Константиновна. Жандармы составили протокол и уехали. А на нижней-то полке как раз и лежали запрещённые книги и нелегальная переписка. Если бы их нашли, Ленину могли бы увеличить срок ссылки. Но благодаря находчивости Владимира Ильича и Надежды Константиновны всё обошлось благополучно.

Много работал Ленин в ссылке. Но он умел не только напряжённо работать, но и весело, хорошо отдыхать. Он очень любил охотиться. Часто Владимир Ильич уходил со своей собакой на Дупелиное болото или на озеро Перово. На берегу озера был шалаш, в котором Ленин иногда ночевал.

Ещё любил Ленин играть в шахматы. В самом Шушенском играть ему было не с кем. Но он переписывался со своими товарищами, особенно с товарищем Лепешинским. Так и играли в шахматы по почте.

Когда Ленин уехал из ссылки, он перестал играть в шахматы, хотя и очень любил эту игру. Он сказал, что шахматы чересчур захватывают, это мешает работе. Ленин умел отбрасывать всё, что мешало его большой работе. Нам рассказали, что, когда Ленин был гимназистом, он

увлекался коньками. Он очень уставал, хотел спать, это мешало ему заниматься, и он заставил себя бросить коньки.

29 января 1900 года кончился срок ссылки Ленина. Стояли жестокие морозы. Но Ленин немедленно двинулся в дорогу. Он спешил вернуться к революционерам-марксистам, чтобы вместе с ними начать борьбу за создание марксистской партии. Он немедленно занялся организацией нелегальной политической газеты «Искра».

Как не похоже сейчас наше Шушенское на грязное, глухое село, каким оно было до революции! Выросло, изменилось Шушенское. В селе появились красивые каменные дома. На полквартала протянулось здание Дома Советов. Перед ним возвышается памятник В. И. Ленину. Строятся двухэтажная гостиница, дом связи, дом культуры, детские ясли... На опушке леса виден сельскохозяйственный техникум. В нём учатся четыреста студентов. А в школах Шушенского учатся шестьсот тридцать ребят.

Даже трудно поверить, что когда-то в нашем селе была лишь одна приходская школа, в которой училось всего тридцать человек.

Много людей приезжает к нам летом. Все хотят познакомиться с местами, где жил в ссылке великий Ленин. Однажды к нам приезжали даже ребята-эвенки из далёкой Туры. Больше двух тысяч километров они летели самолётом, потом ехали пароходом, поездом и автобусом. Приезжайте и вы к нам, ребята!

Беседка во дворе дома-музея. В такой же беседке часто работал Ленин.

Толя Ковтун, Толя Ивченко, Володя Беляевский, Юра Толстых, Валя Сергиенко, Галя Воробьёва, Вена Контарёв, Оля Муратова, Валя Илюшина — ученики Шушенской средней школы.

Дорогая редакция!

Я никогда раньше не писала вам, потому что у меня еще не было такой большой радости! Наступил радостный долгожданный день — меня приняли в ряды Ленинского комсомола. Я счастлива, что живу в Советской стране. Я благодарна Коммунистической партии и Советскому правительству, которые создают все условия для того, чтобы советские дети могли свободно учиться и расти.

Мне выдали комсомольский билет, о котором я так давно мечтала. Я стала комсомолкой! До сих пор я училась неплохо. А теперь буду учиться отлично. Обещаю с честью носить звание комсомольца.

Бурлова Валя
ученица 7 «б» класса.
Пос. Новая Ушица Каменец-Подольской обл.

Юные ленинцы

Мы в родном государстве Советов
Под счастливой звездою живём.
И по ленинским мудрым заветам
Расцветает страна с каждым днём.

Алый галстук наш ярко сияет,
Красным маком горит на груди,
Никогда забывать не давая:
Раз ты ленинец,— будь впереди!

Носим званье мы ленинцев гордо,
Не отступим нигде, никогда
И за счастье по-ленински твёрдо
Обещаем бороться всегда!

Марголина Аня,
ученица 522-й школы. Москва.

Пионерская помощь

Мой отец работает механиком в Лиманской МТС. МТС наша большая, имеет свою ремонтную мастерскую, гаражи, красивые жилые дома для рабочих.

Однажды отец сказал, что к нам в МТС приезжает много рабочих-специалистов: токарей, механиков, трактористов. В МТС только и говорили о людях, которые по призыву партии едут из города на работу в деревню. К их приезду готовили квартиры, общежития.

Как-то после уроков мы с Соней Александровой зашли в общежитие. Там шёл полным ходом ремонт: штукатурили, белили, красили. Нам представилось, как приятно будет тем, кто сюда приедет и увидит, что их ждали, что о них позаботились.

Я сказала Соне: «А что, если мы возьмём и поможем подготовить общежитие к приезду рабочих?»

Мы поговорили с ребятами в звене. Всем наше предложение понравилось. В тот же день мы отправились в МТС и попросились в помощники. Бригадир поручил нам красить кровати, тумбочки, табуретки. И мы принялись за работу. Покрасили кровати и тумбочки, вымыли окна и полы. В комнате стало чисто, светло. Но нам всё казалось, что этого мало, хотелось ещё что-нибудь сделать.

— Давайте занавески на окна повесим,— сказали девочки.

Стали думать, из чего бы сделать занавески. Нина Буханенко предложила вырезать их из бумаги. Она большая мастерица в этом. У неё получается очень красиво, будто настоящее кружево. Потом девочки побежали домой и принесли вазоны с цветами.

Мы застелили стол скатертью, на окна повесили занавески. Кровати, тумбочки стояли чистенькие, блестящие, аккуратные, на подоконниках — цветы. Комната общежития стала совсем уютной.

— Давайте на тумбочки положим конверты и бумагу,— сказала Катя Васецкая.— Приедут люди, осмотрятся и захотят родным или знакомым письма написать, а здесь уже конверты есть и бумага.

Так мы и сделали.

Директор МТС похвалил нашу работу и пригласил нас посмотреть новые машины, которые недавно получила МТС. Мы очень обрадовались.

На другой день мы всем классом пришли в МТС.

Нас встретил старший механик Пётр Андреевич Кесарчук. Он показал нам гусеничные и колёсные тракторы, самоходные и прицепные комбайны, объяснил, как они работают и какая у них сила. Потом он повёл нас в ремонтную мастерскую. Там мы тоже увидели много интересного.

— А скоро у нас будет своя электростанция,— сказал Пётр Андреевич.— Мы построим ещё одну ремонтную мастерскую. Для неё нам пришлют новые токарные и фрезерные станки.

Экскурсия всем нам очень понравилась, но за один раз всего не осмотришь, поэтому мы решили чаще бывать в нашей МТС.

Людмила Усатюк,
ученица 5-го класса 4-й школы.
Белгород-Днепровский, Лиманская МТС.

ПРИСЯГА

Я. Хелемский

Над переездом, рельсы заметая,
Сечёт крупа, снежок летит косой,
И льдинка, на щеке ребячьей тая,
Сливается с подмёрзшею слезой.

Я тут живу, в районе привокзальном,
Учусь в трудшколе. Мне — десятый год.
...Январь идёт по улицам печальным,
Мороз каштаны киевские жжёт.

Приспущен, вьётся на ветру тревожном
Увитый крепом стяг из кумача.
На сцене в клубе железнодорожном
Стоим перед портретом Ильича.

Стоим в строю, равненье соблюдая,
Взрослей в минуты эти становясь.
От сердца к сердцу тянется живая,
Мгновенно возникающая связь.

Согретый человеческим дыханьем,
Битком набитый, тесный зал притих.
Даём торжественное обещанье
Перед лицом товарищей своих.

Работница в платке и телогрейке
Взошла на сцену, добрая, как мать,
От имени дорожной партячейки
Присягу пионерскую принять.

Задумчивая, скорбная, седая,
С волос отбросив на плечи платок,
Она слова размеренно читает,
Держа в руках исписанный листок:

«Я, юный пионер...» Мы дружно вторим.
А женщина с листка не сводит глаз
И прячет слёзы. В звонком нашем хоре
Ей будущее слышится сейчас.

Её лицо светлеет с каждым словом,
Уже звучит последняя строка.
Мы отвечаем ей: «Всегда готовы!»
В салюте поднимается рука.

Стоим на сцене маленькой, дощатой,
Но чудится: раздвинулась она.
Нам надевает галстуки вожатый.
Какая ширь, какая даль видна!

В Москве, с трибуны съезда, в светлом зале,
В январский день услышан всей страной,
От сердца клятву произносит Сталин,
И это голос партии самой.

И присягает ленинскому стягу
Весь трудовой народ, Россия вся.
И в эту необъятную присягу
Вплелись ребячьи наши голоса.

...С тех пор промчались три десятилетья,
Но мне сегодня видятся опять
Холодный клуб, на тесной сцене дети
И женщина, что всем близка, как мать.

Пускай нам было лет ещё немного,
Но с вечера того, с того числа
Мы в жизни твёрдо выбрали дорогу —
Она сквозь годы в партию вела.

Сегодня сыну моему — десятый.
Ему запало в душу торжество
Тех праздничных минут, когда вожатый
Надел багряный галстук на него,

Когда в строю, под знаменем дружины,
Войдя с волненьем в светлый школьный зал,
С родным отрядом слитый воедино,
Он клятву пионерскую давал.

А за окном в негаснущем сиянье
Раскинулась январская Москва,
Высотные сверкающие зданья,
Вся в звёздах и снежинках синева.

Ильич глядел на мальчиков с портрета,
Как в давний, стужей опалённый год...
Я знаю: память о присяге этой
Мой сын по жизни свято пронесёт.

Иди вперёд, упрямый, ясноглазый,
Учись, не бойся трудностей, расти!
Ты с партией с минуты этой связан,
Ты с малых лет на ленинском пути.

В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ. С картины А. Герасимова.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА.

С картины Б. Иогансона, В. Соколова, Д. Тегина,
Н. Файдыш-Крандиевской, Н. Чебакова.

Великая дружба

Это было триста лет тому назад, 8 (18) января 1654 года. На площади города Переяслава, перед гетманским домом, гудела многотысячная толпа. Люди забирались на деревья, на крыши домов... Ждали выхода гетмана Богдана Хмельницкого; недаром, говорят, созвал он сегодняшний народный сбор — раду: предвидятся великие события.

В одиннадцать часов гетман в парадном одеянии поднялся на возвышение. Тихо стало на площади, и в наступившей тишине торжественно прозвучали знаменательные слова. Кончилось тяжкое время, когда «даже имя русское не упоминалось на земле нашей». Сбылась вековечная мечта украинского народа: отныне соединяется он со своим кровным братом — великим народом русским!

Ходом исторических событий в течение веков были разобщены эти народы, родственные по языку, по культуре, по происхождению. Ведь у русских и украинцев одна колыбель — цветущее Приднепровье, древнерусское государство — Киевская Русь. Здесь жили некогда общие их предки — древние славяне, те, что, по словам летописцев, обычай имели «тих и кроток», в бою же были отважны и смелы.

Долгое время Украина была под игом иноземных захватчиков. Она была опустошена и разорена кочевыми турецко-татарскими ордами. С XIV века сначала Западная, а потом и Восточная Украина подпала под тяжкий гнёт польского дворянства — шляхты. Благодатные украинские земли поделили между собой вельможи Калиновские, Потоцкие, Вишневецкие. Свободных людей они превратили в «холопов» — крепостных, заставляли их день и ночь работать на помещичьей земле, истязали и казнили за малейшую провинность. Беспощадно искореняли они всё украинское: культуру, обычаи, язык. В этом им помогало католическое духовенство.

Но вольнолюбивые украинцы не желали мириться с горькой участью рабов. Они бежали на юг, в степи, где ещё можно было спастить от панской неволи. Здесь они мужественно оборонялись от воинствующих кочевников.

«Лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек,— пишет об этом Гоголь в повести «Тарас Бульба»,— ...на пожарищах в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете». Так сложилось казачество — это, по выражению Гоголя, «необыкновенное явление русской силы».

Во второй половине XVI века была основана знаменитая Сечь. Сюда, за днепровские пороги, стекались угнетённые украинские крестьяне и горожане, сливаясь в единую боевую семью. Здесь же в 1648 году был избран гетманом Богдан Хмельницкий.

Когда Богдан был ещё ребёнком, вся Украина пылала в огне народных восстаний против польских и украинских феодалов-крепостников. Восстания эти были жестоко подавлены. Позднее Богдан Хмельницкий сам возглавил национально-освободительную войну украинского народа, чья жизнь стала «тягостней галерной неволи».

«Все народы, живущие во вселенной, защищают и будут защищать свою свободу,— говорит он в одной из речей.— Зачем нам влачить тяжкие оковы рабства в дремоте и постылом невольничестве в собственной земле нашей? ...Что же это за жизнь, когда она преисполнена горестей, страхов и всегдашнего отчаяния?»

Став во главе казацкого войска и всех свободолюбивых украинцев, присоединившихся к нему, Хмельницкий начал одерживать победу за победой. В битвах при Жёлтых Водах, при Корсуни, под Пилявой шляхетская армия потерпела жестокие поражения. Пламя освободительной войны охватило всю Украину. Она дышала «злобою ко всему католическому и шляхетскому», — писал один из современ-

ников. Народ героически сражался за свою свободу. Предания и песни сохранили образы отважных помощников Богдана — Максима Кривоноса и Ивана Богуна,— а также множества безымянных храбрецов, не щадивших жизни для счастья родины.

Шляхта жестоко мстила за свои военные неудачи. Вельможи предавали украинское население чудовищным казням. «Мучьте так, чтобы они чувствовали, что умирают»,— приказывал палачам один из них. Дороги Украины были устланы трупами. Пылали города и сёла.

Текут реки кровавые
тёмными лугами... —

поётся в одной из песен тех лет.

В эти тяжкие годы Украине во многом помогало русское государство и русский народ. Россия дала украинцам хлеб во время голода. В Россию целыми селениями переходили украинские хлеборобы, вконец измученные войной, и Россия не закрывала для них границ; на восток, к России, с надеждой устремлялись взоры всех украинцев. Выполняя волю народа, выдающийся государственный деятель Богдан Хмельницкий обратился к Москве. И вот после переговоров сбылось заветное желание украинцев: они воссоединились с русскими в одном государстве.

Трёхсотлетие этого события мы отмечаем как большой национальный праздник украинского и русского народов и всех народов Советского Союза.

Триста лет идут рука об руку украинский и русский народы. Вместе боролись они против угнетателей и иноземных захватчиков. Под руководством Коммунистической партии народы России, свершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, вместе свергли помещиков и капиталистов, вместе стали строить социализм.

Вековая мечта украинского народа осуществилась: он воссоединил все украинские земли в едином Украинском советском социалистическом государстве. Вместе со всеми братскими народами нашей страны под водительством Коммунистической партии украинский народ уверенно идёт вперёд по пути к коммунизму.

Навеки нерушима кровная дружба двух великих братских народов, украинского и русского, навеки нерасторжима великая дружба всех народов Советского Союза!

Навеки вместе. С картины А. Хмельницкого.

ДРЕССИРОВЩИКИ

Рассказ Юрия Сотника.

Рисунки А. Каневского.

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял незнакомый мальчик. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

— Извините, пожалуйста, тут живёт Гриша Уточкин?

— Ту-ут, — протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Мальчик произвёл на неё довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и жёлтую тенниску, на груди у него алел шёлковый галстук. Золотистые волосы его были аккуратно расчёсаны на пробор.

Подмышкой мальчик держал очень грязную и рваную ватную стёганку, а в руке у него был зажат конец верёвки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределённой масти собаки с бородатой мордой и торчащей клочьями шерстью. Вот эта стёганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно, — после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было заметить, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и только добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повёл собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и наконец села с выражением безнадёжной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец верёвки к перилам лестницы и только после этого, войдя в квартиру, постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копною тёмных взъерошенных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав её коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в пришельце Олега Вершинина, который учился в параллельном классе и с которым он почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин, — сказал тот, прикрыв за собой дверь. — Ты не удив-

ляйся, что я к тебе пришёл. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша, исподлобья глядя на Олега.

— Ты не мог бы мне помочь дрессировать собаку?

Гриша всегда готов был взяться за любое новое дело, но говорить много не любил.

— Мог бы. А как?

— Понимаешь, я её дрессирую для охранно-сторожевой службы. Я уже научил её ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я отрабатываю с ней команду «фасс», чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

— Чтобы она на него бросалась? — спросил Гриша.

— Ага. Мы её уже дрессировали с ребятами из нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

— А если покусает?

— Во-первых, я её буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает на себя защитную спецодежду, — Олег развернул стёганку и вынул из неё такие же драные ватные штаны. — Со мной все ребята из нашего класса её дрессировали, и она только одного Серёжку Лаптева немножко укусила... Согласен?

— Согласен. А где твоя собака?

— Я её на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

— Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это было делом нелёгким, потому что брюки оказались громадных размеров. Стянув их ремнём подмышками и завязав тесёмочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько исправила дело. Свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, он засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался. Бабушка громыхала тарелками в кухне. Гриша затаил дыхание и на цыпочках двинулся в переднюю, но как раз в этот момент бабушка вышла из кухни и остановилась со стопкой тарелок в руках, как вкопанная.

— Господи, твоя воля! — пробормотала она тихо и тут же повысила голос: — Григорий!.. Да ты... ты что это в самом деле?! Ум-то у тебя есть?

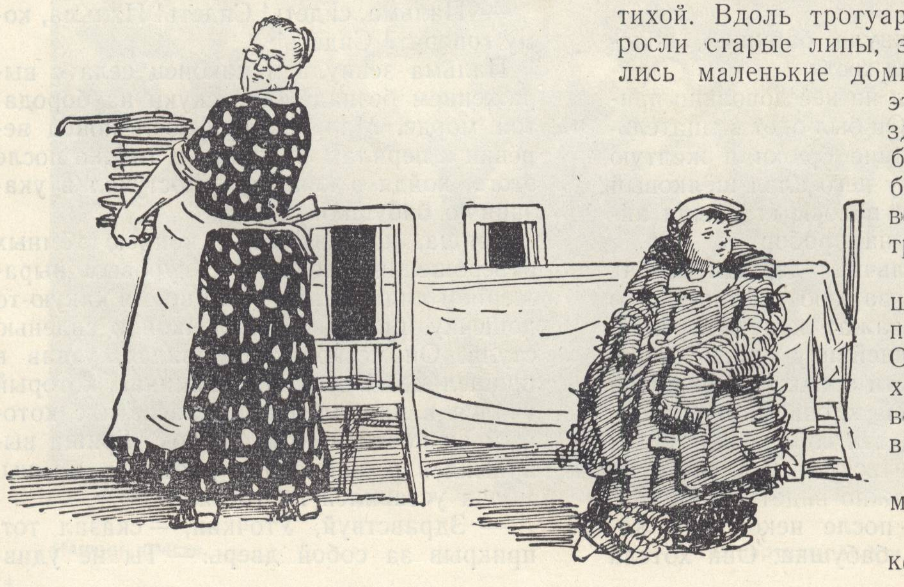
— Нужно, — пробормотал Гриша и, стараясь не смотреть на бабушку, выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой. Вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение здесь было такое небольшое, что между булыжниками мостовой всюду зеленела травка.

Придя сюда, Гриша увидел метрах в пятидесяти от себя Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

— Рядом! Пальма, рядом!

— Эй! — негромко крикнул Гриша.

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме: «Сидеть!» — и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул кепку на нос, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

— Пальма, сидеть! — сказал Олег, и собака неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

— Фасс! — крикнул Олег.

Пальма рявкнула и так стремительно бросилась на ассистента, что дрессировщик еле удержал её за верёвку. Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

— Видал? — тихонько сказал Олег.

— Ага, — так же тихо ответил Гриша. — Только она и без твоего «фасса» бросилась бы... Ведь я её дразнил.

— Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнения. Ты спрячься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не оглядывайся в нашу сторону. Ладно?

— Ладно!

Гриша добежал до перекрёстка, спрятался за угол и, подождав там немного, неторопливо, степенно зашагал по другой стороне. Вот он поровнялся с ними... Вот прошёл мимо.

— Фасс!

— Рррав! Рав-рав!

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая верёвку, рвётся к нему.

— Здорово! — сказал Олег с другого тротуара. — Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял спецовку и, вытирая со лба пот, приблизился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на неё и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо горело от удовольствия.

— Видел? Видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на неё, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша сказал:

— Ну и что ж, что бросилась! Я её дразнил, она меня запомнила — вот и бросилась. Она на каждого бросится, кто в такой одежде. Вот если бы она на ту тётеньку бросилась, тогда другое дело. — И Гриша указал глазами на солидную женщину, которая медленно шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на женщину. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фасс!

В ту же секунду раздался звонкий лай и верёвка резко дёрнула Олега за руку.

— Ну что, видел? — спросил Олег, обращаясь к Грише.

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа подмышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать её.

— Это какая порода? Дворняжка?

— В том-то и дело, что обыкновенная дворняжка.

Гриша всё ещё сидел на корточках, разглядывая Пальму.

— Если бы овчарка, она ещё лучше бросалась бы, — негромко проговорил Гриша.

— А я, ты думаешь, для чего её дрессирую? Знаешь, для чего? Вот я её выучу, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся, он всё ещё смотрел на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть эти самые... где овчарок разводят?

— Питомники? Конечно, есть. При Досаафе есть, при управлении милиции есть. Я в Досааф пойду. Вот только отработаю с Пальмой лестницу, барьер и выдержку.

— А что это такое?

— Лестница — это чтобы она умела подыматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, скомандую ей сидеть, а сам куда-нибудь уйду хотя бы на полчаса, и она должна сидеть до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два видел

в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам. И вот теперь он увидел, что не специалист, а его одноклассник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом и по команде бросаться на прохожих.

С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Сейчас, разглядывая Пальму, он представлял себе, как он идёт рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в сторону, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумлённых ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, гришиному, слову перепрыгивает через забор, подымается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Вершинин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку — «Дрессировка служебных собак» называется,— по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо. Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, да только бабушка прогонит.

— А ты знаешь что? Ты подговори ребят из своего звена и всем звеном дрессируйте, а потом всем звеном воспитывайте настоящую овчарку.

Ребята долго разговаривали, стоя на пустынной улочке у края тротуара. Олег рассказывал Грише о приёмах дрессировки собак, показывал, как надо приучать собаку садиться по команде, нажимая ей ладонью на спину, а после того, как она сядет, угощать её кусочками сахара. Гриша внимательно следил за всеми его манипуляциями и только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые чёткие шаги. По противоположному тротуару, высокий, стройный, подтянутый, шёл милиционер с лейтенантскими погонами на плечах. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он с любопытством посмотрел на двух ребят, возившихся с уродливой собакой, и улыбнулся. Олег тоже заметил милиционера.

— Смотрит, — тихонько сказал он.

Польщённые вниманием лейтенанта, ребята взглянули на него и улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в управлении милиции есть питомник! Он тихонько толкнул дрессировщика в бок и зашептал:

— Покажи ему! Покажи, как она бросается!

— Неудобно.

— Ну, чего неудобно! Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянул руку в направлении милиционера и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

— Пальма, фасс, фасс!

Пальма рванулась, неожиданно выдернула веревку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

— Тикай! — в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше, ребята не видели. Кинув стёганку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота, Олег бросился за ним. Они заметили, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров в тридцать. Оба, словно сговорившись, свернули направо, втиснулись в эту щель и замерли. Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Всё это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло ещё несколько секунд. Щёлкнула задвижка, скрипнула дверь. Молодой женский голос немного встревоженно спросил:

— Вам кого?

— Это ваши дети хулиганят? Собак на прохожих натравливают?

— Де-ети? — протянула женщина. — У нас во всём доме ни одного ребёнка нет.

— А я видел, как двое сюда побежали, — сказал милиционер, и мальчикам послышалась в его голосе усмешка.

— Пожалуйста! Войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверное, туда и убежали.

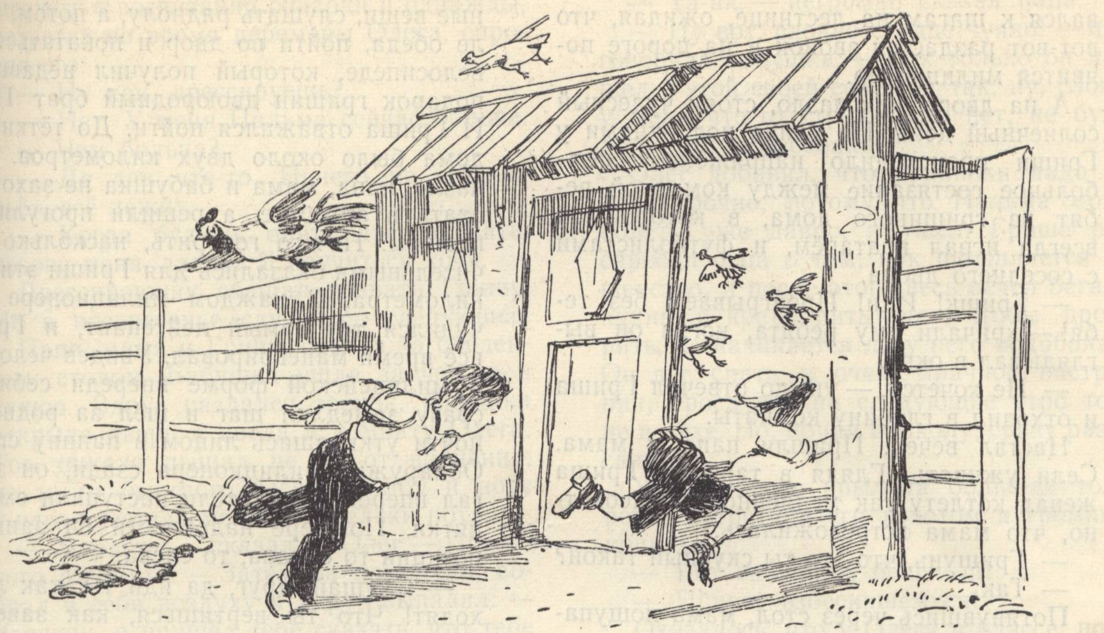
— Ну, извините, — уже другим тоном проговорил милиционер.

— Пожалуйста, — ответила женщина и захлопнула дверь.

Шаги милиционера стали удаляться.

Всё это время ребята стояли, не шевелясь, не дыша, стиснутые между сырым кирпичным забором и концами поленьев, острые углы которых впивались им в рёбра и в плечи.

— Вылезай! — прошептал Гриша, когда шаги милиционера совсем затихли.

— Тише ты... Дурак! — прошипел Олег и вцепился пальцами в руку Гриши выше локтя. Олег весь дрожал.

— Вылезай! А то ещё вернётся! — сказал Гриша и почти силой вытолкнул Олега из-за поленницы.

Ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Остановились они только в подъезде гришиного дома. На носу и щеке ассистента красовались большие ссадины. Он ободрал лицо о поленья. Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

Вот это влипли! — медленно проговорил он, когда отдышался. — Дурак я был, что тебя послушался.

— Дурак, что верёвку выпустил, — буркнул Гриша, сев на ступеньку лестницы и подперев подбородок кулаками.

Олег подошёл к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет, если она его покусала? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак натравлять!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно, показать хотели, — проворчал Гриша, сам не очень веря своим словам.

— «Показать хотели»! — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты ещё спецодежду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как? — уныло спросил Гриша.

— А очень просто, приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду и найдут и меня и тебя, потому что ты тоже её надевал.

Гриша совсем приуныл. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошёлся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом.

— Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я тоже не буду говорить. Ладно?

— Ладно,— согласился Олег. Потом, помолчав немного, добавил со вздохом: — Ну, я пошёл, уроки надо готовить.

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, налево — нет ли где поблизости милиционера — и затрусил мелкой рысцой по улице, то и дело оглядываясь. Гриша поплёлся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая Грише дверь, сразу заметила ссадины на его лице.

— Ишь, ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто,— ответил Гриша и прошёл в свою комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, прислуши-

вался к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер.

А на дворе, как назло, стоял чудесный солнечный день. На улице под окнами у Гриши происходило напряжённое футбольное состязание между командой ребят из гришиного дома, в которой он всегда играл вратарём, и футболистами с соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется, — уныло отвечал Гриша и отходил в глубину комнаты.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

— Гришунь, что это ты скучный такой?

— Так.

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью гришин лоб.

— Всегда такой аппетит у ребёнка, а тут еле жуёт!

— Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали, — сказал папа. — Так я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

— Как что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат. За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшний, небось, натравил,— заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Грише один. С виду аккуратненький такой, а с ним собака... Ну до того отвратительная — прямо глядеть тошно!

* * *

На следующий день было воскресенье. Всё семейство Уточкиных собралось идти в гости к гришиной тёте, которая праздновала день рождения. Гриша хотел сказать, что ему нездоровится, и остаться дома. Но потом он представил себе, как будет томиться в квартире один-одинёшенек в то время, когда можно сидеть среди весёлых тётиных гостей, есть всякие вкусные вещи, слушать радиолу, а потом, после обеда, пойти во двор и покататься на велосипеде, который получил недавно в подарок гришин двоюродный брат Петя. И Гриша отважился пойти. До тёткиного дома было около двух километров. Как назло, папа, мама и бабушка не захотели ехать в автобусе, а решили прогуляться пешком. Нечего говорить, насколько мучительными оказались для Гриши эти два километра. В каждом милиционере ему чудился тот самый лейтенант, и Гриша всё время маневрировал. Увидев человека в милицейской форме впереди себя, он сразу замедлял шаг и шёл за родными, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционера сзади, он забегал вперёд, и родители наступали ему на пятки. По мере надобности он занимал позиции то справа, то слева.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят! Что ты вертишься, как заведённый? — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий, стройный милиционер и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть его лица, не заметил, какие на нём погоны. Он тут же юркнул в ближайший подъезд и вбежал на площадку второго этажа. Минуты две всё гришино семейство стояло перед подъездом, тщетно взывая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что это за штучки такие?

— Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

С не меньшими предосторожностями шёл Гриша на следующее утро в школу. У школьного подъезда он встретил Олега. На Олеге вместо синих брюк были теперь серые, вместо жёлтой тенниски — белая рубаха. На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.

— Пока ничего. Я костюм переменил. И шляпу вот надел. Для маскировки. А у тебя как?

— Пока порядок.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось. Гриша постепенно осмелел: снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал

мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олега, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то. Ничего не ест, не пьёт, всё лежит.

— Когда будешь опять дрессировать, позови меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу. Но в воскресенье случилось следующее.

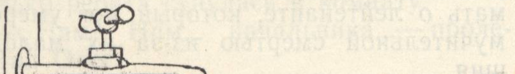
Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла за чем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу у него блестели мелкие капельки пота.

— Здрасте! — сказал Олег. — Приятного аппетита. — Затем он помолчал, вобрал в себя воздуху и вдруг выпалил: — Уточкин, я пришёл тебе сказать, что тебе нужно делать прививки.

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак, — негромко сказал папа.

— Ну вот, словно сердце чуяло! — проговорила бабушка. — Как только он пришёл с этой своей собакой, так, ну, словно у меня что-то стрельнуло: нет, не будет добра от этой собаки!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушёл. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал в кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь. Он лёг спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Вот ещё один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в классе, помимо Гриши, было ещё тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на пастеровскую станцию. Вся школа уже знала об этом, и шуткам по этому поводу не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьниц нашлось несколько не очень умных девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щёлкая зубами и страшно завывая.

Когда окончились уроки, несколько десятков школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на пастеровскую станцию.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все работники станции повысовывались из окон. Врачи и сёстры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой «Запись первичноукушенных». Эта табличка ещё больше всех развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные.

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олег скомандовал: «Первичноукушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику впрыснули в животы по порции сыворотки. И хотя уколы были довольно болезненны, всем попрежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись в разные стороны по домам. Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспоминал всё пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он, улыбаясь.— Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу, зато смеха было сколько! — вставил Гриша.

— Главное, ко всему относиться с юмором,— философствовал Олег.— Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... — Он вдруг замолчал, замедлил шаги и скоро совсем остановился, глядя куда-то вперёд.

Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое разнесчастное выражение. Гриша взглянул туда же, куда смотрел Олег, и тоже как-то весь осунулся.

Недалеко от них на середине перекрёстка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими закрученными вверх усами. Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Ой, а лейтенант-то! — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала? — сказал наконец Гриша.

— Почём я знаю? — почти шёпотом ответил Олег.

— Может, она вовсе и не бешеная?

Олег вдруг резко остановился.

— А если бешеная? Если покусала? Тогда что?! — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— Ты думаешь, не надо, думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрёт? Тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— Надо, надо! Как ты предупредишь? Пойдёшь и скажешь ему: «Здравствуйте, это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки, потому что собака, может быть, бешеная». Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Гриша сел рядом. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я!.. Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя! — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек: «Платите штраф рубликов двести за вашего сына»...

— И ещё из пионеров исключат,— добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали уныние. Уже давно настало время обедать, но ни Гриша, ни Олег не вспоминали об этом. Оба с тоской представляли себе, как их задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у товарищей снимают пионерские галстуки. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести всё это. И каждого вместе с тем мороз подирал по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть, — медленно проговорил Гриша.

Олег немного помолчал, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а потом пойдём и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал ещё немного и вдруг быстро поднялся:

— Нет, не могу! Лучше сразу, чем ещё два дня мучиться! Идём!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили, так уж решили, — сказал Олег.

— Куда пошли? — не подымая головы, проворчал Гриша.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдём, расскажем всё, а там они уж

сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах так? Ну и пожалуйста!.. Как хочешь! — Олег всхлипнул. — Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты... Как хочешь. Пожалуйста!..

И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, пошёл по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и догнал дрессировщика.

— Ладно, пошли, — глухим от волнения голосом сказал Гриша.

Ребята вошли в подъезд и очутились в длинном коридоре с рядами закрытых дверей. Только первая дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделённую деревянным барьером на две части. В первой половине комнаты никого не было, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом, в дальнем углу, сидел ещё один работник в милицейской форме.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер, стоявший у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам? Нам... начальника...— пролепетал Олег.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой:— «Заявить»!

Ассистент с дрессировщиком сели на стоявшую у стены скамью с высокой спинкой и положили на колени портфели, а на портфели руки. Лица ребят стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, побагровев, сверкая маленькими глазками, кричал в телефон, с каждой секундой всё больше распаляясь:

— А я из-за вас получать взыскания не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам, не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу. Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. — Лейтенант взял со стола какой-то зелёный конверт, потряс им в воздухе над головой и с размаху бросил на стол.— И вы, товарищ Фролов, пожалуйста, маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шёпот:

— Дураки мы! Пойдём скорее! Ведь письмо написать можно. Напишем письмо — и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кончены разговоры! Всё! — яростно прокричал толстый дежурный, бросив трубку на рычаг, и повернулся к мальчикам: — Так! Слушаю вас!

Мальчики с глупым видом посмотрели друг на друга и ничего не ответили.

— Ну! Что вам угодно? — повысил голос дежурный.

— Нам... Мы... Нам ничего... Мы просто так... — пробормотал Олег.

— Как это «просто так»? Что вам здесь, место для прогулок?

— Мы... Пойдём, Уточкин, — быстро сказал Олег.

Мальчики бросились было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза. В дверях, высокий, подтянутый, стоял тот самый лейтенант, из-за которого они сюда пришли.

Грише казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выдавил сдавленным голоском:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант.

— Здравия желаю! — ответил лейтенант, напряжённо вглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и ассистент, словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга:

— Товарищ лейтенант, вы... вы нас простите, это мы на вас тогда собаку...

— Ага... Нечаянно... Мы вам только показать...

— Мы её дрессировали для охранно-сторожевой службы...

— Он поводок нечаянно упустил... И она вырвалась.

— Мы отрабатывали с ней команду «фасс», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы её дрессируем.

— Вам теперь прививки надо делать...

— И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание... и...

— Потому она, может быть... бешеная. Нам тоже делают прививки.

По мере того, как дрессировщик с ассистентом, повторяясь и путаясь, оправдывались перед милиционером, лицо лейтенанта становилось всё жёстче и сердитее.

— Ясно! Хватит! — вдруг прикрикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли.

— А, ч-ч-чёрт! — через минуту проговорил высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, что он покусывает губы, чтобы не рассмеяться.

Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. Милиционер, стоявший у двери, тоже с трудом сдерживал улыбку.

— А, ч-ч-чёрт! — повторил высокий лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов, сжав кулаки, остановился перед мальчишками. — Да вы... да я вам сейчас... да я... — выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

— Это которая тебе брюки на коленке порвала? — спросил дежурный, всё ещё глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

— Так! Давай адрес.

— Кузнецов переулок, дом три, квартира восемь, — тихо ответил тот.

Дежурный записал на четвертушке бумаги адрес и посмотрел на Олега:

— Твой?

— Проезд Короленко, пятнадцать, квартира один.

Так! Идите!

Мальчики направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

— Там увидим. Идите, пока целы.

Пропуская ребят в дверях, милиционер легонько щёлкнул Гришу по макушке.

...Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок. Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

— Виноват! Здесь живёт Гриша Уточкин?

— Зде-е-есь, — протянула бабушка упавшим голосом.

— Дома он?

— Не-е-ту... В школе...

— Разрешите войти?

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведёт на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста, — сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в руку бабушке. — На ошейнике монограммка есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился. Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом.

Потом бабушка сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки и зачмокала губами:

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда!

Щенок подошёл к ней, виляя хвостом и улыбаясь.

Придерживая его за спинку, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано:

«Грише Уточкину и Олегу Вершинину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!.. — прошептала бабушка.

ДЕЛО ВСЕЙ ШКОЛЫ

Может быть, кто-нибудь из вас наблюдал в школе такое явление? Во время перемен по коридору, по классам блуждает унылая фигура с умоляющим взглядом. Она подходит то к одному ученику, то к другому и скучным голосом говорит:

— Ну, послушай, ну, напиши заметочку!

— Не могу. Мне не о чем писать.

— Ну, напиши о чём-нибудь, ну хоть малюсенькую! Ведь выпуск газеты опять срывается!

Проблуждав таким образом день или два, унылая фигура запирается наедине сама с собой в пустом классе. А ещё через некоторое время в коридоре вывешивается стенгазета с двумя — тремя длинными и скучными статьями. Никто её не читает, она пылится на стене месяца два — три, а затем снова по школе начинает блуждать унылая фигура редактора.

Конечно, далеко не во всех школах такие редакторы и такие стенгазеты, но я, к сожалению, видел немало подобных.

Примерно так же обстояло дело со стенной печатью в 273-й московской школе.

* * *

273-я школа славится своим «Клубом юных мастеров». Клуб объединяет около трёхсот юных конструкторов, художников, фотографов, радиотехников,— словом, тех ребят, из которых каждый увлечён каким-нибудь интересным делом и непрестанно совершенствуется в нём.

Однажды вечером в помещении клуба задержалось несколько «мастеров». Тут же трудился над школьной стенной газетой редактор, который выпускал очередной номер в полном одиночестве: сам рисовал заголовок, сам сочинял и переписывал длиннющие статьи.

Ребята стали подтрунивать над редактором, который не сумел окружить себя активом и выпускает газету один. Постепенно, однако, они перестали шутить и всерьёз задумались над вопросом: почему школа с её пионерской дружиной, с её «Клубом мастеров» живёт интересной, полнокровной жизнью, а школьная газета «За отличную учёбу» влачит такое жалкое существование?

— Газета скучная, вот в неё никто и не пишет,— заметил один из мастеров.

— А почему она скучная?

— Потому, что в неё никто не пишет.

Получился своего рода заколдованный круг. В разговор вступил руководитель клуба Евгений Борисович Козлов.

— Когда я учился в школе,— сказал он,— у нас газета выходила аккуратно, раз в неделю, и всегда собирала много читателей. Может быть, интерес к ней вызывался именно тем, что она выпускалась регулярно и поэтому хорошо освещала жизнь школы?

— А что если и нам взяться как следует да выпускать газету раз в неделю?— предложил кто-то из ребят.

Эта мысль всем понравилась. Но как её осуществить? Ведь если взвалить такую работу на редколлегию из трёх — пяти человек, то такая «нагрузочка» может плохо отразиться на их учёбе.

И тут один из ребят, Арон Цоглин, рассказал о том, как он был на заводе, где существовало много редколлегий одной и той же стенгазеты. Они выпускали газету по очереди. И оттого, что каждой редакции приходилось работать над газетой лишь несколько раз в год, каждая редакция старалась сделать свой номер как можно содержательней, интересней. Редакции соревновались между собой.

— Вот как надо и нам поступить! — решили «мастера», и уже через несколько дней директор школы и комитет ВЛКСМ одобрили составленный ребятами «проект коренной реорганизации школьной печати».

Работа закипела. Были взяты на учёт все школьные «писатели», «художники», «фотокорреспонденты». Из них составили восемнадцать редакций, а главным редактором газеты избрали инициатора всей этой затеи — Арона Цоглина.

Всем ребятам уже было известно, что новая газета, которую назвали «Школа», будет выходить регулярно, раз в неделю, и что она обязательно должна быть боевой, содержательной. Все с нетерпением ждали выхода первого номера. Выпускали его трое десятиклассников, имён которых я не назову, чтобы не позорить их больше. Достаточно того, что они опозорились на всю школу.

Когда газета вышла, ребята увидели на стене маленький листок, чуть ли не в две тетрадочных страницы, а на этом листке всего две неинтересные заметки. Разочарование было общим, но больше всех был взбешён главный редактор. На большой перемене он метеором ворвался в клуб:

Так работала одна из редакций стенгазеты «Школа» и сама попала в газету.

— Нет, шалишь! Это им даром не пройдёт! Кто из фотографов сможет мне помочь?

Через некоторое время под жалкой газеткой, выпущенной десятиклассниками, был подклеен равный ей по величине лист бумаги. На нём крупными буквами было написано: эту халтуру выпускали такой-то, такой-то и такой-то. Здесь же были помещены и портреты трёх незадачливых десятиклассников. Нечего и говорить, что теперь газета произвела впечатление на школьников. Все перемены перед нею стояли толпы смеющихся ребят.

После этого выпущено было ещё несколько номеров, но все они не очень радовали читателей. У всех редакций была одна общая беда: мало поступало заметок.

Как-то случился ещё один казус. Газету должны были выпустить семиклассники. Срок выхода очередного номера прошёл, а номер так и не появился. Встревоженный главный редактор отыскал редколлегию в одном из пустых классов. Редакторы в глубокой задумчивости сидели перед чистым листом бумаги с красивым заголовком.

— Почему газета не вышла во-время?

— Ни одной заметки нет.

Главный редактор взял газету и, не говоря больше ни слова неудачливым редакторам, унёс её с собой. Во всю ширину пустого листа он крупными буквами написал: эту газету выпускали такой-то, такой-то и такой-то — и вывесил её на обычном месте.

После этого всем многочисленным редакторам стало ясно: нельзя надеяться на то, что заметки сами посыплются к ним прямо с неба. Материал газеты надо заранее планировать. И вот явилась хорошая мысль. Завели тетрадь и разбили её на отделы: «Учёба», «Дисциплина», «Комсомольская жизнь», «Работа пионерской организации», «Кружки», «Спорт», «Литература», «Искусство» и «После школы». Было объявлено, что каждый может записывать в эту тетрадку свои мысли по любому интересующему его вопросу.

Приступая к работе над газетой, очередная редакция просматривала тетрадку, а затем на основании записей, сделанных в ней, редакторы собирали заметки у ребят или сами писали на темы, указанные школьниками.

Материала стало значительно больше, газета сделалась живее, разнообразнее. И вот тут разорвался наконец заколдованный круг, о котором я говорил вначале,— газета неинтересная, потому что в неё не пишут, а не пишут в газету потому, что она скучная. Все школьники постепенно привыкли к тому, что в определённый день недели ровно в восемь часов утра на стене должен появиться свежий номер «Школы». Теперь уже газету с нетерпением ждали, заметки, помещённые в ней, горячо обсуждались.

* * *

Недавно 273-я школа отпраздновала выход трёхсотого номера своей газеты. В газету так много пишут, и пишут о самых животрепещущих вопросах школьной жизни, что она выходит теперь не раз, а два раза в неделю. Давно уже учится в институте первый редактор «Школы»; теперь газету возглавляет не один, а два главных редактора. Газету обслуживают десятки корреспондентов и фоторепортёров, причём каждый фоторепортёр обязан выполнить норму: представить в редакцию определённое количество снимков из жизни школы.

Мне хочется на нескольких примерах показать, какое это увлекательное дело — школьная газета, если к нему относиться с душой, если проявить выдумку, изобретательность.

Однажды в тетрадке, о которой я уже говорил, появилась запись: «В школе много опаздывающих. Прошу написать об этом в газете». Редакторы решили, что вопрос этот важный, и условились не ограничиваться одной заметкой, а посвятить этой теме целый номер. И вот перед началом второй смены у школьного подъезда стали на дежурство пять фотографов — ребят из первой смены. Прозвучал звонок, объявлявший о начале занятий, и фотографы принялись за дело. Как только к дверям школы приближался кто-нибудь из опаздывающих, на него сразу

Эта карикатура была помещена в одном из номеров «Школы».

нацеливалось несколько фотообъективов. Опоздавший быстро смекал, в чём дело, съёживался, отворачивался, закрывал лицо портфелем и в таком нелепом положении оказывался запечатлённым на плёнке. На другой день вся школа хохотала, разглядывая в газете целую серию смешных снимков, к которым школьные юмористы написали свои комментарии. После этого количество опаздывающих значительно сократилось.

В каждом номере газеты ребята находят для себя что-нибудь новое, полезное. Разве не принесла, например, пользу коротенькая заметка, помещённая в одном из номеров «Школы»! Я приведу её целиком:

УЧИСЬ ЧЕРТИТЬ И ЧИТАТЬ ЧЕРТЕЖИ

В последнее время многие учащиеся нашей школы не придавали значения изучению черчения и овладению техникой черчения. За это несколько выпускников школы (перечисляются фамилии) тяжело поплатились: они получили двойку по черчению при поступлении в вуз и, конечно, не были приняты.

И тут же приводятся те самые задачи, на которых провалились перечисленные выпускники.

Однажды несколько «мастеров» клуба выступали в телецентре. Далеко не каждому из ребят приходилось видеть, как ведутся телевизионные передачи. Вместе с «мастерами» в телецентр отправились корреспонденты и фотографы. Они рассказали в газете обо всём, что увидели в студии телевидения, и иллюстрировали свой рассказ интересными снимками.

Активно участвуют в газете старшеклассники, пишут в неё заметки и малыши. Одного только юмористического материала набирается так много, что он не помещается в газете, и поэтому ежемесячно, помимо «Школы», выходят юмористическая газета «Крокодильчик» да ещё световая газета, которую показывают с помощью проекционного фонаря на отрядных сборах, на вечерах.

Световую газету местные художники, фотографы и поэты выпускают довольно оригинальным способом. Они делают рисунки и надписи белой краской на чёрной бумаге, потом фотографируют эти рисунки прямо на позитивную плёнку. То, что было чёрным, становится белым, а то, что было белым, становится чёрным. Таким образом, отпадает надобность изготовления негативов.

В 273-й школе больше не встретишь унылой фигуры, о которой я говорил в начале этого очерка. Ведь теперь газету делает не один редактор, а почти вся школа.

Ю. Сотник

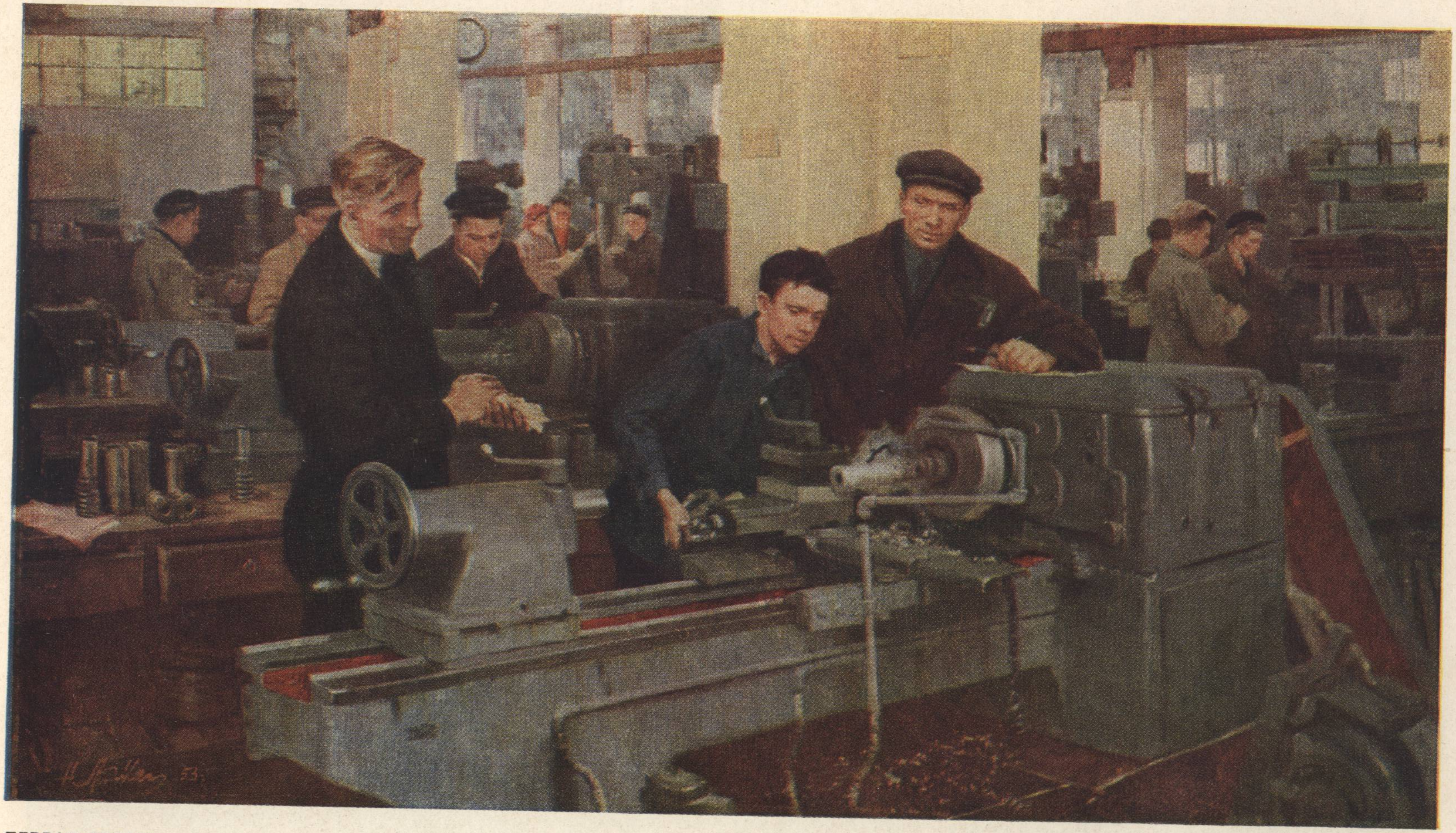

Ученик Никитин записался сразу в четыре кружка, но не работал ни в одном из них: не хватало времени. Эта карикатура подействовала на него. Он избрал себе лишь один исторический кружок и теперь работает в нём неплохо.

КОМСОМОЛЬЦЫ НА СНЕГОЗАДЕРЖАНИИ.

С картины М. Лихачёва.

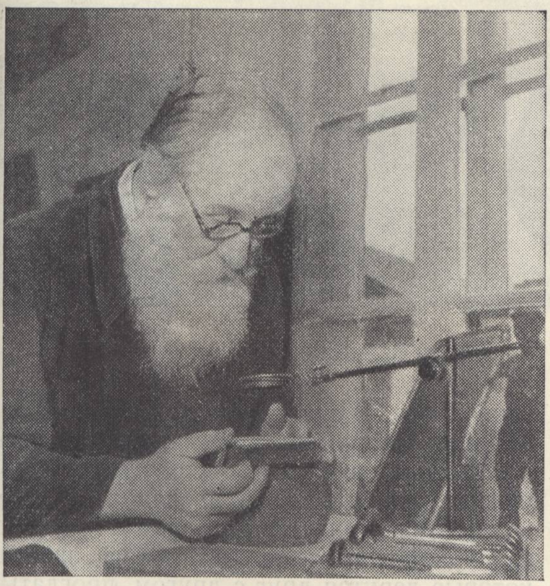

ПЕРВАЯ ДЕТАЛЬ.

С картины Н. Ломакина.
Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных институтов СССР выпуска 1953 года.

Как я иллюстрировал «Слово о полку Игореве»

В. Фаворский

Владимир Андреевич Фаворский за работой.

«Слово о полку Игореве» — очень древнее литературное произведение, оно было написано в двенадцатом веке. В то время центром Руси, её столицей был Киев. Вся Русь делилась на отдельные княжества, уделы, которые должны были подчиняться великому князю киевскому. Но удельные князья враждовали друг с другом и часто, не договорившись, брались за оружие и решали спор битвой.

Русичи были народ рослый, сильный, живой и изобретательный в борьбе с природой, храбрый в защите своих границ от враждебных соседей. На юге Руси лежали бескрайние степи сплошь до Чёрного моря, и там с незапамятных времён кочевали разные народы. Кочевники не раз внезапно нападали на русские города и селения, жгли их, грабили, уводили жителей в плен и продавали пленных на берегу Чёрного моря в дальние страны.

То, что рассказано в «Слове о полку Игореве», как раз касается борьбы русских князей с одним из этих кочевых народов — половцами.

Русские князья во главе с великим князем киевским ходили в поход на половцев. Князь Игорь Святославич Новгород-Северский не участвовал в этом походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря подоспеть во-время. Тогда спустя некоторое время Игорь решил идти в поход сам с братом своим Всеволодом. Они были храбрые и смелые, дружина у них была один другого лучше, и они решились одни, без других князей, победить половцев, но не осилили врага. Дружина их была побита, а князь Игорь попал в плен.

Об этом печальном событии рассказывает автор «Слова». И он, с одной стороны, хвалит русских князей и воинов за их храбрость, за их геройство. И в то же время горюет о том, что мешает им разрозненность, самовольство, злоба друг на друга, которые часто переходят в междоусобные войны. «Слово» осуждает раздоры и своевольства и призывает князей жить в согласии, чтобы не погубить землю русскую, не отдать её во вражьи руки.

Я давно работаю над «Словом о полку Игореве» и уже делал иллюстрации для этой древней поэмы.

Чтобы представить тогдашних людей, их одежду и вооружение, я прочёл древнюю летопись, где тоже рассказывается о походе Игоря, и нашёл кое-что, чего нет в «Слове». Например, что Игорь был ранен и что во время самой тяжёлой битвы он снял шлем, чтобы его узнавали русские воины и собирались вокруг него.

Затем я пошёл в наш московский Исторический музей и стал смотреть там древнюю одежду и оружие. Я увидел старинные мечи и модель червлёного щита. Он большой, красный, острым концом вниз и довольно тяжёлый. Луки и стрелы там более поздние, но по ним можно представить, какие стрелы и луки были в двенадцатом веке.

В то время воины были вооружены прямыми длинными обоюдоострыми мечами, для защиты тела надевалась кольчуга, а голова была защищена прочным стальным шлемом с острым верхом. Всадник обязательно имел лук и стрелы. Конь у него был лёгкий, степной, очень быстрый.

«Слово о полку Игореве» звучит, как песня. Красота слов, складность повествования, песенность — всё это мне хотелось передать в иллюстрациях, в заглав-

ных буквах и в орнаментах — узорах, окружающих картинки. Для этого мне надо было познакомиться с книжными орнаментами и красивыми буквами древних рукописей.

Тогда книги ещё не печатали, а писали от руки, и художник, который это делал, украшал книгу орнаментом, заставками и каждую заглавную букву делал по-новому, одну другой красивее.

Плач Ярославны.

В нашей Ленинской библиотеке есть рукописный отдел. Там собрано много рукописей разных времён и разных народов. Многие из них очень красиво украшены орнаментами и цветными рисунками, а есть совсем простые. Есть такие, по которым учился Пётр Первый, будучи ещё мальчиком. Там хранятся и древнерусские рукописи, мне их показали. Я собирал, срисовывал украшения, буквы и книжные орнаменты двенадцатого века.

Орнамент в древних русских книгах так богат и разнообразен, что можно рассматривать его без конца. Он меняется из века в век. В разные века жил свой орнамент. Например, в семнадцатом веке в книжном орнаменте были главным образом яркие цветы, а в двенадцатом веке, который был мне нужен, орнамент состоял из сложных переплетений и из зверей, которые дерутся друг с другом, проглатывают друг друга. Буквы были тоже со зверями или людьми. Узоры орнамента были суровые и мужественные, они соответствовали тому времени, когда русским людям всё время приходилось бороться с природой и с кочевыми народами за своё существование.

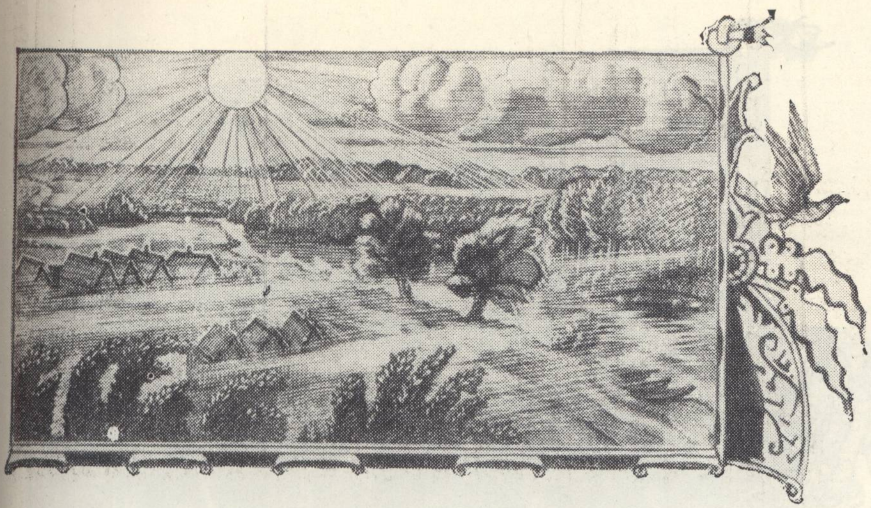

Титульный лист. Гравюра на дереве В. Фаворского.

Затем я стал рассматривать древние рисунки, среди которых есть, между прочим, и изображения битвы с половцами. Но кроме того мне нужно было представить, как выглядели люди в то время. Для этого мне пришлось побывать в Третьяковской галерее, в зале, где помещаются древние иконы, и ещё просмотреть много книг. Я рассматривал древние стенные росписи и иконы. Очень часто живописец изображал на них современных ему людей. Это были простые суровые лица, озабоченные, с сильным характером.

Я старался увидеть людей, похожих на моих героев, и в жизни. Особенно интересовали меня украинцы, потому что всё, о чём рассказывается в книге, происходит на юге.

Ну, а потом я стал думать, как лучше разместить в будущей книге свои гравюры. Сшив толстую тетрадь, я сделал макет книги. Распределил в ней текст, нашёл места для задуманных мною картинок,

Гравюра на дереве В. Фаворского.

Когда после накатаешь валиком краску и оттиснешь на бумагу, то всё, что осталось на доске выпуклым, на бумаге получится чёрным, а все углубления будут белыми.

В гравюре всё состоит из чёрных и белых пятен и штрихов. Даже серого в ней нет. Казалось бы, что такими средствами можно изобразить только зиму, снег, чёрные деревья без листьев и, может быть, ещё ворон. Но это не так. Художник разными штрихами и разным соотношением чёрного и белого стремится изобразить все цвета, всё, что он видит.

Белым штрихом на чёрном легко передать яркую молнию, блеск воды, мелькание освещённых листьев, блеск оружия и кольчуг. Лёгкими белыми штрихами можно передать туман, идущий от реки, и воздух, заслоняющий от нас далёкие предметы.

Передавая живые лучи солнца, их движение, перемешиваешь белые и чёрные линии, и они как бы шевелятся.

Чёрным пятном и штрихом передаёшь и мрачную тучу, и тёмную зелень дуба, и масть коня, и плащ воина, и темнокрасное знамя. И если приглядеться, то видишь, что чёрное и белое всё время кажется разным: то тяжёлым и грузным, то лёгким и воздушным.

Гравируешь в увеличительное стекло, так как в книге часто бывают мелкие изображения людей, а надо передать характер лица; да и другие мелочи — листья, траву — было бы трудно сделать без увеличительного стекла.

Книга всегда начинается титульным листом. Так называется первая страница, на которой пишется всё, что касается книги: автор, название, издательство и год. На ней может быть и изображение. Напротив этой страницы часто помещается картинка, которая по своему содержанию относится ко всей книге. Мне хотелось, чтобы титул и эта картинка сразу показали читателю, о чём идёт речь в книге, и я решил поместить на картинке автора «Слова». Это воин, он в кольчуге, но в руках у него гусли. Он пел песни и играл на гуслях

придумал мелкие картинки на полях, придумал орнаменты и заглавные буквы — они должны были дополнять рассказ, помочь мне передать то далёкое время.

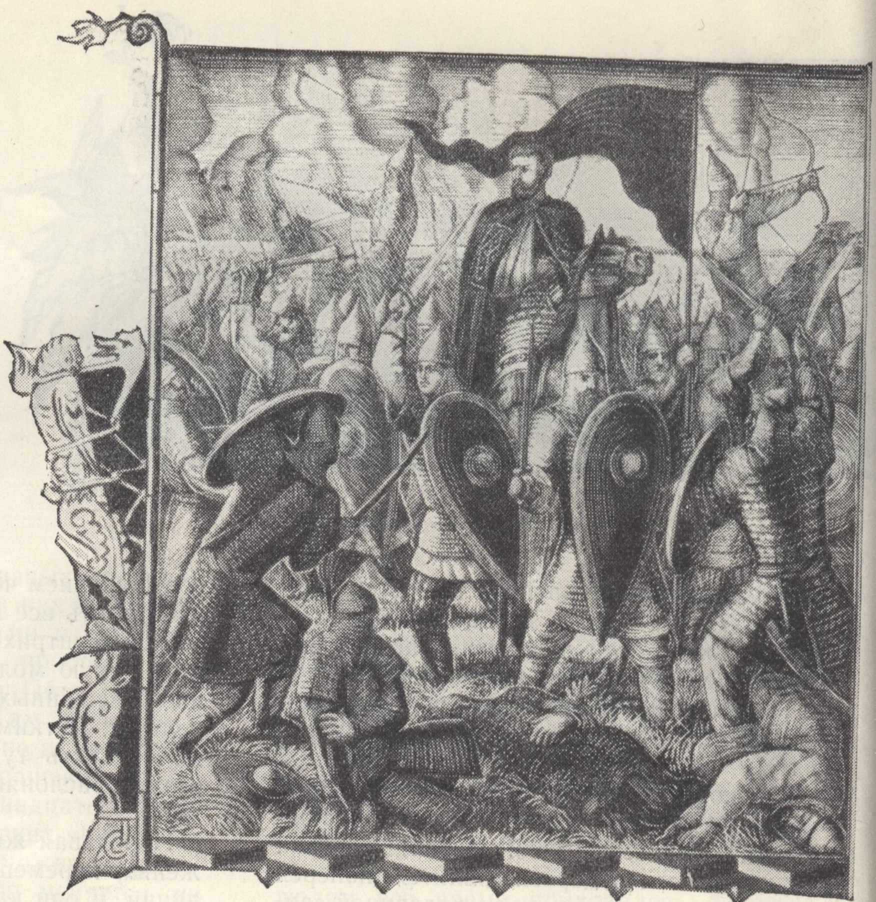
Потом я нарисовал все придуманные картинки в тетради и начал их гравировать.

Гравюра делается на досках из очень крепкого дерева — самшита,— которое растёт на Кавказе. Доски особенные — они торцовые: ствол дерева пилится поперёк на кружки высотой в два с половиной сантиметра, им придаётся прямоугольная форма, и из этих кусочков склеивается доска нужной величины. На доску наносится рисунок, но в обратном, зеркальном положении, и проверять, каким он получается, приходится с помощью зеркала. Рисунок наносится густой чёрной тушью, а потом весь покрывается тушью же, но разбавленной. Затем особыми ножичками, которые называются штихелями, начинаешь резать или гравировать. Штихели бывают разного размера и формы и могут проводить на доске разные углубления. Они как бы пашут доску, и на простой доске они вдоль слоёв давали бы нужные углубления, а поперёк слоёв только драли бы дерево, а на торцовой доске они во всех направлениях режут одинаково.

Оттого, что доску покрываешь тушью, она получается довольно тёмная, и постепенно из этой темноты как бы вытаскиваешь всё, что хочешь изобразить. Это очень интересно: тёмная доска позволяет как бы угадывать, что там в темноте, и таким способом идти дальше и дальше вглубь доски.

воинам и князьям русским, а сейчас говорит им о народной беде, о том, что творят половцы на русской земле, о пожарах и о несчастных женщинах, оплакивающих своих близких. Он указывает в сторону этих женщин, на титул. Я изобразил там ещё оружие, и знамя, и летящих соколов. Соколами называют в народе и смелых людей.

«Слово о полку Игореве», которое я иллюстрировал, не похоже на обычную книгу. Левая страница этой книги содержит древнерусский текст, а правая — перевод на наш теперешний язык, и обе они рассказывают об одном и том же. Поэтому я решил делать гравюры длинные, в разворот, сразу на две страницы. Я старался передать в них мужественный и суровый дух той эпохи, мне хотелось, чтобы вы, ребята, смогли увидеть боевую дружину двенадцатого века, храброго князя Игоря и его брата Всеволода, смогли представить, как были одеты воины, какое у них было оружие, смогли почувствовать красоту и ширь русской земли.

Битва Игоря с половцами.

Но иногда художнику приходится отступать от исторической правды. Вот, например, в той гравюре, где Игорь отправляется в поход и зовёт войско идти за собой к Дону, на половцев, я изобразил всех воинов в полном вооружении, хотя тогда так в поход не ходили. Пройти длинный путь в тяжёлой кольчуге и шлеме было бы невозможно. Кто нёс их в заплечном мешке, кто навьючивал на лошадь, кто вёз на телеге. Но характер «Слова», его поэтичность, сила его образов требовали изображения воинов, готовых к бою. Ведь и сам автор, описывая воинов князя Всеволода, говорит, что они в полном вооружении.

В центральной картине на двух страницах я изобразил тяжёлую битву, когда половцы собрали все свои силы, окружили русских воинов, оттеснили их от воды, многих перебили, а Игоря ранили. Буй-тур Всеволод храбро бьётся, и половцам трудно стоять против него; но их всё больше и больше, и русские воины защищаются кто мечом и щитом, а кто просто топором. Тучи идут, молнии сверкают, стрелы летят, падают воины в степные травы, но русичи ещё держатся у своего знамени. Орнамент вокруг картины говорит о том, что соколов опутали и взяли в плен.

Каждая картинка имеет свои трудности, но эта, центральная, изображающая главное событие, пожалуй, была самой трудной. Прежде всего нужно было изобразить главных героев: Игоря, который смел, горяч и, может быть, даже опрометчив, всё берёт сильно к сердцу — и победу, и поражение, и плен; буй-тур Всеволода, более простого по складу, который, всё забыв, бьётся до последнего с врагами.

Гравюра на дереве В. Фаворского.

и его воинам; она чувствует, что с ними несчастье и что мучает их жажда и усталость в далёкой степи.

Мне не сразу удавалось передать жест — обращение Ярославны к природе. Пробовал я нарисовать её с одной протянутой рукой, пробовал прижать ей обе руки к сердцу. Но это меня не удовлетворяло. Жест должен был быть сильным и выразительным: ведь Ярославна просила и солнце, и ветер, и Днепр. И тогда я изобразил Ярославну такой, как вы видите её на картине, протягивающей к солнцу обе руки. Мне кажется, этот жест больше передаёт её горе и мольбу.

Все картинки и текст я заключил в переплёт, на котором яркими цветами и золотом изобразил русских воинов, стерегущих границу. Они смотрят вдаль, остановив коней. Кони горячатся...

Кроме того, изображая битву, художник должен добиться впечатления, что много народу участвует с той и другой стороны, а ведь нельзя же буквально нарисовать тысячи людей на одной картине, необходимо сравнительно немногими фигурами передать множество. Для этого я, например, использовал раму, которая обрезает картину. Фигуры некоторых воинов только выступают из-за рамы, и кажется, что за ними идут ещё войска.

В гравюрах «Плач Ярославны» и «Бегство Игоря» мне особенно важно было изобразить природу, природу русскую, живую, которую мы любим и знаем. И чтобы эта природа отвечала Игорю и Ярославне, разговаривала с ними, как в «Слове».

Вот «Плач Ярославны». Раннее утро, солнце встаёт, туман постепенно уходит, со стен Путивля далеко видны река, леса. Ветер гонит облака. И тоскующая по мужу Ярославна обращается к солнцу, и к ветру, и к реке и просит их помочь Игорю

У переплёта другой язык, более яркий, чем у картинок внутри книги, как бы более возвышенный, но в то же время очень краткий. На переплёте художник должен в немногом сказать главное про содержание и в то же время дать книге одежду. В переплёте красота очень важна. Необходимо, чтобы он был красив.

Фигурные буквы и картинки на полях так же мимолётны, как упоминания в тексте о гусях и лебедях, об орлах и волках, о бедных русских жёнах и бегстве Игоря. Мелкие картинки на полях и буквы сопровождают весь рассказ и должны соединить книгу в одну песню.

И я хотел бы, чтобы было так, как говорится: «Из песни слова не выкинешь». Так бы и у меня в моей книге, которую я сделал из картинок, орнамента и украшенных букв, нельзя было бы ничего выкинуть. Добился ли я этого, вам судить.

СУРОВАЯ ПРАВДА

(О НОВОЙ ПОВЕСТИ ДЖАННИ РОДАРИ)

Дорогие читатели «Пионера»!

Всем вам хорошо знакомо имя итальянского писателя-коммуниста Джанни Родари. Вы любите его чудесные стихи в переводах С. Маршака, многие из вас читали на страницах «Пионера» повесть о приключениях Чиполлино, где грустная правда переплелась с весёлой фантастикой.

В новой повести Д. Родари «Маленькие бродяги» нет ничего фантастического. В ней рассказывается о вполне реальных событиях, которые нашим итальянским ребятишкам понятны без разъяснений. Но вы, счастливые советские дети, живёте совсем в иных условиях, и возможно, что многое в этой повести покажется вам странным или же несколько преувеличенным. Поэтому я и решил предпослать повести Джанни Родари несколько разъяснительных строк.

События, о которых вы прочитаете, происходили лет семь — восемь назад на юге Италии. Южные районы особенно пострадали от войны: ведь их бомбили сначала гитлеровцы, а потом и американские и английские самолёты. Не удивительно, что население этих мест особенно обнищало.

И вот бедная вдова Бенедетта вынуждена была «продать» своих любимых детей предприимчивому проходимцу...

«Быть может, это и случается,— подумаете вы,— но, вероятно, не так уж часто...»

Вместо ответа я приведу вам выдержку из итальянского прогрессивного журнала «Вие нуове», вышедшего в июле 1952 года:

«...Ежегодно 13 августа на главной площади Беневенто происходит традиционный базар «вуолани» (на диалекте Южной Италии «вуолани» значит «дети, отдаваемые в аренду»). Под сенью старого собора, на глазах у всех, в том числе властей и епископа, дети бедняков отдаются в аренду... В Беневенто привозят детей со всего Юга, главным образом из Фрозиноне, Кассино и других мест, разрушенных войной... Эта гнусная торговля насчитывает два века и продолжается ещё и сейчас... В отношении этого преступления уголовный кодекс Итальянской республики — есть от чего покраснеть от стыда! — тот же, что был при фашизме, и статья 671 определяет штраф и несколько дней тюрьмы для торговцев детьми...»

Да, судьба маленьких бродяг, описанная в повести,— не исключение. Все жившие в Италии да, конечно, и сам зоркий наблюдатель жизни Джанни Родари встречали десятки девочек и мальчиков, скитавшихся по пыльным, белым дорогам. Уныло бредут они за фургонами, просят милостыню или же предлагают прохожим «билетики счастья».

Всё правда в этой короткой повести, и правда эта характерна для современной Италии.

Когда вы прочитаете, что один из героев повести, Франческо, не знал ни одной буквы, подумайте о том, что только в столице Италии Риме имеется тридцать тысяч ребят, никогда не посещавших школы. Во всей Италии их сотни и сотни тысяч. А читая главу о наводнении, представьте себе, что это страшное бедствие ежегодно обрушивается на жителей долины реки По лишь потому, что реакционное правительство не предпринимает никаких мер, чтобы укрепить плотины и оградить несчастных людей от окончательного разорения.

Но Джанни Родари повествует в «Маленьких бродягах» не только об угнетении и бедствиях людей. В его повести вы найдёте упоминание о батраках, идущих захватывать землю — встреча, оставившая неизгладимое впечатление в памяти мальчика Франческо. Захват пустующих земель — это тоже явление, типичное для сегодняшней Италии. Надо вам сказать, что огромное большинство итальянских крестьян либо вовсе лишено земли, либо их жалкие наделы не превышают одного гектара. А между тем какой-нибудь граф или князь владеет десятками тысяч гектаров, которые вовсе не обрабатываются или используются для охоты.

По предложению коммунистов и социалистов в итальянской конституции было записано, что четыре миллиона гектаров такой земли должно быть роздано крестьянам. Но итальянское правительство — христианско-демократическое правительство де Гаспери — и не подумало «обидеть» своих друзей — богатых помещиков — и отнять у них явные излишки земли. Тогда крестьяне стали сами захватывать пустующие земли.

И, несмотря на вмешательство полиции, несмотря на то, что только в одной из подобных демонстраций было убито и ранено более двух тысяч крестьян, это движение продолжает расти.

Всё больше становится в Италии людей, борющихся за своё счастье, всё чаще появляются на стенах домов знаки, так поразившие воображение Франческо,— серп и молот — эмблема труда.

В своей повести Д. Родари упоминает о районах, где живут «красные», то есть где население сочувствует коммунистам.

Два с половиной миллиона коммунистов и комсомольцев, а также восемьсот тысяч их союзников — социалистов — представляют большую силу в Италии. Только во время последних выборов в Тоскане и Эмилии коммунисты получили более шестидесяти процентов голосов.

Вот как будто и всё, что я хотел сказать вам, дорогие советские ребята, в дополнение к повести Д. Родари. Мне хочется только добавить ещё одну деталь... Быть может, читая о том, что маленькие нищие собирают по нескольку сот лир, вы подумаете, что это крупная сумма... А знаете вы, что можно купить в Италии на сто лир? Четыре номера газеты или же пять коробок спичек... А чтобы кое-как прожить, совсем небольшой семье нужно ежемесячно не менее пятидесяти — шестидесяти тысяч лир. Подумайте сами, за какую ничтожную сумму были обречены на страдания герои повести...

Сейчас они пройдут перед вами — калека Доменико, находчивая Анна, Франческо, о мужестве которого с такой гордостью говорит Джанни Родари...

Посочувствуйте этим ребятам и полюбите их!

Джованни Джерманетто

Маленькие бродяги

Джанни Родари

Перевод с итальянского
Г. Малахова и Ю. Новиковой.

Рисунки А. Кокорина.

СЕРОЕ ОДЕЯЛО

Двое ребят, Франческо и Доменико, жили с матерью в бедной деревушке, затерявшейся среди гор Кассино. Франческо было десять лет, а Доменико шесть.

Их отец пять лет назад ушёл воевать и, хотя война уже кончилась, ещё не вернулся домой.

Бенедетта, их мать, зарабатывала две — три лиры в день, помогая каменщикам. А Франческо и Доменико занимались тем, что ходили в лес за хворостом и собирали на продажу металлический лом: старые патронные гильзы, осколки снарядов... Война побывала и здесь, в этом горном краю.

Как-то в лесу в куче сухих листьев Доменико нашёл неразорвавшуюся мину, похожую на коробку. Доменико попытался отвинтить крышку, но тут мина неожиданно взорвалась.

Доменико вышел из больницы с рукавом, засунутым в карман. Деревенские ребятишки стали называть его «одноруким», «одноручкой».

Эти прозвища выводили Доменико из себя, он швырял своей левой рукой в ребят камнями. Франческо вставал на защиту брата, ввязываясь в драку с подростками, которые были куда сильней и старше его самого. Из таких схваток он обычно выходил весь в синяках и кровоподтёках. Но явно превосходящая сила «противника» не пугала Франческо.

Наконец вернулся с войны их отец Джованни. Он приехал на телеге тряпичника, в ногах у него стоял чемодан. В нём лежали грязное бельё, кулёк с яблоками и серое солдатское одеяло всё в дырах. Оно было очень похоже на то одеяло, которое лежало у них дома на тюфяке. Только домашнее было немного побольше.

* * *

— Вот моя доля,— говорил не раз Джованни.— Вот всё, что я навоевал. Я прошёл две войны и с каждой привёз по одеялу. Правда, на этот раз я вернулся не только с одеялом, но ещё и с кашлем.

Зимы были холодные, и отец кашлял всё время. За два года мать родила ещё двух мальчиков: сначала Пеппе, потом Ринуччиа.

Отец всё ещё никак не мог найти работы, а крохотного клочка земли не хватало, чтобы прокормиться. Семья перебивалась кое-как. Отец ходил за хворо-

Наконец вернулся с войны их отец Джованни.

стом вместе с Франческо и Доменико. Иногда в лесу его душил кашель, и он в изнеможении опускался на пень. Доменико молча прижимался к отцу; чёрные волосы его падали на глаза. Франческо, не знавший, что ему делать, крутил ремни вещевого мешка, который подарил ему отец.

Доменико был очень привязан к отцу. Казалось, он надеялся, что отец поможет ему вернуть руку... Кто знает?

Отец часто говорил:

— На свете есть доктора, которым заменить руку — сущий пустяк. Эти доктора делают руки так ловко,— ну, прямо не отличишь от настоящей... Привяжут тебе такую руку, и ты будешь орудовать ею, как своей: сможешь есть, одеваться, работать... Вот будут у нас деньги, я возьму тебя в город и куплю там хорошую руку. Увидишь, ты будешь играть на гитаре не хуже Микеле-тряпичника. Мы вместе пойдём к доктору: тебе он приладит руку, а меня вылечит от кашля. Доктора — учёные люди... Только вот нужны деньги... Правда? Собака, и та не вильнёт хвостом бесплатно!..

Тем временем отцу становилось всё хуже. Скоро он уже больше не выходил из дому, а всё лежал на соломенном тюфяке под двумя своими солдатскими одеялами, привезёнными с двух войн. Но и два одеяла не могли согреть больного.

Бенедетта чиркала спичками, которые давал ей сосед, и разводила огонь в очаге. Ринуччиа и Пеппе взбирались на два стула — единственное достояние семьи, старшие рассаживались, как могли: кто на кирпичах очага, кто прямо на полу. Маленькое пламя, мерцая, скрадывало убогость комнаты. Но отцу всё равно не удавалось согреться.

— Какой чудесный огонь! — говорил он.— Посмотрите на одеяло: оно теперь красноватое, не правда ли?.. Если бы я был богатым, знаете, что бы я делал? Я соткал бы большое-пребольшое одеяло и покрыл бы им всех, кому холодно.

— Какое большое? — спрашивал Доменико.— Во всю долину?

— Больше,— отвечал отец.— Больше, чем Рим. Больше, чем вся Земля...

— А какого оно будет цвета? — задавал вопрос Франческо.

— Серое. Я бы сделал его вот таким же серым. И протянул бы его от колокольни над крышами всех домов, чтобы никому на земле не было холодно.

— Оно промокнет во время дождя,— озабоченно заметил Доменико.

Пытаясь улыбнуться, отец убеждал:

— Нет, вода не просочится!

Ему становилось всё хуже. Чтобы купить отцу лекарство, Бенедетта стирала бельё в богатых домах. Но лекарство так и осталось лежать на камине, возле коробки с солью: отец не успел принять его.

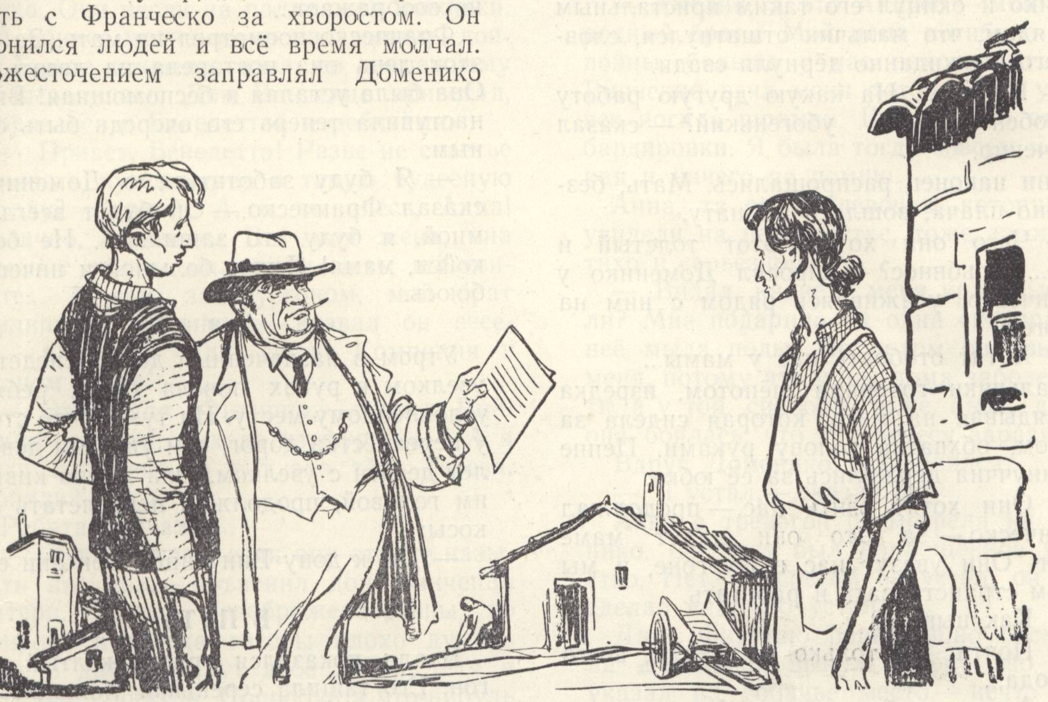
Спокойный, с восковым лицом лежал он под своими серыми одеялами. Казалось, что он просто заснул, но на самом деле он умер.

ЧЕЛОВЕК С ЛИСТКОМ

Когда отец умер, Доменико перестал ходить с Франческо за хворостом. Он сторонился людей и всё время молчал. С ожесточением заправлял Доменико

Толстый человек показывал Бенедетте какой-то листок бумаги. Та слушала его, сложив руки на фартуке. Франческо стоял в комнате, испуганный и бледный.

— Вы бедны, Бенедетта, — говорил полный мужчина,— у вас четверо ребят. Как вам прокормить их?.. Вот я и хочу вам помочь... Ведь мы же христиане. Верно?..

Доменико увидел на пороге двух незнакомцев. Они о чём-то толковали с Бенедеттой.

пустой конец рукава в карман пиджака, не обращая больше внимания на насмешки деревенских ребятишек.

«Кто сделает мне теперь новую руку? думал он.— Зачем отец умер?..»

С отчаянием взглянув на серое одеяло, он убегал из дому и одиноко бродил по лесу.

Однажды, вернувшись домой, Доменико увидел на пороге двух незнакомцев. Они о чём-то толковали с Бенедеттой. Один из них был невысок и толст, на животе у него висела серебряная цепь — от одного кармана до другого. Второй был молодой парень, высокий, сухопарый, с белыми волосами и красными кроличьими глазами.

«Альбинос[1] с красными глазами»,— подумал Доменико.

[1] Альбинос — человек или животное, у которого вследствие отсутствия пигментов волосы и кожа обесцвечиваются и становятся белыми.

А потом мы с вашим мужем были вот как...— он скрестил указательные пальцы правой и левой рук, показывая, какими он и Джованни были друзьями.— Мы вместе воевали,— продолжал он,— не в этой войне,— в другой, в Албании... Когда я узнал о вашем несчастье, я даже хотел приехать на похороны. Верно, Пио?

Альбинос кивнул головой, неприятно усмехаясь.

— Да только, знаете, какие теперь дела? Всё время крутишься, как волчок: то одно, то другое... Жизнь — тяжёлая штука. Верно, Бенедетта? Вот я и подумал: «Почему бы тебе, Винченцо, не помочь по старой дружбе семье Джованни? Почему не пристроить на работу детей своего старого друга? Ведь всегда можно подобрать какую-нибудь работёнку, подходящую для ребят...» Остальное вы уже знаете... А вот разрешение местных властей на работу... Читайте!

— Я не умею читать,— дрожащим голосом прошептала Бенедетта.

— Ну, это не беда,— засмеялся Винченцо,— на то есть адвокат, он умеет читать. В общем подумайте. А если решитесь, ждём вас послезавтра на перекрёстке дорог...

Только теперь Винченцо заметил Доменико и окинул его таким пристальным взглядом, что мальчик отшатнулся, словно его неожиданно дёрнули сзади.

— Ну вот... На какую другую работу способен такой убогенький? — сказал Винченцо.

Они наконец распрощались. Мать, беззвучно плача, вошла в комнату.

— Чего они хотят, этот толстый и этот... альбинос? — спросил Доменико у Франческо, усаживаясь рядом с ним на пороге.

— Хотят отобрать нас у мамы...

Мальчики говорили шёпотом, изредка поглядывая на мать, которая сидела за столом, обхватив голову руками. Пеппе и Ринуччиа держались за её юбку.

— Они хотят взять нас,— продолжал Франческо,— за это они дадут маме денег. Они увезут нас в фургоне, и мы будем странствовать и работать.

— Как цыгане?

— Почти. Но только не всегда, всего полгода...

— А что мы будем делать?

— Будем продавать «билетики счастья» и просить милостыню. А хозяин за это будет каждый месяц посылать маме десять тысяч лир для Пеппе и Ринуччиа.

— Я не поеду с ними,— сердито сказал Доменико.

— Мама ещё не сказала, что мы поедем.

— Я не поеду! Я убегу из дому!

Бенедетте нелегко было принять решение. У неё сердце разрывалось на части при мысли о разлуке с сыновьями. И всё же ей пришлось уступить незнакомцу. Не могла же мать допустить, чтобы четверо её сыновей умерли с голоду! Ведь даже работая до полусмерти, она так мало получала! Часто работы не было совсем...

В тот же вечер, когда дети уснули, прижавшись друг к другу, как птенчики в гнезде, Бенедетта разбудила Франческо.

— Сынок, мне надо поговорить с тобой.

— Я всё знаю, мама. За меня не беспокойся, я поеду...

— Приходится отдать вас хозяину... Но будет ли он добрым с вами?..— В глазах матери блестели слёзы.

— Не плачь, мама, ты не виновата... Но вот Доменико, он такой маленький...

— Дон Винченцо хочет взять его потому, что у него нет руки и люди будут жалеть его... Что мне делать, Франческо? Скажи. Моя бедная голова совсем ничего не соображает...

Франческо посмотрел на мать. За один этот день она постарела на десять лет. Она была усталая и беспомощная! Видно, наступила теперь его очередь быть сильным.

— Я буду заботиться о Доменико,— сказал Франческо.— Он будет всегда со мной, я буду его защищать. Не беспокойся, мама! Я уже большой и ничего не боюсь.

* * *

Утром в назначенный день Бенедетта с узелком в руках повела своих ребят к условленному месту. На тумбе, что стояла у перекрёстка дорог, они увидели девочку лет десяти с узелком. Она хмуро кивнула им головой, продолжая переплетать свои косы:

— Вы к дону Винченцо? Вон они едут!

В ПУТЬ

Вдали показался грязно-жёлтый фургон. Его тащила серенькая лошадка. Рядом с лошадкой бежал чёрный курчавый пудель.

Лошадью управлял уже знакомый мальчикам парень с белыми волосами, которого Доменико прозвал Альбиносом. В фургоне восседал дон Винченцо, а рядом с ним толстая женщина. Казалось, она спала.

— Это донна Тереза, его жена,— сказала девочка, кладя узелок на землю и опять принимаясь за свои косы.

— Чья ты? Тебя никто не провожал? — спросила у неё Бенедетта.

— Я жила с дядей. Он только сегодня получил работу... А у него пять ребят и больная жена. Вот он и продал меня дону Винченцо.

— Почему ты говоришь «продал»? — укоризненно сказала Бенедетта, почувствовав, как Доменико вздрогнул от этого слова.

Франческо с восхищением смотрел на девочку. Какая она серьёзная, спокойная! И она одна, совсем одна пришла к дону Винченцо!

Когда фургон приблизился, Франческо увидел, что следом за ним идёт ещё человек, ростом пониже дона Винченцо и не такой толстый. Он был одет в военную тужурку, слишком широкую для него и делавшую его немного похожим на покойного отца. Рядом с человеком в тужурке семенили двое малышей: мальчик и девочка. Они несли на палке свои пожитки.

Альбинос молча остановил лошадь, донна Тереза открыла глаза, но попрежнему не шевелилась. Дон Винченцо привстал, здороваясь с Бенедеттой и ребятами:

— Привет, Бенедетта! Разве не счастье начинать путешествие в такую чудесную погоду? Верно?.. А, и ты здесь, Анна! Отлично, отлично... Вот моя жена, она заменит вашим малюткам мать, вы увидите... А там, за фургоном, мой брат Филиппо... Филиппо! — позвал он весело.— Филиппо, иди сюда! Компания в полном сборе!

— Это дядя Филиппо,— сказал Винченцо ребятам, выходя из фургона.— А я дядя Винченцо, а вот это тётя Тереза. Поняли?

Ребята молчали.

— Лучше будет, если они станут называть нас так,— объяснил дон Винченцо матери.— Люди недоброжелательны по природе и всегда готовы плохо думать друг о друге. А тут двое дядей, тётя и пять племянников. Попробуйте что-нибудь сказать... Верно?

Он хитро сощурил глаза.

По всему было видно, что он торопится в путь.

Франческо обнял мать. Доменико позволил себя обнять, не вымолвив ни слова.

— Сынок мой милый! Не сердись на маму! — прошептала Бенедетта.

Но Доменико упрямо вырвался у неё из рук и встал рядом с другими ребятами. Винченцо взобрался на козлы, Альбинос стегнул лошадь, и та часто застучала копытами.

Бенедетта смотрела вслед до тех пор, пока маленькая процессия не скрылась за поворотом. Ей казалось, что сердце вот-вот вырвется у неё из груди. Она вся дрожала. Франческо несколько раз оборачивался и махал ей рукой, а Доменико так ни разу и не обернулся. С низко опущенной головой он шёл, не глядя ни на кого; рукав его был заправлен в карман пиджака.

Ребята побросали узелки в фургон, чтобы легче было идти. И Франческо тоже бросил туда свои пожитки... Слёзы бежали у него по щекам и попадали в рот — солёные, горькие слёзы.

Сквозь слёзы Франческо увидел, что чья-то рука протягивает ему маленькое морщинистое яблоко.

Он взял его и, не надкусив, спросил:

— Кто это? Ты? Как тебя зовут?

— Амелия, а это Андрео — мой двоюродный брат... Мой папа погиб во время войны, больше у нас никого нет... Дон Винченцо взял меня потому, что у меня все ноги в шрамах. Видел? Это от бомбардировки. Я была тогда совсем маленькая и ничего не помню.

Анна, та самая девочка, которую они увидели на перекрёстке, тоже заговорила тихо и серьёзно:

— Видал, какие у меня красивые туфли? Мне подарила их одна синьора. Я у неё мыла полы. Но потом она выгнала меня, потому что у нас дома заболели дети, а у той синьоры тоже были дети, и она боялась, что я перенесу заразу.

Вдруг Доменико остановился.

— Я устал,— сказал он.

Анна с тревогой посмотрела на Доменико. Он весь был воплощённое упрямство. Нет, он совсем не устал, он назло сделал вид, что устал!

Дядя Филиппо равнодушно посмотрел на Доменико, вынул трубку изо рта и указал на собачье место — нечто вроде люльки, качавшейся под фургоном на цепях.

— Залезай туда. Там тебе будет удобней!

Ребята рассмеялись, не удержался от улыбки и Доменико.

Не заставляя просить себя дважды, он залез в люльку, лёг на живот и, подперев щёку рукой, весело улыбнулся.

Все снова рассмеялись, а Амелия в шутку залаяла.

Пудель, увидев, что кто-то занял его место, с лаем прыгнул в люльку. Тут он, видно, понял, что для тревог оснований нет, и растянулся рядом с мальчиком.

Люлька приятно покачивалась в такт мерному ходу фургона, и у Доменико впервые за всё это время стало спокойно на душе. Он состроил Франческо гримасу и залаял:

— Гав! Гав!

— Отлично,— заметил дядя Филиппо.— Теперь можно спать спокойно. У нас теперь как-никак две собаки!

Так начались их скитания.

КЛЕТКА С ПОПУГАЕМ

К вечеру фургон остановился на поляне, густо заросшей травой, невдалеке от большого селения. Тётя Тереза, толстая и, как всегда, заспанная, слезла с ящика и принялась готовить ужин. Дядя Филиппо вытащил из фургона треножник и кастрюлю.

— Ребята! Поищите-ка дров! — приказал дон Винченцо.

— Вы не уходите, — сказал Альбинос Франческо и Доменико.

Альбинос вынул инструмент из футляра. Он взял звучный аккорд, и за ним потоком хлынули чудесные звуки.

Он скрылся в фургоне и вышел оттуда с аккордеоном и клеткой в руках.

В клетке сидел старый, облезлый попугай. Увидев людей, он сунул клюв в ящичек и вытащил зелёный билетик.

— Что это он делает? — спросил Франческо.

Альбинос рассмеялся:

— Предсказывает тебе счастье... Умеешь читать?

— Нет.

— Тем лучше... Но всё-таки выучись различать билеты: зелёные — это для женщин, жёлтые — для мужчин. Смотри, следи внимательно, чтобы попугай не путал... Женщины обижаются, когда им дают мужской билет.

Он повесил клетку с попугаем на шею Франческо:

— Ты должен говорить, что с тобой произошёл несчастный случай в Кассино. Понял? Если ничего не дадут, поплачь... Ясно тебе?

Франческо кивнул головой. Доменико испуганно наблюдал за этой сценой. Альбинос сунул ему в руку тарелку:

— Пока я играю на аккордеоне, будешь обходить публику с этой тарелкой. Это очень просто, ты увидишь... И хорошенько выставляй обрубок руки. Пусть все видят, что ты калека. Говори, что тебе оторвали руку во время бомбардировки. Понял?

— Я не пойду с вами, — тихо, но упрямо сказал Доменико.

Альбинос дал ему подзатыльник. Франческо, не колеблясь, бросился на Альбиноса, но тут же свалился на землю от сильного удара.

— Следи за клеткой, обезьяна! — крикнул Альбинос.

— Тише, ребята, тише! — примирительно проговорил дядя Филиппо, не вынимая трубки изо рта.

— Изволите выражать недовольство? — процедил сквозь зубы Альбинос. — А ну, вперёд!

Село было недалеко. Едва ребята поровнялись с первыми домами, Альбинос вынул инструмент из футляра. Он взял звучный аккорд, и за ним потоком хлынули чудесные звуки. Поражённые, смотрели на него ребята. По лицу Альбиноса, как всегда, бродила неприятная улыбка, красные кроличьи глаза беспокойно бегали... Но как он хорошо играл! Франческо и Доменико никогда не слышали такой игры. Он играл бодрую, весёлую песню, от которой ноги сами шли в пляс.

— Нравится?.. — спросил Альбинос.

Ребята не ответили.

— А теперь, Доменико, приготовь свою тарелку! — сказал Альбинос.

Из окна выглянула женщина и бросила на мостовую монету.

— Подбирай быстрей! Чего стоишь, как

истукан? — уже со злостью крикнул Альбинос.

Доменико нагнулся, подобрал монету и кинул её в тарелку. Люди выглядывали из окон и дверей, шарили в карманах в поисках мелочи.

На мостовой показались три девочки. Они шли под ручку прямо к Франческо.

— Что дашь нам на счастье? — спросила одна из них.

Франческо, краснея, протянул клетку. Попугай вытащил клювом билетик, и девочка тут же прочитала его.

— Но ведь это же для мальчика! — смеясь, сказала она.— Твой попугай не отличает девочек от мальчиков.

Пришлось заменить билет... Другие девочки тоже захотели узнать свою судьбу; каждая из них положила в коробку бумажку в пять лир.

Между тем Доменико и Альбинос ушли вперёд. Франческо пошёл за ними на некотором расстоянии, стараясь не терять их из виду. Ему очень хотелось плакать, он еле сдерживался.

* * *

В этот вечер только дядя Винченцо и тётя Тереза спали в фургоне. Остальные улеглись прямо на земле, подстелив потрёпанное, грязное одеяло. Доменико забрался к пуделю, которого, как он узнал, звали Неро, и сразу заснул.

Франческо натянул на лицо старый отцовский вещевой мешок. Так он не видел ни звёзд, ни облаков, бежавших по небу. В темноте казалось спокойнее и можно было поплакать.

Он слышал, как шепчутся Анна и Амелия, но ему не хотелось оборачиваться. Дядя Филиппо громко храпел, и это напоминало об отце.

И вдруг до Франческо донеслись громкие голоса и топот множества ног. Он открыл глаза; день был в полном разгаре. «Как я долго спал!» — мелькнуло у него в голове.

Шум всё нарастал. Со стороны села по дороге двигалась длинная колонна, люди несли плакаты и флаги... Впереди на маленьком ослике ехал мальчик; в руке у него была жердь с белым полотнищем.

— Кто это? — спросил Франческо дядю Филиппо, раскуривавшего свою трубку.

— Батраки... Они идут обрабатывать пустующие земли,— ответил дядя Филиппо.— Это я уже видел не раз. Люди хотят жить и работать, а вокруг столько земель, на которых никто ничего не сеет!

— Об этом написано на их плакатах,— добавила Анна.— Я умею читать.

Она, как всегда, заплетала свои косы. Видно, так ей было удобнее думать и говорить.

— А что там написано? — спросил Франческо.

— «Земля»! Там написано «Земля»! Видишь?

По дороге двигалась длинная колонна.

Франческо посмотрел на один из плакатов. Действительно, на нём виднелись какие-то чёрные значки. Но для Франческо все они были совершенно одинаковы. Ведь он не умел читать.

БЕЛОЕ ЗНАМЯ

Проходя мимо фургона, батраки сердечно приветствовали странников:

— Добрый день!

— Не хотите ли присоединиться к нам?

Они были веселы и словоохотливы, будто шли на праздник. Альбинос, отвернувшись от них, с презрением сплюнул.

— Землеройки! — крикнул он.

Но батраки не расслышали его слов. Дядя Филиппо, наоборот, вынув трубку изо рта, от души отвечал на приветствия. Глядя на него, с уверенностью можно было сказать, что он охотно присоединился бы к батракам и пошёл обрабатывать пустующие земли.

— Как же они делают это? — спросил Франческо.

— Очень просто,— ответил дядя Филиппо.— Приходят на землю синьоров и начинают её копать.

— И тогда земля становится их собственной?

— Нет... тогда приходят карабинеры и начинают разгонять их. Но они говорят им: «Хорошо, мы разойдёмся! Но дайте нам земли! Мы крестьяне, а земли у нас нет... Что за крестьянин без земли?..»

Дядя Филиппо говорил о захвате земель, точно рассказывал сказку. Но нет, это была не сказка. Вот колонна свернула на тропинку, в поле. Там, вдали, начинаются пустующие земли, владельцы которых и не думают их обрабатывать...

Мальчик с белым полотнищем не поехал дальше. Он остановился у края дороги и провожал своих товарищей, размахивая шестом.

Франческо, Доменико и Анна направились к нему сначала робко, а затем более уверенно, потому что мальчуган улыбнулся им.

— Привет! — сказал он, когда ребята подошли.

— Что ты делаешь? — спросила его Анна.— Почему не идёшь захватывать землю?

— Туда пошли отец и братья. А меня оставили здесь. В случае чего надо дать сигнал...

— Какой сигнал? — спросил Франческо.

— Что карабинеры приближаются...

— И тогда батраки убегут?

— Нет! Тогда они сойдут с земли и станут на тропинке. А тропинка ничья, никто не имеет права согнать с неё...

Трое маленьких бродяг с восхищением слушали его рассказ. Вдруг Доменико сказал:

— Если бы отец был жив, он тоже пошёл бы захватывать землю.

Франческо удивлённо посмотрел на него. Доменико был очень взволнован, лицо его горело... Анна с улыбкой обняла мальчика.

— Пошёл бы! Говорю вам, что пошёл бы! — с жаром твердил Доменико.— Он обработал бы землю и купил мне новую руку!

И Франческо тоже подумал про себя: «Как плохо, что у нас крестьяне не захватывают землю!.. Тогда бы мы не были такими бедными и маме не пришлось бы продавать нас дону Винченцо».

Он снова посмотрел на мальчика с белым полотнищем. Оно было порванное и грязное, такое же, как и рубаха мальчика. Мальчик был бос, а рубаха надета прямо на голое тело; загорелое и мускулистое, оно просвечивало в нескольких местах... И всё же лицо у этого паренька отважное, глаза ярко блестят. Беседуя с ребятами, он всё время поглядывал на дорогу.

Доменико решил помочь ему.

— Я предупрежу тебя, как только увижу карабинеров! — сказал он.

Тут они услышали голос дяди Филиппо:

— Мы уезжаем, ребята!

— Эй, бездельники! — кричал Альбинос.— Ждёте, чтоб я подстегнул вас кнутом?

— Будь у меня кнут,— процедил сквозь зубы Доменико,— я бы хлестнул им по твоему лицу, Альбинос.

Но ничего не поделаешь. Трое маленьких бродяг медленно зашагали к фургону, оглядываясь на мальчугана с полотнищем. Но тот, казалось, уже забыл про них. Точно заправский часовой, он внимательно и настороженно смотрел на дорогу.

И тут Франческо почувствовал зависть. Как хотелось бы ему очутиться на месте этого мальчугана, стоять с полотнищем в руках и подавать сигналы!..

Он взял Доменико за локоть.

— Когда мы вернёмся домой,— сказал он,— мы тоже пойдём захватывать пустующие земли.

Через два дня они остановились возле развалин, которые Франческо принял за мост. Но на самом деле это были остатки водопровода, построенного древними римлянами. Когда спустилась ночь, все увидели, что северная часть горизонта как-то странно светится.

— Там, должно быть, пожар,— сказал Франческо.

Дядя Филиппо усмехнулся, попыхивая своей трубкой.

— Это не пожар,— сказал он.— Это Рим. Это огни Рима.

В тот вечер ребята долго не могли заснуть. Они тихо лежали, не сводя глаз с этой далёкой сияющей полосы.

ФОНТАН СОКРОВИЩ

В предместье Рима они снова остановились. Альбинос, взяв аккордеон, собрал ребят.

— С сегодняшнего дня,— сказал он,— начнётся ваша настоящая работа. Каждый вечер вы должны приносить дяде Винченцо не меньше тысячи лир. Кто принесёт больше, тому билет в кино, принесёте меньше — получите только половину ужина. Вы должны сами зарабатывать себе на хлеб.

Франческо с тревогой взглянул на дядю Филиппо, ища у него поддержки. Но Филиппо укреплял у себя на спине ивовые корзины и даже не обернулся. Должно быть, это была его работа — продавать корзины. И, может быть, его брат Винченцо тоже не даёт ему ужина, когда он приносит домой мало денег.

Альбинос посмотрел своими кроличьими глазами на ребят.

— Всё понятно? Пошли!..

Ребята двинулись. Дядя Филиппо пожелал им удачи. В течение всего пути он был очень добр с ребятами. Он часто болтал с ними, рассказывал о жизни крестьян, учил плести корзины. Доменико успел уже привязаться к нему. Однажды он даже спросил его:

— А бывают такие врачи, которые делают новые руки?

И дядя Филиппо, совсем как отец, ответил:

— Бывают. Конечно, бывают...

Они вошли в город. Долгое время шли молча: грохот трамваев, шум автомобилей и троллейбусов, суета снующих людей ошеломили их. Альбинос шёл впереди с аккордеоном на перевязи. Амелия и маленький Андрео семенили за ним, схватившись за руки и глядя вокруг широко раскрытыми, удивлёнными глазами. Доменико, как всегда, шагал один, заправив рукав в карман пиджака. Последними шли Франческо и Анна.

Анна останавливалась на каждом шагу. Ей очень хотелось рассмотреть каждую витрину, и в то же время она боялась потерять из виду Альбиноса. Свернув с большой улицы и пройдя несколько узких и грязных переулков, они вышли наконец к большому фонтану, занимавшему почти всю площадь перед дворцом.

— Это фонтан Треви,— объяснил Альбинос.— Запомните его. Здесь мы встретимся вечером. А теперь давайте разойдёмся. Амелия и Андрео пойдут со мной, а остальные пойдут в центр города. Да не держитесь всё время вместе! Будьте осторожны с полицейскими. Они вам ничего не сделают, но всё же осторожность не мешает. Итак, на закате ждите меня здесь...

Был хороший, ясный день. Анна, Франческо и Доменико бродили по улицам все вместе, совершенно забыв, что надо просить милостыню. Зрелище большого города потрясло их. Дойдя до набережной Тибра, катившего свои мутные жёлтые воды, они остановились и, как зачарованные, простояли более часа на мосту, по которому тоже, как река, катился нескончаемый поток машин и трамваев. Франческо совершенно не вспоминал о клетке, болтавшейся у него на шее, и был очень удивлён, когда к нему приблизилась группа людей, говорящих на каком-то непонятном языке. Женщина в тёмных очках, одетая, как мужчина, в белые брюки, показала пальцем на попугая. Опомнившись, Франческо рванулся вперёд и протянул клетку с билетиками. Иностранцы почему-то рассмеялись и бросили несколько монет. Женщина в очках попыталась даже потрепать Доменико по голове, но тот попятился, что-то бормоча. Наконец иностранцы ушли.

— Сколько у нас денег? — спросила Анна.

Подсчитали: оказалось, ещё совсем немного. Последовать совету Альбиноса и разойтись в разные стороны они не решились. Им страшно было ходить в одиночку по этому огромному незнакомому городу.

Когда солнце начало садиться, они повернули обратно к фонтану. Анна, самая

Франческо ринулся вперёд и протянул клетку с билетиками.

смелая из всех, спросила дорогу у постового полицейского. Он окинул их подозрительным взглядом.

— А что если бы он нас арестовал? — испуганно спросил Франческо.

Анна рассмеялась.

Доменико проголодался. На одну из монет ребята купили пирожное, и все попробовали по кусочку. Пирожное было сладкое и очень вкусное. Такого ещё никто никогда не ел.

— Я хочу навсегда остаться здесь, в Риме,— сказала Анна.

Наконец они разыскали фонтан, но Альбиноса там ещё не было. Сев на край бассейна, они любовались бегущей водой. Время от времени около фонтана останавливались иностранцы и кидали в бассейн монеты.

— Что это они делают? — спросил Франческо.

Мальчишка, всё время бегавший за ними и дразнивший попугая, объяснил, что иностранцы, приезжающие в Рим, всегда кидают деньги в этот бассейн. Говорят, это приносит счастье туристам.

Тут Анну осенила мысль.

— Слушай,—сказала она Франческо,— почему бы нам не достать эти деньги? Тогда Альбинос не будет нас ругать.

Они стали дожидаться темноты. Вокруг всё время ходили люди, но Франческо наконец собрался с духом, сбросил ботинки, закатал штаны и, дрожа от холода, влез в воду.

— Это фонтан сокровищ,— сказала ему Анна.— Счастливо! Хорошего улова!

ВОР

Вода в бассейне была ледяная. Она мучительно сводила ноги, но Франческо не обращал на это внимания. Согнувшись, он медленно двинулся вдоль цементного барьера, постепенно обследуя дно. Оно всё было усеяно монетками, искрившимися, точно серебряные.

Франческо окунул руку в воду, рубашка сразу же намокла.

— Смотрите! — воскликнул он, вынимая из воды полную горсть монет.— Кладите их в мешок!

Он снял с себя вещевой мешок и бросил ребятам. Анна начала ссыпать туда монеты.

— Но что это за деньги? Я таких никогда ещё не видела,— промолвила Анна, разглядывая иностранные монетки.

— Ничего! Там разберёмся,— успокоил её Франческо.

Он всё продолжал собирать со дна деньги. Анна и Доменико кричали ему:

— Сюда! Вот ещё здесь! Немного вперёд! Нет, правее!

Они уже перестали бояться прохожих. Некоторые из них останавливались у фон-

тана и, глядя на странных рыболовов, лишь молча улыбались. Прошёл мимо и блюститель порядка — полицейский, но ничего не заметил или, может быть, сделал вид, что не замечает.

Но вдруг Франческо услышал грубый голос:

— Эй, что ты там делаешь?

Это был тот самый мальчишка, который приставал к ним, дразня попугая.

— Разве не видишь? Он ловит рыбу,— ответила за Франческо Анна.

Доменико прижал к груди мешок с деньгами. Франческо даже не обернулся.

— Я вам покажу, как рыбу ловить! Кто вам позволил лезть сюда?

— А тебе какое дело? Ты что, полицейский? Пойди надень тогда форму! — возмутилась Анна.

— Как какое дело?! Эти деньги всегда брал я! — закричал мальчишка.— И нечего вам их трогать!

— А ты не волнуйся, деньги не твои.— Франческо угрожающе поднял кулак.— Попробуй только войти в бассейн, я тебя так в нём искупаю!..

— Вот я сейчас позову друзей, и мы посмотрим, кто кого искупает! — сказал мальчишка.— Убирайтесь-ка лучше к себе в деревню, голодранцы!

Но подойти к Франческо он всё же не решался и, постояв минуту, пошёл от фонтана, продолжая бормотать угрозы.

— Давайте уйдём отсюда подобру-поздорову,— предложил Доменико,— пока нас вправду не побили.

— Не бойся,— подбодрил его Франческо.— Пусть только попробуют! Мы им покажем!

— А может быть, и верно, лучше уйдём...— заметила Анна.

— Но ведь нам надо дождаться Альбиноса. И потом здесь ещё так много монет!

— У нас уже и так полон мешок. Хватит...

— А дорога?.. Мы же не знаем дороги.

За спором ребята не заметили, как подошёл Альбинос и стоял, глядя на них с ехидной улыбкой. Он был один. Малышей он отвёл обратно ещё засветло, так как ему уже больше не хотелось играть на аккордеоне. Сюда он пришёл с намерением показать ребятам обратную дорогу, чтобы они возвращались одни. Но вид мешка с деньгами изменил ход его мыслей. Он знал про обычай туристов бросать серебряные монеты в бассейн фонтана Треви.

«В этом мешке,— подумал он,— должно быть не меньше четырёх—пяти тысяч лир».

Альбинос выплюнул изо рта окурок и вплотную придвинулся к бассейну.

— Э, да вы, я смотрю, развлекаетесь? Что же это вы так долго кружили по городу?

— Мы ждали, пока ты придёшь за нами,— ядовито заметила Анна.

Франческо тем временем вылез из бассейна и, не вытирая ног, натягивал штаны и ботинки. Доменико попытался спрятать сумку с деньгами.

— Полегче! — зло процедил Альбинос.— Ты что-то в последнее время стала много о себе воображать. Кому ты указываешь? Куда я хожу, это никого не касается!

— Но ты сказал, чтобы мы дожидались тебя здесь.

— Я лучше знаю, что мне делать! — сказал Альбинос и повернулся к Доменико: — А ты, ну-ка, давай мешок!

Вместо ответа Доменико быстро передал мешок Франческо, а тот спрятал его за спиной.

— Мы сами отдадим его дяде Винченцо! Не беспокойся!

— Нет, лучше я вам облегчу работу: дай деньги мне!

Франческо понял, что Альбинос хочет их обворовать.

— Ты отдашь их дяде Винченцо?

— Я не дурак. Дяде Винченцо вы дадите то, что заработали на попугае. А эти деньги пригодятся мне. Давай их сюда, пока я второй раз не искупал тебя в бассейне.

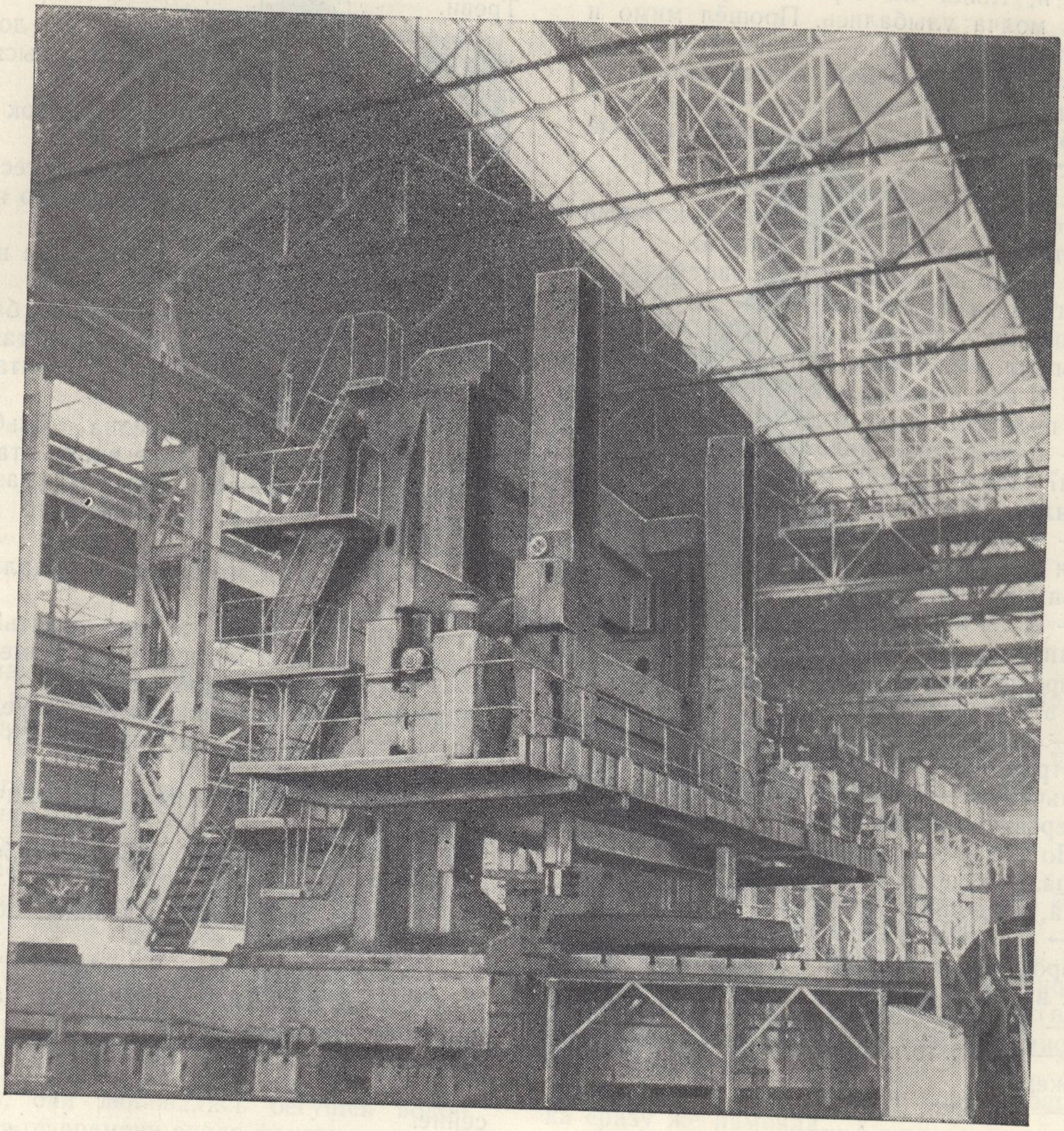
С этими словами он бросился на Франческо и силой вырвал у него мешок. Франческо сгоряча вцепился ему в руку. Доменико схватил Альбиноса за ногу и, нагнувшись, вцепился в неё зубами.

Альбинос вскрикнул от боли и, яростно защищаясь, кое-как освободился от Доменико. Сильным толчком он отбросил ребят на землю, быстро собрал рассыпавшиеся из мешка деньги и скрылся.

Анна хотела было бежать за ним, но одумалась и поспешила к Доменико, у которого из головы сочилась кровь.

— Вор! — сквозь слёзы твердил Франческо.— Вор! Вор!

(Продолжение следует)

СТАНОК-ГИГАНТ

В прошлом году в нашем журнале были помещены фотографии строящейся гидротурбины. Кто видел их, наверное, запомнил, какая это гигантская машина. Только на одной лопасти её свободно размещаются три человека!

На этой странице фотография станка, на котором обрабатываются части для турбин-великанов. Он так велик, что рядом с ним детали самой большой турбины выглядят маленькими. Высотою он чуть меньше трёхэтажного дома.

Этот станок называется карусельным. У него, как и у настоящей карусели, есть большой вращающийся круг-планшайба. Только укрепляются на этом круге не яркие расписные лодочки да резвые коньки, а тяжёлые коричнево-серые детали, которые надо обработать.

На планшайбе легко могут разместиться несколько грузовых автомобилей. А самая большая деталь, которую можно на ней поставить, имеет такой же поперечник, как арена цирка!

Над планшайбой разместились два огромных резца. Их можно поднять выше или ниже, раздвинуть или сблизить. Планшайба вращается, и резцы, вгрызаясь в деталь, срезают с неё нужный слой металла. Стружка, которую снимают эти резцы, подстать размерам станка. За один оборот планшайбы резцы могут срезать слой толщиной в 64 миллиметра — как раз в три пальца! И точность их работы изумительна. Если надо, они снимут с детали стружку более тонкую, чем папиросная бумага!

Станок-гигант весит пятьсот тонн. Для его перевозки нужно сорок вагонов — целый состав! Ясно, что и отдельные части станка весят сотни килограммов, а то и тонны. Вручную их не передвинешь. И не только в тяжести деталей дело. Станок так огромен, что при ручном управлении на одни переходы от механизма к механизму рабочий будет терять много времени. Поэтому управление станком поручено электричеству. Кроме главного двигателя, который вращает планшайбу, на станке есть ещё сорок один двигатель. Они передвигают все части станка. Включение и выключение нужного двигателя происходит с главного пульта простым нажатием кнопок. Пульт этот находится рядом со станком. Кроме него есть ещё вспомогательные пульты, разместившиеся на самом станке. С каждого из них можно командовать станком. Благодаря этому рабочему не надо бегать от механизма к механизму. Электрические провода, протянувшиеся ко всем механизмам станка, мгновенно передают его приказания.

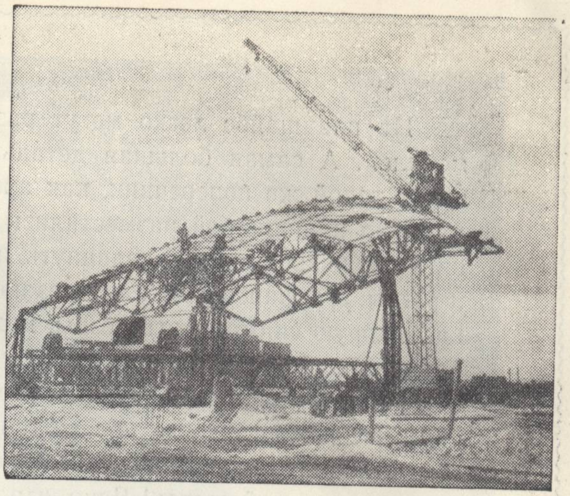
Зато работать на станке легко и удобно. Рабочий не должен ни напрягать свои мышцы, чтобы передвигать механизмы станка, ни суетливо перебегать от штурвала к штурвалу. Гигантский станок послушен в его руках, как игрушка.

У рабочего одна забота — добиться того, чтобы как можно лучше использовать силы станка-великана, чтобы обрабатывать детали быстро и хорошо. А для этого он должен очень много знать, хорошо разбираться в технологии, в механике, в электротехнике...

Ведь ему доверена сложнейшая машина. В ней одних электрических проводов, связывающих пульты управления и механизмы, более девяноста километров. Если их связать в одно кольцо, то можно им окружить всю Москву!

Новый карусельный станок построен на Коломенском заводе, вступившем в строй в послевоенные годы. Этот завод готовит к выпуску ещё более крупные станки. Нашей промышленности нужно много могучих и совершенных станков, чтобы изготовлять оборудование электростанций, шахт, заводов, чтобы строить машины, облегчающие труд советских людей.

Новый текстильный КОМБИНАТ

На окраине Минска идёт большое строительство. Возводятся корпуса комбината, который будет делать шерстяные ткани. С его станков каждый год будет сходить по девять миллионов метров бостона, шевиота и других материалов для костюмов. Больше трёх миллионов человек смогут сшить себе из них одежду!

На фотографии внизу показано, как возводится огромный главный корпус комбината. Под крышей этого здания можно будет разместить двенадцать футбольных полей.

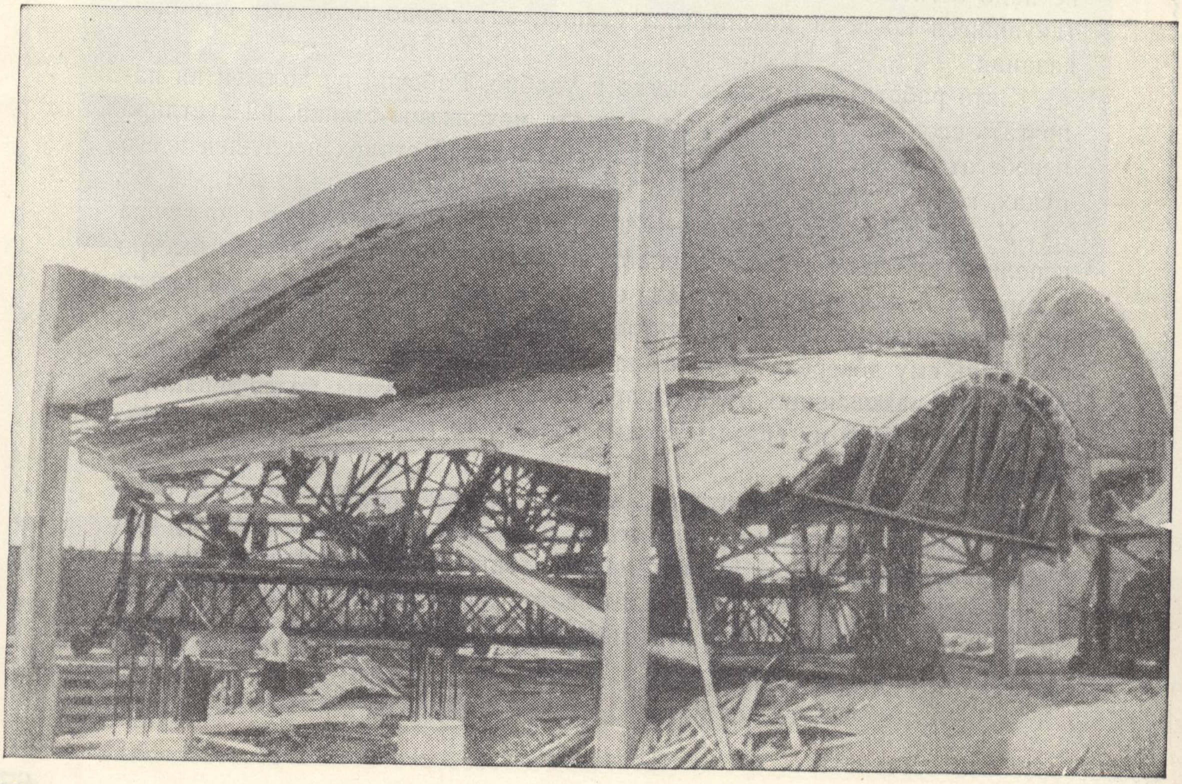
Обратите внимание на необычайную конструкцию крыши. Кажется, что она сложена из огромных железобетонных раковин, которые опираются на высокие железобетонные колонны.

Зачем же понадобилось строить крышу такой причудливой формы? Всё дело в том, что железобетонные плиты, имеющие форму раковин, прочнее плоских плит. Вспомните настоящие раковины, в которых живут различные моллюски. Створки их сделаны из хрупкого известняка, который легко раскрошить пальцами. А вот цельную раковину совсем не просто раздавить — она очень прочна.

Плиты, из которых сделана крыша главного корпуса, получились лёгкими и прочными благодаря своей форме. Если бы крышу сделали из плоских плит, пришлось бы для прочности увеличить их толщину, и тогда потребовалось бы значительно больше бетона и металла.

Такая крыша возводится очень быстро. Строителям помогает в работе специальная машина, она показана на фотографии вверху. Устройство машины несложно. Это большой щит, изогнутый по форме плиты. Он опирается на четыре металлические «ноги». Каждая «нога» на тележке, поэтому машина легко передвигается. Когда она установлена на месте, на её огромную «спину» поднимаются рабочие. Они собирают металлический каркас крыши. Потом кран подаёт наверх бетон, его укладывают по форме будущей крыши. Бетон затвердевает — и плита готова. Одновременно готовы и колонны, которые её поддерживают. После этого машина укорачивает свои металлические «ноги», словно приседает, и её перевозят из-под готовой крыши на новое место. Здесь «ноги» машины снова удлиняются, и она приступает к сооружению очередной плиты.

Если бы строительство пришлось вести по-старому, надо было бы строить из досок громоздкие леса. Новый способ сберёг 3 500 кубометров леса. Из сбережённого леса можно построить почти сто новых домов!

В мире книг

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Л. Ф. Воронкова.

Судьба Зины Стрешневой

Сейчас я работаю над повестью для школьников. Героиня этой повести — пятиклассница Зина Стрешнева. Ничего особенного в этой повести не происходит, кроме событий обычной жизни человека. Правда, у этой девочки сложилась довольно-таки трудная судьба, судьба старшей сестры в семье, оставшейся без матери, и поэтому в жизни Зины Стрешневой больше и горя и ошибок, чем у других девочек. Одной из крупных её ошибок было то, что она под влиянием бабушки пошла в церковь святить пасху.

Придумала ли я это? Нет. Ещё можно увидеть девочек и мальчиков в пионерских галстуках, идущих с белыми узелками в руках. Они идут в церковь, пробираясь переулочками, не глядя в глаза прохожим...

Каждый раз, видя такого мальчика или девочку, я думаю: «Как же так? Пионер, а идёт в церковь? Что же он, верует в бога, что ли? А тогда почему он носит красный галстук? Надо узнать».

Вот и удалось мне увидеть такую девочку, хорошую девочку, которая также шла тихонько в церковь, а на груди её был красный галстук и пионерский значок. Удалось мне проследить и трудную судьбу этой девочки и тот момент её жизни, когда под недобрым влиянием сломилась её ещё не окрепшая воля.

Конечно, не всё мрачно и трудно было у Зины Стрешневой. Были вокруг неё хорошие люди и настоящие друзья. И мне хочется в этой повести показать, как нужна человеку настоящая дружба, потому что жизнь прожить — не поле перейти и поддержка друга всегда нужна на трудных поворотах жизни.

Хочется мне показать в повести и семью, и школу, и учителей, и подруг. Хочется, чтобы эта повесть помогла моим читателям быть хорошими пионерами, научила бы их настоящей дружбе. И, конечно, очень хочется, чтобы повесть эта была интересной. Но получится ли это у меня, не знаю. Повесть будет печататься в журнале «Пионер». Прочитаете — скажете.

Л. Воронкова

«Завидная биография»

Читатели нашего журнала хорошо знают писателя Андрея Сергеевича Некрасова.

В «Пионере» печатались многие его рассказы и очерки.

Давно, наверно, лет двадцать назад, вышла в свет первая книга его расска-

зов, которая называлась «Морские сапоги», и с тех пор писатель остался верен морю.

В книге «Завидная биография», которая вышла недавно в издательстве «Молодая гвардия», тоже много рассказов о море. Самый лучший из них так и

называется: «В море». Он посвящён большому, прекрасному человеческому труду и хорошей заботе о людях.

Вот ведь как бывает: на летние каникулы отправились с отцами и старшими братьями в море, на Каспий, ребята-школьники.

«И никого это не удивило,— пишет писатель,— потому что уже не первый день по всему широкому Каспию — от Лаганской россыпи до Жилой косы, от острова Чечень до форта Шевченко — вот на таких же утлых реюшках, на пузатых колхозных баркасах, на тяжёлых лодках-подчалках и на быстроходных сейнерах носились по волнам пятнадцатилетние рулевые, механики-дизелисты, матросы-ловцы и корабельные повара, старательные, отважные и бесконечно гордые порученным им делом...»

Но кончились каникулы, наступила пора идти в школу. Вот здесь и узнали в обкоме партии о непорядке: в море застряли, не вернулись во-время пятьдесят ребят.

Рассказ написан о том, как в трудное время, когда того и гляди спадёт вода, в черни, в мелководье, где расположился рыбацкий флот, вышел за ребятами пароход «Ломоносов» и собрал ребят, одного за другим. И всё было просто, хотя и немного страшно, потому что никогда ни один пароход в такое плавание не ходил.

Все школьники должны сесть за парты первого сентября. Ребятам надо было начинать учиться во-время. И об их ребячьей судьбе забеспокоились и учителя, и партийные работники, и капитаны, и вожатые.

Хорошо бы ребята вот так же беспокоились и заботились о взрослых, о своих отцах и матерях, как взрослые советские люди заботятся о них — о ребятах!

Андрей Некрасов умеет видеть в маленьком как будто эпизоде большую и важную тему. В рассказе «Хороший вечер» он пишет тоже о простом, совсем обыкновенном случае. Советский капитан Громов должен был вернуться из плавания домой к Новому году. Но у причала Индийских доков в Лондонском порту его пароход надолго стал на швартовы.

— Угля нет, сэр,— сказал вежливо английский агент по снабжению пароходов углем.— Придётся подождать.

Так советский пароход застрял в Лондоне...

В новогодний вечер капитан Громов отправился на берег разговаривать по телефону с Ленинградом — с женой и дочкой.

Капитан, конечно, сказал своим родным, почему он задержался у чужих берегов и как ему тоскливо и скучно в эту новогоднюю ночь вдали от Родины...

А по дороге к докам, возвращаясь на пароход, капитан встретил маленькую голодную английскую девочку.

О том, что было дальше, вы узнаете, прочитав этот рассказ.

В книге А. Некрасова есть рассказы не только о море. Наши читатели и радиослушатели помнят многие из них по радиопередачам и страницам журналов. Собранные вместе в одном сборнике, они с пользой прочитаются и старыми и новыми друзьями писателя.

Сейчас, в холодные, зимние дни, пожалуй, особенное удовольствие доставит ребятам описанное в книге увлекательное пионерское путешествие на «Пруд солнца». Этот рассказ о летних походах так и кончается: идут к себе семеро участников похода, разговаривают. Они то замолкают, то оживляются вновь, но каждый раз разговор начинают одними и теми же словами: «А помнишь?..»

Писатель очень и очень прав, когда говорит: «Хорошо, когда люди могут сказать друг другу: «А помнишь?..» Это значит, что у людей есть что вспомнить.

И над этим рассказом Андрея Некрасова следует тоже задуматься пионерам.

Даже самый маленький пионер может сделать большое дело. Об этом говорится в рассказе «Самый маленький». Много хороших, интересных дел сейчас делают наши пионеры, мальчики и девочки, и стоит о них вспомнить лишний раз.

В сборнике Андрея Некрасова тринадцать рассказов. О каждом из них не стоит говорить в маленькой заметке. Лучше вы уж сами их прочитайте, ребята. Как и во всякой книжке, есть в ней рассказы хорошие, есть — менее удачные. Но все они говорят о настоящей жизни маленьких и больших людей.

Борис Емельянов

КНИГИ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Книги для детей в нашей стране издаются на разных языках. Писатели рассказывают детям о прошлом и настоящем нашей Родины; они создают в книгах образы героев нашего времени, повествуют о замечательных поступках юношей и девушек, показывают героическую борьбу советских людей за процветание Родины.

И чтобы книги могли читать все школьники страны, их переводят на многие языки и издают большими тиражами. Во всех союзных и автономных республиках и национальных округах дети читают книги на родном языке.

Русские школьники хорошо знают в русских переводах многие произведения украинской классической литературы. Только одним Детгизом за три последних года было издано более 6 миллионов экземпляров детских книг, переведённых с украинского на русский язык.

За это время вышел однотомник избранных произведений великого украинского поэта Тараса Шевченко. Книга Л. Бать и А. Дейча «Тарас Шевченко» подробно знакомит школьников с жизнью замечательного поэта.

Среди изданных Детгизом книг, переведённых с украинского языка,— избранные рассказы И. Франко; сборник стихов М. Рыльского; избранные стихи П. Тычины; повесть Ю. Збанацкого «Тайна Соколиного бора» — о партизанах Великой Отечественной войны; повесть И. Багмута «Счастливый день суворовца Криничного»; повесть А. Турчинской «Зори над Верховиной» — о жизни закарпатской деревни в годы Великой Отечественной войны; повесть О. Иваненко «Родные дети» — о детях, попавших во время Великой Отечественной войны в гитлеровские концлагери и возвращённых Советской Армией на Родину, о великой заботе нашего народа о детях.

Поэтические книжки Н. Забилы «Наша Родина», «Про всех», «Повесть об Октябре», «Под ясным солнцем», поэма М. Познанской «Наш колхоз «Победа» и сборник её стихов «Буду пионером», сборники стихов П. Воронько «Наше счастье» и «Твоя книжка», сборники стихов Г. Бойко «Будем шахтёрами» и «Про мальчика Василько, девочку Оксану и других ребят», В. Ткаченко «Моя мама» знакомят ребят с Советской Украиной, с её природой, с жизнью украинского народа.

В этом году, когда вся наша страна торжественно отмечает 300-летие со дня воссоединения Украины с Россией, в Детгизе выходят однотомник избранных произведений Леси Украинки и избранные рассказы Марка Вовчка. Готовится к изданию сборник рассказов украинской классической литературы, куда войдут произведения И. Франко, М. Вовчка, М. Коцюбинского, Панаса Мирного, С. Васильченко, а также сборник рассказов современных украинских писателей.

Выйдут в новом издании «Украинские народные сказки». Будет напечатана повесть К. Гордиенко «На заработки» — о тяжёлой жизни украинских ребят до революции. Выйдут: сборник рассказов об Отечественной войне Ю. Збанацкого — «На всю жизнь», стихи и поэмы И. Неходы «Ребята с нашей улицы», повесть об украинских пионерах Д. Жмера «Стёжки», сборник стихов и баллад Б. Чалого о дружбе пионеров разных республик нашей Родины «Слово дружбы с Украины», книги О. Донченко «Голубой винтик» и «Петрусь и золотое яичко».

Будет издан отрывок из романа украинского писателя Натана Рыбака «Переяславская Рада», в котором рассказывается о том, как под руководством Богдана Хмельницкого украинский народ навечно соединил свою судьбу с великим русским народом.

Украинская литература для детей развивается вместе со всей советской литературой. Она пользуется заслуженной любовью ребят.

В. Компаниец,
главный редактор Детгиза.

Сказка и быль

Кто из вас знает сказку о бедном водоносе Бабаджане?

Трудно жилось Бабаджану. Работал он с утра до вечера, в праздники и в будни, а зарабатывал так мало, что даже новые ко́ши купить не мог.

Но вот однажды повезло Бабаджану. Пригласил его к себе сам шах и приказал наполнить водой ванну. Выполнил водонос приказание, а шах наградил его за это деньгами. Обрадовался Бабаджан, пошёл в лавку к башмачнику, купил себе самое необходимое — новые ко́ши, а старые выбросил. Казалось бы, всё хорошо, но не тут-то было. Не принёс Бабаджану счастья шахский подарок.

Нашли люди старые ко́ши, не поверили бедному водоносу, что он честным трудом заработал обновку, обвинили его в воровстве и выпороли розгами. Как ни старался отделаться Бабаджан от старых ко́шей, куда ни прятал их, ничто не помогало. Что ни день, получал водонос новые побои и неприятности. Вот как не повезло бедняку!

Пожаловался Бабаджан в суд. Долго совещались судьи и приняли «мудрое» решение. Какое же? Об этом вы узнаете, когда прочтёте сказку грузинского поэта И. Гришашвили «Ко́ши Бабаджана».

Недавно Государственное издательство детской литературы выпустило в переводе на русский язык новую книгу И. Гришашвили — «Стихи и сказки». Кроме сказки «Ко́ши Бабаджана», вы найдёте в книге и ещё одну сказку — «Мулла и пёс». Она повествует о злом богатом купце и продажном мулле, которые с бо́льшим вниманием относятся к умершей собаке, чем к живым людям. Тяжёлой, беспросветной жизнью веет от этих старых сказок!

Светом и большим теплом наполнены стихи И. Гришашвили, посвящённые жизни наших советских детей.

Вот поэт рассказывает о школе, что стоит возле памятника Шота Руставели. Она с радостью готова принять первоклассников.

Свежо и непринуждённо звучит стихотворение «Утро». В нём описывается не только утро. Скорее всего, это рассказ о мальчике, который вместо того, чтобы готовить уроки утром, на свежую голову, сидит над ними всю ночь. Много ли пользы от таких занятий?

С утром ранним что сравнится!
Солнце льёт лучей потоки...
Вот когда должны садиться
Все ребята за уроки!

В сборнике есть стихи о птицах — друзьях урожая, о четырёх временах года, о маленьких мальчуганах Гришке и Алеко́. Эти стихи хорошо не только прочитать самим, но и познакомить с ними своих младших друзей, братьев и сестёр.

Не раз, наверно, вы встречали таких ребят, которые и учатся плохо и не любят ничем заниматься. Даже самые интересные дела кажутся им скучными. Об одном таком мальчике написал И. Гришашвили своё стихотворение «Лентяй».

Наиболее удачным в книге можно назвать стихотворение, посвящённое великому русскому языку:

Мы братским языком его зовём —
так много теплоты сердечной в нём!
И не забудешь ты — где б ни был — ни на миг
язык друзей твоих, язык прекрасных книг.
Как будто целый мир тебе знаком,
когда владеешь русским языком.
Познаешь на страницах русских книг
ты Ленина и Пушкина язык.
Вот почему нам близок чистый, ясный
народа русского язык прекрасный!

Книга И. Гришашвили «Стихи и сказки» читается с большим интересом. Обязательно прочтите её и вы, ребята.

Сергей Баруздин

Повесть о школьниках

Герои книги Я. Тайца «Родник» — школьники Владик и Петя и их одноклассники. В повести рассказывается о дружбе ребят, о школьных буднях, о радостях и огорчениях, которые всем вам хорошо знакомы.

Вы прочитаете о том, как Владик откопал в снегу странный кинжал, как благодаря этому он и его товарищ Петя подружились с девочкой Татой и её дедушкой — старым рабочим, участником боёв на Красной Пресне.

Вы узнаете, как увлеклись ребята изготовлением панорамы «Баррикада на Пресне в пятом году», как с ними стряслась большая беда и они едва не лишились желанной поездки в Краснодон.

Школьная жизнь — вот главная тема повести. Но, прочитав её, вы познакомитесь также с некоторыми эпизодами московского декабрьского вооружённого восстания 1905 года. О них увлекательно и живо рассказывает дедушка Таты, показывая ребятам незамерзающий краснопресненский родник, в водах которого полвека назад омывали свои раны восставшие рабочие.

Ю. Новикова

ТРИ ЗАДАЧИ

Каждый, кто любит спорт и хочет достигнуть в спорте мастерства, много думает над тем, как усовершенствовать свои результаты, как добиться наибольшей чёткости движений, разбирает свои ошибки, изучает наиболее интересные состязания и обязательно размышляет над тактикой их. Обучая игроков, тренеры часто заставляют их решать различные тактические задачи. Тренер говорит: «Предположите, что на поле создалось вот такое положение... Как нужно поступить в этом случае?» И спортсмены стараются найти наилучшее решение.

Давайте и мы с вами разберём несколько таких задач. Условия их — положение игроков на поле — показаны на снимках, которые мы помещаем здесь. Эти фотографии сняты в Берлине во время товарищеской встречи сборной хоккейной команды Москвы со сборной командой Германской Демократической Республики.

Посмотрите на эту фотографию. Воротам немецкой команды угрожает наш центральный нападающий Комаров. У ворот стоит и второй наш нападающий, Брунов, он едва виден за вратарём.

За мгновение до того, как был сделан этот снимок, Брунов, завладев шайбой, подошёл к воротам. Затем передал шайбу Комарову, находившемуся против ворот. Что должен сделать Комаров? И как должны обороняться немецкие игроки?

Самое простое, на что пошёл бы менее опытный игрок, — это сильным ударом попытаться послать шайбу в ворота.

Защитники и вратарь команды ГДР рассчитывали, что Комаров так и поступит. Видите? Вратарь сделал выпад навстречу Комарову, а защитник примчался к воротам. По всей вероятности, им удалось бы перехватить шайбу, если бы Комаров поступил так, как они ожидали. Но он поступил иначе. Посмотрите, шайбы нет там, где её пытаются захватить немецкие хоккеисты.

Взгляните внимательнее на лица играющих. Все игроки, кроме Комарова, как будто нарочно отвернулись от шайбы и смотрят в другую сторону. В чём же дело? В том, что Комаров перехитрил противников. Он двинулся было вперёд — вправо, как будто готовился, приняв шайбу, бросить её в ворота. А потом, обманув противников этим движением, пропустил шайбу влево и сам резко повернулся в ту же сторону,

чтобы подхватить шайбу. Вот почему немецкие игроки потеряли её из виду. Защитник, который всё время опекал Комарова, оказался теперь позади него и не может ему помешать. Вратарь и другой защитник, подскочивший слева, тоже не опасны. Надо заметить, что Комарову следовало бы, пока открыт угол ворот, поспешить завладеть шайбой, а не держать клюшку надо льдом, как он держит на этой фотографии.

Приём «обманного движения» очень важен в хоккее: им игрок может отвлечь противника, заставить его раньше времени раскрыть свои намерения и действовать неверно.

В чём была ошибка немецких защитников? Почему они не сумели помешать Комарову получить шайбу и бросить её в ворота? В том, что все они следили только за шайбой, но не за игроками. Им следовало сразу же плотно блокировать Комарова, становиться у него на пути, не давать ему свободно двигаться. А когда Комаров получил шайбу, нужно было не отбивать её клюшкой, а просто энергичным толчком туловища лишить Комарова устойчивости.

Кстати, как вы думаете, ребята, понизу или поверху нужно было бы бросать Комарову шайбу, если бы вратарь не вышел из ворот?

Когда я только начинал учиться играть в хоккей, мы с товарищами думали, что самое трудное и самое важное в броске шайбы — оторвать её ото льда и бросить по воздуху. Мы совсем не учились посылать скользящие шайбы. Это, конечно, неправильно. Обязательно надо уметь посылать шайбу на любой высоте, а также и по льду. Нетрудно понять преимущество нижней шайбы. Нижнюю шайбу вратарь отбивает коньком или клюшкой. Верхнюю он ловит рукой или отбивает туловищем, что значительно легче. Нижняя шайба мало заметна на тёмном фоне льда, верхняя же чётко выделяется, наконец, нижняя шайба идёт с большей скоростью.

А вот ещё одна фотография. На поле три игрока; шайбу ведёт немецкий нападающий (на переднем плане); за ним следует наш игрок Митин, а на заднем плане виден ещё один немецкий игрок. От чего зависит в этот момент успех их действий? Как эти трое должны играть?

Очевидно, нападающий должен увести шайбу от Митина. Хоккейное поле невелико; чтобы увести шайбу, надо маневрировать. Поэтому нападающий делает крутой поворот. На его манёвр Митин отвечает контрманёвром. Срезав дугу, он идёт на сближение с немецким нападающим. Теперь всё зависит от их умения быстро бегать на коньках.

Научиться хорошо бегать на коньках очень важно для хоккеиста; технику игры, надо сказать, освоить проще. Если хотите хорошо играть в хоккей, прежде всего учитесь бегать на коньках. Тренируйтесь в этом, когда на катке бывает мало народу, а ещё лучше, залейте под каток площадку у себя во дворе. На общих катках полагается бегать по кругу и поворачивать лишь против часовой стрелки. Если вы привыкнете бегать только так, вам будет трудно овладеть поворотами. А вам надо научиться бегать быстро, делать на большой скорости крутые повороты в обе стороны, быть устойчивым, двигаться спиной вперед, резко и внезапно тормозить.

Сзади Митина стоит немецкий хоккеист. Он поступает не совсем верно. Ему следовало бы уже сейчас двигаться, ведь со стартового положения ему труднее набрать большую скорость, быстро повести шайбу, когда она к нему попадёт. В эстафете, скажем, бегун начинает двигаться раньше, чем примет эстафетную палочку. Хок-

кеисты тоже почти всё время двигаются по полю, даже в тот момент, когда они не участвуют непосредственно в борьбе за шайбу.

Поэтому остановка для получения шайбы чаще всего не оправдана, хотя и позволяет передать шайбу точно.

На третьем снимке: наш нападающий Каравдин ведёт шайбу к воротам немецкой команды. У него на пути встал защитник команды ГДР и пытается клюшкой достать шайбу. Нелёгкое дело: шайба прикрыта крючком клюшки. Надо сказать, однако, что Каравдин мог бы лучше защитить от противника подход к шайбе: закрыть туловищем.

Как следовало бы действовать немецкому защитнику? Конечно, играть туловищем. Но он уже пропустил удобный момент, когда нападающий шёл на небольшой скорости и его внимание было приковано главным образом к шайбе,— ведь тогда достаточно было лёгкого толчка, чтобы оторвать Каравдина от шайбы.

Защитник и теперь продолжает играть нерешительно, как будто он забыл, что борьба идёт уже у ворот.

В средней зоне он мог играть осторожно, стараться лишь сдержать порыв нападающего, поджидать помощи своего партнёра. Но в опасной зоне — у ворот — такое решение неверно. Здесь нужно вести самую активную борьбу за шайбу.

Обратите внимание на позицию этого защитника на поле. Он встал перед самыми воротами — между противником и своим вратарём. Защитник не должен становиться так близко к воротам и загораживать от вратаря шайбу и поле.

Что же делать в такой обстановке вратарю? Конечно, стоять в воротах (можно лишь немного выдвинуться вперёд), ни в коем случае не нарушать своей «основной стойки» и руководить защитой ворот. Вратарь выходит из ворот, только когда вступает в активную борьбу за шайбу и при этом твёрдо рассчитывает на успех. Но в данном случае вратарь команды ГДР, видимо, стал нервничать, он вышел раньше времени навстречу шайбе, отвёл крючок клюшки ото льда, отодвинул её от коньков, поднял правую руку, отвернул ладонь от шайбы. В такой стойке он не сможет быстро преградить дорогу шайбе.

Состязание в Берлине, три момента из которого мы здесь показали, закончилось победой сборной команды Москвы со счётом 15 : 0. Москвичи выиграли благодаря мастерству, благодаря продуманной тактике и коллективной игре.

Заслуженный мастер спорта
Анатолий Тарасов

КНИЖНАЯ ПОЛКА СПОРТСМЕНА

Издательство «Молодая гвардия» выпустило несколько книг о спорте. Советуем вам прочесть книгу **Я. Мельникова «Юный конькобежец»** и книгу **В. Серебрякова «Юный лыжник»**. Заслуженные мастера спорта делятся в этих книгах своим большим опытом, они рассказывают, каким должен быть спортивный инвентарь, как научиться бегать на коньках и на лыжах, как организовать тренировки, состязания, игры.

Издательство выпустило эти книги в помощь пионервожатым и преподавателям, но пусть это не смущает вас, ребята. Книги написаны просто и понятно. Они помогут вам интересно организовать занятия спортом в звене и отряде.

А. Красильщиков

Вне игры

фельетон

А. Хмелик

С Федей Стрижиковым я познакомился на стадионе. Его место на трибуне оказалось рядом с моим, и я ни минуты не мог сидеть спокойно. Мой сосед всё время махал руками, толкался и кричал так, что у меня звенело в левом ухе.

— Сева, давай! Коля, жми! Бить надо! Чего задумался!.. Тама! — вдруг завопил он, когда мяч оказался в сетке ворот, сорвал с меня шапку и принялся колотить ею какого-то мальчишку в нижнем ряду. Но гол был забит из положения вне игры, и его не засчитали.

— Судью с поля! — во все горло крикнул Стрижиков и, заложив два пальца в рот, оглушительно засвистел...

Он болел за ту же команду, что и я. Со стадиона мы, конечно, ушли вместе. Федя увлёк меня к служебному выходу.

— Привет, Сева! — вежливо поздоровался он, а я позавидовал: Федя, очевидно, был знаком с всемирно известным Севой.

— Я их всех раз сто видел,— рассказывал мой новый знакомый.— Вот так — я, а вот так — заслуженный мастер спорта...

Федя не пропускает ни одного крупного состязания. Он обязательно приветствует «свою» команду, даже если она играет не в нашем городе. В прошлом году федина команда ездила за границу и выиграла там встречу. Узнав об этом событии, Федя помчался на телеграф. Он хотел отправить большую поздравительную телеграмму, пожелать новых побед. Потом, подумав, ограничился краткой, но выразительной: «Ура! Стрижиков».

В первый же день Федя поведал мне и о своём большом огорчении. Он сумел добыть где-то обломок хоккейной клюшки, сломавшейся после могучего удара капитана команды, но второй половиной клюшки завладел Петька Мухин. Федя попытался заполучить у Мухина его полклюшки и предложил:

— Давай меняться.

— Давай,— согласился Петя.

— Хочешь шнурок от ботинка правого полузащитника?

— Больно надо. Полклюшки за шнурок! Хитёр...

— Зажимала ты! — сказал Федя.

Совершенно ясно было, что они не придут к соглашению.

Мы с Федей оказались соседями. Он живёт на Тихой улице, а я в Треугольном переулке. Я познакомил Стрижикова с ребятами из нашего двора. И Федя часто стал заходить к нам.

Когда мы решили организовать свою хоккейную команду, Стрижикова выбрали капитаном. Федя скромно попытался отказаться. Но его и слушать не захотели.

На первой же тренировке стало ясно, что мы не ошиблись в выборе. Федя пришёл с такой клюшкой, что ему мог позавидовать даже мастер спорта. Но Стрижиков не позволил нам долго любоваться его инвентарём. Он велел всем построиться и сказал:

— Наша команда должна показать на соревнованиях высокий класс игры. Вот. Для этого нам нужно смелее использовать опыт мастеров кожаного мяча и хоккейной клюшки. Понятно? Я разработал несколько хитроумных комбинаций. Комбинации помогут нам обмануть бдительность защиты противника, и кроме того наша игра будет отличаться красивым рисунком.

Мы слушали Федю, застыв от восхищения. Никто из нас не разбирался в спорте так хорошо. Наверно, Стрижиков сказал бы ещё много интересного, но на левом фланге раздался возглас:

— Давайте тренироваться! Тебе хорошо стоять в валенках, а у меня уже ноги замёрзли.

Стрижиков бросил сердитый взгляд на нарушителя дисциплины, а потом потребовал:

— Костя Михайлов, встань пока за капитана. Я понаблюдаю за игрой.

Мы гоняли мяч, а Федя делал замечания.

— Нападающие, не злоупотребляйте индивидуальной обводкой! — кричал он, размахивая клюшкой.— Защитники, отрабатывайте технику отражающего удара!

Возвращаясь домой, я думал: «Вот что значит настоящий капитан! Вот сила воли! Как ему самому хотелось поиграть, а он даже коньков не надел!»

Я только очень жалел, что мы почти ничего не поняли из того, что кричал нам Федя, а про комбинации, которые он разработал, и говорить нечего! Федя объяснял, объяснял, а потом махнул рукой и сказал, что когда-нибудь он нам сам их покажет.

На следующей тренировке нам

тоже не удалось поиграть вместе с Федей. Он не вышел на лёд, видимо, потому, что за нашей тренировкой следили ребята с других улиц, а Федя не хотел, чтобы они увидели, как он играет.

«Это он умно поступает,— решил я.— Незачем заранее раскрываться противнику. Вот в день соревнования Стрижиков всех удивит».

И Стрижиков действительно всех удивил...

Первая встреча была у нас с командой дома № 17. Задолго до начала игры Стрижиков расхаживал по раздевалке, которую мы устроили в подъезде нашего дома, и говорил:

— Главное — не волноваться, ребята, играть напористо, дружно. Я уверен, что наш комбинационный стиль оправдает себя.

— Одевайся, одевайся поскорее! — перебил его Костя. — Надо выходить.

Федя потянулся за своими коньками, потом смущённо кашлянул и жалобно сказал:

— Я... у меня... это... нога болит. Я сюда бежал... и она подвернулась...

— Брось, Стрижиков,— рассердился Костя.— Хочешь, чтобы поклонились тебе? Надевай коньки, вот и всё!

Федя сел на скамейку. Сейчас он совсем не походил на того Стрижикова, который называл Севой заслуженного мастера спорта. Упорно глядя в пол, он пробормотал:

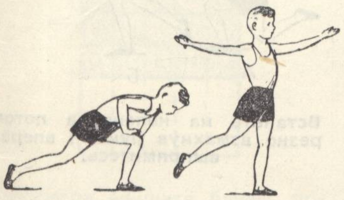
— Я, ребята, что называется, «в положении вне игры». Я, ребята... и вообще-то на коньках кататься не умею...

Если бы нам сказали, что сборная Треугольного переулка выиграла у московского «Динамо», мы, пожалуй, изумились бы не больше. Первым пришёл в себя Костя.

— Пошли,— сказал он.— Пора начинать...

И мы пошли за Костей, а Федя остался в подъезде. Мне показалось странным, что когда-то я уважал этого человека.

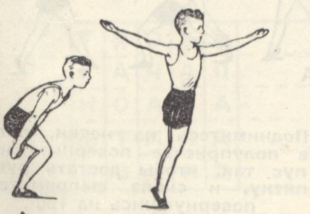
Гимнастика лыжника

А Б

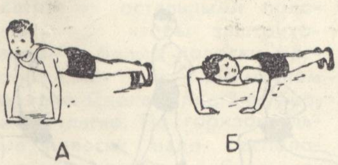
Обопритесь о колено руками, потом резко выпрямитесь, разведя руки в стороны.

А Б

Поднявшись на носки, разведите руки и поверните корпус.

А Б

Встаньте в такое положение, как показано на левом рисунке, и медленно сгибайте, затем снова разгибайте руки. Старайтесь не прогибаться и не касаться грудью пола.

Попробуйте, повиснув на руках, подтянуться. Сколько раз вы сможете это сделать без тренировки? Наверное, раза четыре — пять — не больше. А если вы станете каждый день подтягиваться, то вскоре сумеете это сделать раз шесть — семь подряд, а через год подтянетесь и пятнадцать раз.

Если вы долго не занимались прыжками, то, попрыгав немного через верёвочку, устанете, начнёте задыхаться. А девочки, которые любят скакалку, прыгают и 80 и 100 раз подряд.

Сейчас вы все ходите на лыжах и, наверное, пройдя большую дистанцию, устаёте меньше, чем на короткой, первой в этом году прогулке. И чем чаще вы будете

ходить на лыжах, тем легче будете преодолевать большие расстояния без всякого утомления.

Всё дело в том, что вы постепенно приучаете себя к повышенной нагрузке. Сердце, лёгкие, мышцы постепенно учатся справляться с большой работой, которую вы им даёте. В этом им помогает тренировка.

Чем систематичнее, чем постепеннее будете вы приучать свой организм к новой работе, тем лучше он с ней справится. Вот почему, если вы хотите овладеть каким-либо видом спорта, обязательно тренируйтесь систематически. Но, вероятно, не все вы сможете заниматься любимым спортом каждый день, например, каждый день ходить на лыжах. И, тем не менее, тренироваться вы можете ежедневно. Для этого-то мы и даём здесь гимнастические упражнения, полезные лыжникам. Советуем вам проделывать их каждое утро.

Посмотрите на фотографию, помещённую в начале этой статьи. Вы, наверно, на собственном опыте знаете, как трудно удержаться на ногах при таком крутом повороте. На большой скорости центробежная сила увеличивает вес спортсмена в три раза. Плохо тренированный лыжник ни за что не удержится на таком вираже, если у него слабые ноги. Упражнение 1, 2, 5, 6 и 7 укрепляют мускулы ног, помогают вырабатывать правильную стойку лыжника, так называемую «низкую посадку».

Третье и первое упражнения хорошо развивают силу рук. А чем сильнее руки у лыжника, тем резче отталкивается он палками и, значит, с большей скоростью может идти.

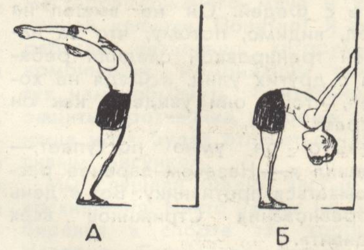
Проделывая ежедневно упражнения второе, четвёртое и шестое, вы разовьёте чувство равновесия, это поможет вам уверенно держаться на крутых склонах.

Все упражнения гимнастики нужно проделывать одно вслед за другим и повторять каждое: девочкам одиннадцати — двенадцати лет: 6 — 8 раз, мальчикам этого возраста и девочкам тринадцати — четырнадцати лет: 10 — 12 раз, старшим мальчикам: 12 — 16 раз. Если какое-нибудь упражнение у вас сразу не получается, начинайте с более лёгкого. Приседать, например, можно вначале не на одной, а на двух ногах, перенося вес тела то на одну, то на другую ногу. Третье упражнение сперва попробуйте делать, опираясь о стол, потом о табурет или стул и наконец уже о пол. Но всё же не старайтесь очень облегчать для себя зарядку. Её надо делать в полную силу, с напряжением всех мускулов.

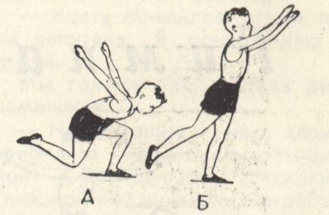
Во время гимнастики не задерживайте дыхания. Глубже делайте вдох, полнее выдох. После упражнений оботритесь смоченной в холодной воде мочалкой, а затем вытритесь полотенцем.

Гимнастику лыжника проделывайте каждое утро. Помните, что только ежедневные занятия принесут пользу.

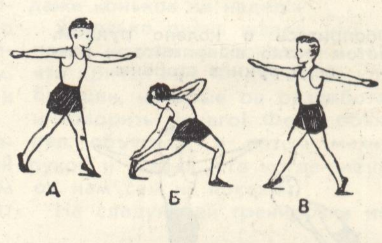
М. Черевков

Став лицом к стене, прогнитесь назад, а потом наклонитесь вперёд, стараясь коснуться стены руками. Ног не сгибайте.

Встаньте на колено, а потом, резко взмахнув руками вперёд, выпрямитесь.

Поднимитесь на носки, потом в полуприсяде поверните корпус так, чтобы достать рукой пятку, и снова выпрямитесь, повернувшись на 180°.

Прыгая на месте, выставляйте вперёд то правую, то левую ногу.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ПЛЕТЁНКА

Возьмите плотную белую бумагу и вырежьте два листка размером 20 см × 10 см. На середине каждого листка начертите квадрат 10 см × 10 см и разделите его на 25 равных клеточек.

Заштриховав цветным карандашом один квадрат, вертикальные ряды его клеток пронумеруйте. В клеточки обоих

1	2	3	4	5
П	О	В	О	С
А	Ь	Г	Н	А
С	Д	О	Я	Щ
В	М	К	Е	П
О	Т	Е	Н	Е

квадратов впишите буквы, показанные на рисунках. Потом разрежьте каждый листок по линиям, обозначенным пунктирами. У вас получится 10 полосок одинакового размера.

Т	Я	О	В	А
Е	А	Ч	А	Л
И	О	А	Е	А
М	Т	Л	Я	Д
Р	В	И	К	Д

На столе вплотную друг к другу, вертикально и в порядке их номеров положите заштрихованные полоски. Переплетите их остальными полосками так, чтобы заштрихованные и белые полоски расположились в шахматном порядке. Сделать плетёнку, конечно, легко. Но горизонтальные полоски надо расположить так, чтобы из букв, которые будут видны в клетках плетёнки, составилось название известного произведения советской литературы.

Когда вы решите эту задачу, не трогайте вертикальные полоски, а горизонтальные выньте. Расположите их в другом порядке и снова сделайте плетёнку, теперь с таким расчётом, чтобы можно было прочитать названия ещё двух произведений нашей современной литературы, с которыми, надо думать, вы хорошо знакомы.

И. Чаников

КИТАЙСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

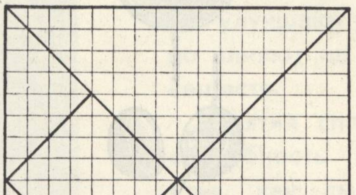

Рисунок 1.

На рисунке 1 вы видите квадрат, разделённый на семь частей; из них можно сложить бесчисленное количество самых разнообразных фигур. Некоторые из таких фигур показаны на рисунке 2. Здесь есть силуэты, напоминающие знакомые вещи: стол, молоток, свечу в подсвечнике; есть фигуры домашних животных и птиц, а три силуэта изображают мальчиков: один сидит, другой едет верхом на лошади, третий с кем-то раскланивается.

Попробуйте, ребята, решить две задачи. Во-первых, сложите 12 фигур, нарисованных в журнале. Во-вторых, сами придумайте и составьте новые фигуры, которых нет на нашем рисунке.

Решая эти две задачи, не забудьте, что каждая фигура должна состоять из всех семи частей квадрата и своими очертаниями напоминать какую-либо вещь, животное или человека. Каждую сложенную фигуру нарисуйте так, чтобы было видно, как вы составили её из семи частей квадрата (смотрите рисунок 3).

Наиболее интересные рисунки мы напечатаем в журнале.

Квадрат для «Китайской головоломки» начертите на клетчатой бумаге и линиями разделите его на части точно так, как показано на рисунке 1. Наклейте этот листок на кусок плотного картона, вырежьте квадрат по конту-

Рисунок 2.

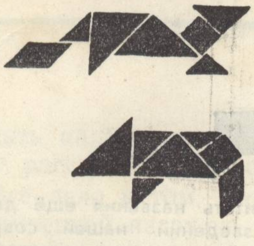

Рисунок 3.

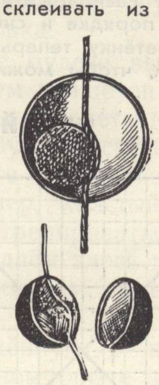
ру, а потом очень аккуратно разрежьте на части. Сделайте это ножницами или лучше острым ножом по линейке. Все части квадрата с обеих сторон закрасьте тушью или чёрной краской.

ДРЕССИРОВАННЫЙ ШАРИК

Купите раскрывающийся игрушечный шарик. Толстой иглой или шилом просверлите в нём два маленьких отверстия, одно против другого.

Пропустите сквозь оба отверстия крепкую цветную нитку длиной 60—70 см.

Раскройте шарик и положите в него длинную толстую пробку. Нитка внутри шарика, обходя пробку, должна немного изгибаться (смотри рисунок). Пробка такой толщины, как вам надо, не всегда найдётся; её обычно приходится склеивать из нескольких частей. После этого закройте шарик.

Когда захотите показать ребятам фокус, возьмите шарик и, держа шнурок за концы, поднимайте вверх то одну руку, то другую. Шарик, конечно, каждый раз будет скользить вниз по нитке.

— Это дрессированный шарик, — заявляете вы. — Смотрите, сейчас он будет останавливаться на нитке там, где я захочу. Стоп! Видите? Шарик сразу замер на полпути. Пошёл! Он послушно скользит вниз. Стоп! Шарик так и будет держаться вверху, пока я не разрешу ему двинуться дальше.

Пока вы держите нитку, не натягивая её, шарик свободно скользит вниз. Стоит чуть-чуть натянуть нитку, пробка затормозит движение, и шарик остановится.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
фрагмент картины И. Тихого «Приём в пионеры».

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.**

Технический редактор **А. Ефимова.** **Рукописи не возвращаются.**

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 09404. Подписано к печати 31/XII 1953 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 67. Зак. 3126.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

На лыжи, на коньки!

Занятия спортом очень полезны для здоровья. Они закаляют организм, укрепляют нервную систему, развивают мышцы, улучшают работу лёгких, благоприятно влияют на кровообращение и обмен веществ.

Занятия спортом увеличивают трудоспособность и развивают такие качества, как смелость, настойчивость, находчивость.

Лыжников или конькобежцев сразу можно узнать по внешнему виду: они подтянуты, собраны, у них решительные, ловкие движения.

Прежде чем начать занятия спортом, обязательно посоветуйтесь с врачом.

Одевайтесь тепло, но легко. Не кутайтесь: это может привести к простуде. Лучше всего кататься в спортивном костюме. Но его можно заменить и другой одеждой, лишь бы она была тёплой, лёгкой и удобной.

Заниматься спортом надо систематически. Регулярные занятия спортом укрепляют организм. Однако не переутомляйтесь: это может плохо отразиться на вашем здоровье.

На лыжи, на коньки!

Катки и лыжные станции ждут вас, ребята!

Центральный институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР

Цена 2 р. 50 к.

ХОККЕЙ.

Рисунок Виталия Будкина.
(Орехово-Зуево).

ЛЕДОХОД.

Рисунок Вовы Нестерова.
(Орехово-Зуево).

VI МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ВЫСТАВКА ДЕТСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА